СТАНИСЛАВ МЫСЛИНЬСКИЙ

ИЗ ОДНОГО КОТЕЛКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«В книге я постарался рассказать о годах нашей совместной борьбы за свободу и независимость, воссоздать образы только некоторых из тех многих, кто ковал победу: воинов Красной Армии, с которыми я делил трудности фронтовой жизни. В боях с гитлеровскими оккупантами родилась вечная и нерушимая дружба между нашими народами».

В этих словах автора — офицера Войска Польского, — в годы Великой Отечественной войны сражавшегося в рядах Красной Армии, заключается содержание его воспоминаний.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

- Станислав Мыслиньский
  -
  - ОТ АВТОРА
  - С ДОНА И КАВКАЗСКИХ ГОР НА БЕРЕГА ЧЕРНОГО МОРЯ
    - НАВСТРЕЧУ СРАЖАЮЩИМСЯ ВОЙСКАМ
    - ВСТРЕЧА
    - ОТСТУПЛЕНИЕ
    - НА КУБАНИ
    - МАЯК АККЕРМАНА
    - В ГОРАХ
    - ПО ПЯТАМ ВРАГА
    - ВОЗВРАЩЕНИЕ
    - НА ОТДЫХЕ
    - СНАЙПЕР
    - ВЫСОТА
    - В ТОТ ОКТЯБРЬ
    - НА БЕРЕГУ МОРЯ
  - ЧЕРЕЗ ЗЕМЛИ УКРАИНЫ В ПОЛЬСКИЕ БЕЩАДЫ
    - МИШКА
    - ВЫЛАЗКА
    - КОМАНДИР
    - ЦЕНОЮ ЖИЗНИ
    - ЛЕТО СБЫВШИХСЯ НАДЕЖД
    - МАМАША
    - ФРОНТОВЫЕ ЦВЕТЫ
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

Станислав Мыслиньский
ИЗ ОДНОГО КОТЕЛКА

Полковник
СТАНИСЛАВ МЫСЛИНЬСКИЙ

STANISŁAW MYŚLIŃSKI

Z JEDNEJ MENAŻKI

WYDAWNICTWO
MINISTERSTWA
OBRONY NARODOWEJ
WARSZAWA
1972

СТАНИСЛАВ МЫСЛИНЬСКИЙ

ИЗ ОДНОГО КОТЕЛКА

Авторизованный
перевод с польского
Глазова В. А.,
Костикова П. К.
и Светлова В. А.

Ордена Трудового
Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва —
1974

ОТ АВТОРА

Свои воспоминания я писал, когда моя родная земля уже жила радостью завоеванной свободы. С каждым годом она становится прекраснее и богаче. Возрожденная из руин и пепла, которые остались после чудовищной гитлеровской оккупации, она как бы тянется ввысь этажами новых прекрасных домов. С огромной радостью смотрю я на лица моих соотечественников: они спокойные, улыбающиеся, уверенные в завтрашнем дне, в своем будущем. Мы любуемся сегодня чистым голубым небом, ярким солнцем. И сердце каждого фронтовика наполняется гордостью от одного только сознания, что огромные жертвы, принесенные много лет назад, и обильно пролитая кровь товарищей по оружию были не напрасны. Нынешнее и будущие поколения будут им вечно благодарны.

Огромные человеческие жертвы во время этой войны понес советский народ. Маршал Советского Союза А. А. Гречко в своих воспоминаниях «Через Карпаты» пишет, что, выполняя свой интернациональный долг, более миллиона советских воинов отдали свою жизнь во имя свободы и независимости народов стран Европы.

Мы, поляки, хорошо знаем, что за освобождение польских земель погибло свыше 600 тысяч солдат Страны Советов… Поколения моего народа этого никогда не забудут. Они будут помнить это так же, как будут помнить и любить своих матерей, давших им счастливую и радостную жизнь.

Дорогие советские читатели! Эти воспоминания были изданы уже спустя много лет после войны, хотя отдельные отрывки печатались раньше в различных польских журналах. Буду весьма польщен, если с моим скромным литературным трудом познакомится широкий круг советских читателей.

В книге я постарался рассказать о годах нашей совместной борьбы за свободу и независимость, воссоздать образы только некоторых из тех многих, кто ковал победу: воинов Красной Армии, с которыми я делил трудности фронтовой жизни. В боях с гитлеровскими оккупантами родилась вечная и нерушимая дружба между нашими народами. Она росла и закалялась в совместной борьбе в период войны и в послевоенных трудовых делах.

Излагая свои солдатские воспоминания, я, как мог, стремился рассказать, особенно молодому польскому поколению, правду о людях, боровшихся и умиравших за радость жизни на земле.

Проходят дни, месяцы и годы, многое забывается. Однако

годы борьбы с фашизмом ничто не может вырвать из памяти. Новые поколения должны знать правду о том тяжелом времени и по-настоящему ценить наших незабываемых друзей, поэтому нужно постоянно об этом напоминать.

Для советского читателя, видимо, необходимо дать некоторые разъяснения к моим фронтовым воспоминаниям. Прежде всего надо рассказать о том, при каких обстоятельствах я, поляк, был удостоен чести быть солдатом Красной Армии.

С советскими воинами впервые я столкнулся во второй половине сентября 1939 года, будучи совсем молодым человеком. Война застала меня на западной стороне реки Сан, на южной границе Польши, где я был солдатом 21-й учебной роты польской армии «Карпаты». После первых тяжелых боев рота была разбита, подобно многим другим нашим частям, хорошо вооруженной гитлеровской армией. Мы отступали на восток.

Первая встреча с советскими солдатами была для меня полна неожиданностями. Тогда я еще не представлял, что выступившая навстречу фашистским войскам Красная Армия была единственной преградой на пути продвижения зарвавшегося врага, и не предчувствовал, что уже вскоре, в 1942 году, буду как боец Красной Армии также принимать участие в кровопролитных боях с гитлеровскими оккупантами. Я, конечно, мог остаться в Баку, куда добровольно приехал в феврале 1940 года на работу в нефтяной промышленности. С началом войны я, как специалист, получил так называемую бронь, то есть освобождение от службы в армии. В то время я работал на судоремонтном заводе «Парижская Коммуна». Огромное желание бороться с врагом, с которым у меня были свои счеты за смерть друзей, оставшихся далеко, на польской земле, заставило меня, однако, покинуть моих товарищей по работе. Думаю, они простили мне это бегство на фронт.

И вот последовали долгие месяцы боев, переходов. Минуты отдыха выпадали редко. С того времени я стал одним из тысяч советских артиллеристов. Служил в 1-й батарее 76-миллиметровых орудий 968-го артиллерийского полка 395-й стрелковой дивизии, которая за героические дела получила наименование Таманской гвардейской дивизии. Мы прошли путь от Кавказских гор — через кубанские степи, таманские плавни — к Азовскому и Черному морям. Затем Украинский фронт… Там мы приняли участие в освобождении Киева, Житомира, Бердичева, Гусятина, Тернополя, Перемышля… Форсировали Днепр, Збруч и другие реки… И наконец долгожданная встреча с родными местами, где я не был с сентября 1939 года.

Длинными были наши фронтовые дороги, по которым мы

дошли до Польши. В каждом из нас живут воспоминания о трудных боях, о горечи поражений и радости побед; воспоминания о последнем куске хлеба и щепотке крепкой махорки, сердечная тоска по боевым товарищам. Оживают события, эпизоды сражений и многие близкие люди, которых мы потеряли на фронтовых дорогах.

Поэтому в книге не так много веселых событий и радостных эпизодов. Боевые будни составляли в то время жизнь моих товарищей по оружию, с которыми меня неразрывно связывала борьба. У нас была общая цель, а достигнутая победа и сегодня цементирует братские узы наших народов, выкованные в трудные годы борьбы с общим врагом. Языком простого солдата я хотел передать правду о тех событиях, которые составляют ныне славную историю наших народов.

Человеческая память несовершенна. Особенно если прошло много лет. Поэтому приношу извинения тем, чьи имена я не упомянул или исказил.

Мне хотелось бы, чтобы эти воспоминания стали букетом цветов на могилах моих дорогих товарищей по оружию, которым не суждено было дождаться радостных дней победы и увидеть сегодняшнюю жизнь наших братских народов. Пусть тем, кто счастливо дошил до этих дней и имеет возможность искренне радоваться результатам наших общих усилий, эта книга напомнит те никогда не забываемые фронтовые дни и ночи, которые были отданы борьбе за правое дело.

Станислав Мыслиньский

С ДОНА И КАВКАЗСКИХ ГОР НА БЕРЕГА ЧЕРНОГО МОРЯ

НАВСТРЕЧУ СРАЖАЮЩИМСЯ ВОЙСКАМ

Господи, госпо-о-о!..

Рев моторов гитлеровских самолетов над нашими головами начал стихать, когда в эхо взрывов последних бомб вторгся пронзительный, полный отчаяния женский крик.

«Почему она так кричит?» — пронеслось у меня в голове. Я чувствовал, как нервно ходят желваки на моих скулах, а рот наполняется чем-то липким. Я сплюнул.

— Кровь, — констатировал я удивительно спокойно. — Наверно, язык порезал, — успокоил я Казика, увидев немой, беспокойный вопрос в его широко открытых глазах. Лицо Казика было бледным, с высокого лба стекали большие капли пота, он весь дрожал.

— Господи, люди, люди-и-и!..

Голос женщины взывал по очереди то к богу, то к людям. Он доносился откуда-то сзади, из-за воронки от бомбы, в которой лежали мы, прижавшись к влажной земле.

Привычку искать в такие минуты спасения в свежих воронках я приобрел в сентябре 1939 года, когда нашу роту неоднократно бомбили фашистские самолеты. Тогда-то в районе Дыновско-Перемышльской возвышенности, сразу же после занятия нами обороны перед Саном, командир нашей роты поручник Гоздзик учил нас, что бомбы и артиллерийские снаряды врага не так уж страшны… Дважды в одно и то же место они никогда не попадают, поэтому главное в таких случаях — это уметь спрятаться. Самое безопасное место — свежие воронки… Поручник воевал в польских легионах и рассказывал нам, семнадцати —, восемнадцатилетним, что не раз бывал в таких переплетах. Я же относился к числу тех, которые свято верили словам своего командира. И лишь со временем я убедился в том, что поручник не всегда бывал прав. В частности, и с этим «непопаданием»…

Лежа с Казиком в пропитанной сгоревшим порохом глубокой воронке, мы смотрели в чистое, как лазурь, безоблачное небо. Гул моторов фашистских самолетов становился все тише и тише.

— Ну что ж, посмотрим, как выглядит окружающий мир после этого ада… Интересно, почему эта женщина все время кричит? — Казик встал и начал не спеша стряхивать землю с брюк и рубашки.

— Встаем! Эти сукины сыны вряд ли сюда вернутся. — Поднимаясь с земли, я чувствовал, как у меня все еще дрожат колени и трясутся руки.

— Сташек! Скорее, скорее!.. Смотри! — крикнул Казик.

— Чего она кричит… — Конец фразы застрял у меня в горле. Мне доводилось видеть всякое, но то, что я увидел теперь, не умещалось в моем воображении. Последствия бомбежки были ужасными. Несколько домов этого небольшого хутора превратились в груду развалин. Не осталось даже стен. Догорали остатки прогнившей соломы с сорванных крыш. Среди руин и обгоревших деревьев дымилось множество воронок, возле них лежали истерзанные человеческие тела… На проходившей рядом дороге виднелись обломки разбитых обозных подвод. Запутавшиеся в постромках лошади жалобно ржали. Некоторые из них силились подняться на перебитых ногах. Какой-то офицер, громко крича, выстраивал походную колонну. Из придорожных канав, переругиваясь и окликая друг друга, поднимались красноармейцы. Услышав команду, бежали к месту сбора спрятавшиеся в саду и в поле солдаты. Однако многие из них так и остались там лежать. Двое санитаров перевязывали раненых. Над развалинами того, что еще совсем недавно называлось хутором, поднимался начавший уже редеть дым. Именно оттуда и доносились плач и призывы о помощи. Мы молча побежали в том направлении.

Возле одного из разрушенных домов, прижав к груди малыша, стояла на коленях женщина. Остатки разорванной одежды тлели на ней, а из-под платка на голове торчали обгоревшие волосы.

— Это Марийка с сыном! — шепнул Казик.

— Сынок! Мишенька, Миша! Отзовись, сынок! — Из уст женщины вырывалась отчаянная мольба. По ее щекам текли слезы и падали на окровавленную головку ребенка.

Я подбежал к ней и схватил ее за остатки рукава.

— Хозяйка, надо перевязать мальчика… Давайте мы поможем…

— Оставь ее в покое! Не видишь, что с ним? — потянул меня за плечо Казик, показывая на широко открытые, уже застывшие глаза ребенка.

Я в ужасе попятился. Боль сжала мое сердце.

Женщина каким-то отсутствующим взглядом посмотрела вначале на меня, затем на Казика.

— Господи боже мой!.. Лучше бы ты меня покарал, — глухо застонала она, прижимая к груди мертвое тело.

— Идем отсюда… Мы здесь лишние, — потащил меня за собой Казик.

Мы вышли на дорогу.

— Какая же она несчастная!.. Единственный ребенок, а муж

где-то на фронте и ничего еще не знает, — сочувствовал я убитой горем женщине.

— К сожалению, никто и ничем ей уже не поможет… Самое страшное то, что такие и даже худшие несчастья выпали теперь на долю тысяч, а может, даже и миллионов людей, — вздохнул Казик. — Однако жалко мальчишку, очень жалко… Он был таким обаятельным. Помнишь, как он просил нас передать его отцу, чтобы тот не волновался за него…

Мы шли, а навстречу нам двигались колонны пехоты, подводы, автомашины и тягачи. Перед глазами невольно проносились события вчерашнего вечера.

…Солнце клонилось уже к далекому горизонту, когда мы добрались до этого хутора. Дома стояли чуть в стороне, в нескольких десятках метров от полевой дороги, спрятавшись среди развесистых деревьев.

— Вот здесь и заночуем, — предложил Казик.

Я не возражал. Не потому, что Казик был на пять лет старше меня и, следовательно, более опытным. Об отдыхе уже давно напоминали уставшие ноги.

— Ты у нас за главного, как скажешь, так и будет, — поспешно согласился я. Я боялся, что он передумает и придется идти дальше.

Хутор насчитывал всего четыре дома. В этих краях их называли мазанками и строили из глины и соломы, а каркасом служили деревянные жерди. Сами дома были низкими, но из-за остроконечных крыш, покрытых преимущественно соломой, казались намного выше, чем были на самом деле.

Когда мы вошли в первый с краю дом, я инстинктивно пригнул голову, чтобы не удариться о потолок. В хате царил беспорядок — как оказалось, хозяйка собиралась белить известью стены.

— Ну что, не хватает мужичка, хозяйка? — после обычных слов приветствия заговорил Казик.

Женщина была очень красивой — загорелое лицо, большие черные глаза. На вид ей было немногим более двадцати лет. Она улыбнулась нам полными губами, обнажив ряд белых ровных зубов, откинула с высокого лба непослушную прядь волос, вылезшую из-под пестрого платочка.

— Конечно не хватает, — ответила она, не задумываясь. Однако спустя минуту, сообразив, что мы можем двусмысленно расценить ее слова, тут же добавила:

— Своего, своего не хватает. Но там он теперь, пожалуй, больше нужен. Вот уже скоро почти год…

— Понял, кавалер? — буркнул я сердито. — И не пытайся

приставать со своими ухаживаниями. А то можем остаться без ужина…

Казику было двадцать пять лет. Он был еще холостяком и нравился женщинам. И не удивительно: высокий, красивый, с вьющимися волосами и орлиным носом, к тому же широкоплечий и с топкой талией… Держался он всегда прямо, ходил с высоко поднятой головой и был похож на офицера, хотя в армии никогда не служил. До войны он работал пастухом в поместье графа Яблоновского.

— Разве стоило жениться, чтобы плодить будущих пастухов? — откровенно делился он со мной.

— Мама, мамочка! — в хату вбежал малыш лет около пяти. Длинные кудри обрамляли его загорелое лицо. Увидев посторонних, он смущенно умолк, не сводя, однако, с нас своих черных глаз.

— Что, сынок? Ну, Мишенька?

— Мамочка, солдаты идут. Много…

— Идут, ну и пусть себе идут, — коротко оборвала его мать. — А вы куда держите путь? — обратилась она к нам. — Им навстречу?

— Угадали. Туда, где фронт, где сражаются наши… может, и мы там пригодимся, — ответил я.

— Вот ищем, где бы переночевать, а то ноги уже не идут, — вмешался Казик. — Ну так как, хозяйка, примешь? Разрешишь переночевать? Накормишь?

— Мишенька! Проводи их к Юстинке, — распорядилась мать. — Извините, но видите, какой у меня балаган. А у соседей уютно и чисто, да и сарай полон сена. А к ужину приходите, чем-нибудь накормим. Для тех, кто добровольно идет на фронт, ничего не жалко.

Дом Юстинки находился рядом, но Мишка повел нас туда окольным путем, вдоль изгороди из плетня, к небольшой калитке позади дома.

— Дядя, дяденька! — обратился малыш к Казику.

— Что тебе? Ну, говори? — погладил тот мальчика по длинным взлохмаченным кудрям.

— Дядя, а как дойдете туда, где стреляют, скажите моему папе, что живу я хорошо, расту… Пусть он за меня не волнуется…

— Не беспокойся, Мишенька. Расскажем твоему отцу, обязательно расскажем, — ответил я, улыбаясь, хотя, честно говоря, после таких слов ребенка мне было не до улыбок.

— Не забудем, — серьезно заверил его Казик.

В соседнем доме нас встретили невысокого роста, довольно полная женщина и высокая, худенькая, загорелая девушка. Это

были Юстинка и ее мать.

— Ну что ж, можете переночевать у нас, ребята. Как же отказать тем, кто идет на фронт? Мой там воюет уже целый год, не знаю даже где. Вот уж несколько недель от него писем нет. Накормим вас чем бог послал, выспитесь, — согласилась хозяйка. — Только, ребята, до утра. А если хотите у нас еще задержаться, то идите к председателю колхоза. Понятно?

Съев ужин, который состоял из крынки молока и буханки черного хлеба, мы пошли отдыхать. Хозяйка посоветовала нам спать в сарае, на свежем сене.

Мы вышли во двор.

Близилась ночь. Как обычно, в июле в донских степях она была теплой, наполненной ароматом трав, полевых цветов, сена и созревших хлебов. Время от времени, рассекая воздух, проносились летучие мыши. Все отчетливее слышался глухой гул артиллерийской канонады со стороны близкого, как нам казалось, фронта. С проходившей рядом дороги доносились голоса людей, обрывки команд, скрип обозных подвод, короткое ржание лошадей, гул моторов двигавшихся с погашенными фарами автомашин. Эта ноль не сулила, по-видимому, отдыха красноармейцам.

— Что-то снова все зашевелилось… Лишь бы не опять отход на заранее подготовленные позиции, — ворчал Казик.

Юстинка отвела нас в стоявший рядом с домом небольшой деревянный сарай.

— Вот здесь и располагайтесь. Мы храним здесь сено для козы — единственной нашей кормилицы, молоко которой вам так понравилось… Хорошо, что фашисты ее нам оставили. А вот корову забрали…

— Значит, гитлеровская сволочь побывала и у вас? — спросили мы, выслушав рассказ девушки.

— А вы не знали? Они были здесь в конце октября прошлого года, когда шли на Ростов. Но нашим удалось вскоре их отсюда прогнать, хотя и не так уж далеко…

Мы с Казиком не ориентировались тогда в сложившейся обстановке. Правда, проходя через Ростов, мы видели много разрушенных зданий, но совершенно не знали, что здесь произошло. А в Ростове-на-Дону с 21 по 29 ноября 1941 года действительно хозяйничали гитлеровцы, но «27 ноября армии Южного фронта нанесли мощный удар по ростовской группировке врага с севера, востока и юга, и 29 ноября советские войска освободили Ростов. Противник, стремясь избежать окружения, поспешно отступил к Таганрогу на правый берег р. Миус»[1].

Но об этом я узнал намного позднее и не от красавицы Юстинки. Она, постелив нам постель на мягком и душистом сене, непринужденно продолжала болтать:

— Вам будет здесь удобно, тепло… Можете спать хоть до обеда.

Приготовив постель, девушка попрощалась и ушла, а мы сразу повалились на сено и уснули как убитые.

Казик разбудил меня, когда солнце уже высоко поднялось над горизонтом.

— Вставай, пора идти. Юстинка с матерью, наверное, уже в поле. Дверь заперта на замок. Здесь люди работают от зари до зари… А на дороге снова какое-то подозрительное оживление. Машины с ранеными едут в направлении Ростова…

Я быстро оделся и вышел из сарая. Двор был забит солдатами, лошадьми. По дороге двигались грузовики. Взмыленные лошади тащили повозки. На них сидели раненые красноармейцы. Со всех сторон доносился гул моторов, гомон человеческих голосов.

Вдруг послышался резкий рев падающих с неба самолетов и почти одновременно свист летящих на нас бомб…

Дальнейшее произошло в течение нескольких минут, которые показались нам вечностью. В моей памяти сохранилось лишь то, что я не растерялся и потянул за собой Казика в первую попавшуюся воронку от бомбы. Нам явно повезло. Мы оба вышли целыми и невредимыми из этого пекла. Но тогда мы еще не знали, что это лишь начало, что настоящее пекло ждет нас впереди…

Мы упорно продолжали идти в северо-западном направлении, откуда доносился нарастающий грохот артиллерийской канонады. Где-то далеко впереди шли ожесточенные бои. Здесь же серая пыль, словно туман, окутывала едущих и идущих. Воздух настолько накалился, что было тяжело дышать. В горле все пересохло.

Шел уже десятый день с тех пор, как мы покинули столицу Азербайджана. Мы ехали и в поезде, и на автомашинах, и на подводах, но больше шли пешком. Позади осталась почти тысяча километров. Мы настойчиво стремились к конечному пункту нашего путешествия, к Ростову. Но, к сожалению, там в военкомате, так же как и в Баку, нас не поняли.

— У вас же бронь! Нет, надо работать на заводе. А про фронт забудьте! — накричал на нас какой-то майор, посмотрев наши документы. — Как вам удалось сюда добраться? — удивился он. Разговор закончился тем, что он показал нам на дверь.

Нам было приказано возвращаться, но куда? В Баку? Чтобы

там нас подняли на смех: вот, мол, вернулись герои, навоевались…

Решение идти на фронт мы приняли с Казиком еще летом 1941 года, сразу же после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Среди поляков, которых в то время немало работало в Баку, царило огромное, впрочем, вполне обоснованное воодушевление. Мы знали, что Гитлер начал войну с самым большим государством континента, и, хотя уже тогда отдавали себе отчет в том, как много жертв и несчастий принесет она народу, который проявил к нам столько доброжелательности, все-таки верили, что эта война рано или поздно приведет к долгожданному и окончательному разгрому Германии. Ведь мы видели неисчерпаемые ресурсы огромного тыла Страны Советов — людские, технические, сырьевые, промышленные и сельскохозяйственные… У каждого из нас не было и не могло быть сомнений в том, что Советский Союз могущественный союзник нашей далекой оккупированной фашистами страны. Мы чувствовали, что война, которая для нас, поляков, началась в сентябре 1939 года, вступила теперь в решающую стадию и от ее исхода будет зависеть, станет ли наша родина вновь свободной.

Не добившись от военкомата в Баку направления в Красную Армию, многие из нас решили бежать на фронт. Нам с Казиком повезло. Мы благополучно добрались до Ростова. И вдруг опять отказ. Мы решили, что и без направления ростовского военкомата на фронте найдется для нас дело, и вышли из города.

Навстречу нам ехали автомашины, тягачи с прицепами, забитые ранеными, брели беженцы — женщины с детьми, молодежь и старики, шли стада коров и овец.

— Посмотри! Это напоминает мне наш трагический сентябрь, — заметил Казик, показывая на дорогу. — Только самолеты летали тогда чаще и больше косили людей…

Ни Казик, ни я тогда еще не знали, что основная часть гитлеровской авиации была брошена в то время на подступы к Сталинграду. Здесь же пока было сравнительно спокойно.

С запада по-прежнему доносились артиллерийская канонада и глухие взрывы бомб. На горизонте поднимался густой дым.

— Ну наконец-то. Там, наверное, уже фронт, — утешал меня Казик. — Только, черт возьми, почему некоторые как-то подозрительно косятся на нас? Или они считают, что мы идем встречать гитлеровцев? А может, лучше вернуться назад? — заколебался он. — Ты же знаешь, идет война, и вряд ли с нами будут цацкаться. Еще получишь пулю в лоб, и, что самое неприятное, от своих… Тогда прощай Низьборг, Городница, прощайте Копычинцы…

Казик Червиньский был родом из деревни Низьборг-Шляхецки Копычинского повята[2], расположенной примерно в пятнадцати километрах от моего родного села Городница. В 1940 году мы уехали оттуда, завербовавшись на работу в Азербайджан на нефтепромыслы. Из столицы этой республики — Баку — и шла теперь наша дорога.

— Вернуться назад? Ты что, с ума сошел? — Теперь, когда фронт был совсем рядом, я не мог с этим примириться. Я не знал, что фронт, к которому мы добирались столько дней, уже перестал существовать, что это случилось накануне того дня, когда мы, полные еще энтузиазма и оптимизма, шли навстречу сражающимся красно-армейцам…

С начала войны события на советско-германском фронте развивались неблагоприятно для Советского Союза. «Уже за первые три недели военных действий Красная Армия вынуждена была оставить почти всю Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, большую часть Украины. В сентябре немецко-фашистские войска подошли к Ленинграду и блокировали город. К середине ноября враг вплотную подошел к сердцу нашей Родины Москве…

Одновременно с наступлением на Москву немецкое командование намеревалось овладеть Донбассом и Крымом, блокировать Кавказское побережье. По расчетам гитлеровцев, это заставило бы Турцию вступить в войну против Советского Союза.

К концу октября немецко-фашистские войска вышли на подступы к Ростову. Гитлеровцы не без основания считали Ростов «воротами» Кавказа. Этот город в силу своего географического положения был не только важным экономическим и культурным центром, но и важнейшим стратегическим пунктом на юге Советского Союза.

От исхода борьбы на юге зависело, получит ли германское командование кавказскую нефть, продовольствие Дона и Кубани и другие важные преимущества в политическом и стратегическом отношении, которые принес бы им захват Кавказа.

Противник рассчитывал обойти Ростов с севера и северо-востока, окружить и уничтожить войска наших 9-й и 56-й Отдельной армий и затем прорваться на Кавказ.

Для этой операции немецко-фашистское командование выделило 1-ю танковую армию под командованием генерала Клейста. В состав этой армии входили 3-й и 14-й моторизованные, 49-й горнострелковый и итальянский подвижной корпуса.

Войска Южного фронта состояли из 12, 18 и 9-й армий… располагали ограниченными силами. В стрелковых дивизиях

насчитывалось не более чем по 7 тыс. человек, изнуренных длительными оборонительными боями. Мало было артиллерии и особенно танков и авиации.

В начале ноября 1941 г. немецко-фашистские войска, обладавшие подавляющим превосходством в танках, возобновили наступление из Донбасса в юго-восточном направлении. 21 ноября противник овладел Ростовом… 27 ноября армии Южного фронта нанесли мощный удар по ростовской группировке врага с севера, востока и юга, и 29 ноября советские войска освободили Ростов»[3]. После этого они развернули дальнейшее наступление на запад.

«Начатое советскими войсками 30 ноября преследование потрепанных дивизий 1-й танковой армии продолжалось до 2 декабря. Противник отступил на рубеж рек Миус и Самбек… Чтобы остановить продвижение советских войск на этом рубеже, немецко-фашистское командование спешно перебросило на помощь 1-й танковой армии из района Харькова все свободные силы.

Результаты контрнаступления Южного фронта имели большое военное и политическое значение. Контрнаступление Красной Армии под Ростовом сорвало план немецко-фашистского командования прорваться на Кавказ и укрепило положение наших войск на всем левом крыле советско-германского фронта. Части Южного фронта сковали крупные силы врага в самый напряженный момент битвы под Москвой и нанесли 1-й немецкой танковой армии значительные потери…

Советский народ с огромным воодушевлением воспринял первую крупную победу Красной Армии. Он расценивал эту победу как начало перелома в обстановке на фронте и был уверен в том, что за этим ударом последуют новые сокрушительные удары, которые изменят ход войны в пользу Советского Союза»[4].

Но до этого было еще далеко. Эта кампания, так же как и зимняя под Москвой, не могла еще решить исхода войны. Несмотря на то что противник понес большие потери, он располагал еще серьезными резервами в живой силе и технике. Поэтому в январе 1942 года Гитлер заявил послам государств — союзников Германии, что летом он намерен предпринять наступление на Кавказ. Это направление, говорил он, является важнейшим, нужно обязательно добраться до нефти, до Ирана и Ирака. События, которые предшествовали гитлеровскому наступлению в 1942 году — успехи немецких войск на Украине и разгром 8-й английской армии в Северной Африке, — вселяли в Гитлера уверенность в победоносном исходе войны. 5 апреля Гитлер издал директиву, определяющую задачи вермахта на

летнюю кампанию: с помощью огромных клещей, охватывающих Кавказ и Египет, смять левое крыло советской обороны и разбить англичан на Ближнем Востоке. На Кавказ из района, расположенного между Харьковом и Черным морем, была переброшена группа армий «А» под командованием генерал-фельдмаршала Листа. Непосредственное руководство боевыми действиями на южном участке фронта осуществлял сам Гитлер, который вскоре перенес свою ставку на Украине в Винницу.

17 мая немецкие войска перешли на южном направлении в наступление и нанесли под Харьковом тяжелый урон Красной Армии, окружив там, в частности, две армии. «К 5 июля ценой больших потерь врагу удалось преодолеть оборону советских войск на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов и выйти к Дону… К исходу 15 июля противник прорвал оборону советских войск между Доном, Северным Донцом на широком фронте и вновь пытался окружить соединения Юго-Западного и Южного фронтов на подступах к Ростову»[5].

ВСТРЕЧА

На наших глазах разыгрывалась драма отступления. В этом уже не было никаких сомнений.

Слева от полевой дороги, по которой шли мы с Казиком, пикировали немецкие самолеты. Они с ревом проносились над кронами деревьев, скирдами хлеба и людским потоком. Обезумевший скот ринулся в поле. Люди бежали, падали, поднимались и снова бежали. Грохот взрывов несся над широкой степью. Земля поднималась вверх черными султанами. Метались испуганные лошади, копытами и колесами подвод сметая все на своем пути. Дымились разбитые автомашины, тягачи, прицепы.

— Там шоссе… Из самого Ворошиловграда так идем, — коротко объяснила нам худая женщина, тяжело дыша от усталости. Мы помогли ей втащить на пригорок тяжело груженную тележку. Двое детей — мальчик и девочка — семенили за матерью. На пригорке женщина дружески махнула нам рукой.

— Лучше возвращайтесь, ребята!.. Говорят, что немцы прорвали фронт. Не до вас, когда войска отступают, — сказала она нам тихим, усталым голосом.

Мы с Казиком в нерешительности остановились. Действительно, по дороге шли уже не отдельные люди или небольшие группы, как это было еще вчера или даже сегодня утром, а двигался сплошной человеческий поток. Шли женщины с детьми на руках, шла молодежь, шли сгорбленные старики. Редко встречался в толпе мужчина в расцвете сил. С грустью в глазах, молча смотрели мы на эту бесконечную человеческую реку.

По ухабистой дороге громыхали колхозные подводы, нагруженные узлами, тюками, ящиками, мешками с зерном. С лошадиных морд падала белая пена. Женщины и дети тащили за собой небольшие тележки. По обочинам дороги гнали коз, коров и овец. Серая дымка пыли висела в воздухе.

А над степью стояло ослепительное солнце. Ни малейшего облачка на голубом, чистом небе.

Я шел босиком. Ботинки перебросил через плечо — они натерли мне ноги до крови, — поэтому раскаленная земля обжигала ступни. Очень хотелось пить, а поблизости ни одного колодца, ни одного дома. Вокруг до самого горизонта тянулись колхозные поля, на которых кое-где торчали скирды пшеницы.

На полях во многих местах виднелись языки пламени и серые струйки дыма. Это горели от искр тягачей или взрывов бомб хлеб и трава. Следы свежих воронок встречались здесь довольно

часто…

Где-то на западе снова загремела артиллерийская канонада.

— Жарко, наверное, сейчас там!.. Но наши еще держатся. А что немцы прорвали фронт — я не верю. У страха глаза велики, — утешал себя Казик. Услышав снова эхо канонады, он заметно повеселел.

— Ну видишь, а хотел уже возвращаться. Я думаю, что мы еще успеем им на помощь и будем вместе гнать гитлеровцев, — вслух мечтал я.

Тогда мы не допускали и мысли, что слышим эхо наших поражений, горький привкус которых нам придется вскоре познать самим. Тогда мы еще об этом не знали и упрямо шли вперед, навстречу волне беженцев.

— Брось ты эти ботинки!.. Идешь босиком, а их тащишь неизвестно зачем. Девчата оборачиваются и смеются, что у тебя не все дома… — Казик не мог спокойно смотреть, как я смешно подпрыгиваю на твердых кочках обочины дороги.

— Я привык ходить босиком. В нашей деревне обувь жалели носить даже по воскресеньям.

— Ты знаешь, а мне и зимой нечего было беречь!.. Чертовские времена…

Впереди нас сверкнуло на минуту в лучах солнца зеркало речки. Из воды торчали разбитые вдребезги сваи, упавшие вниз балки и обгоревшие доски взорванного моста.

Солдаты переходили вброд неглубокую речку. Над их головами торчали стволы винтовок и ручных пулеметов, а на шеях болтались подсумки с патронами, связки гранат, вещмешки с солдатскими пожитками.

Мы молча наблюдали за этой сценой.

Какой-то офицер в расстегнутой гимнастерке стоял на берегу реки. Его брюки и сапоги были перепачканы грязью, с них стекала вода. Видимо, он только что перешел на эту сторону. Он размахивал правой рукой и что-то кричал охрипшим голосом. Другая, забинтованная рука висела на перевязи.

— Скорей, ребята, скорей! — донеслись до нас слова офицера. Вдруг он заметил нас.

— Эй вы там, ко мне! — сурово крикнул он.

Мы кубарем скатились вниз и подбежали к нему.

— Какие будут приказания? — спросил я, еле переведя дух. Я почувствовал благодарность к этому молодому человеку за то, что он проявил к нам интерес.

— Люди из сил выбиваются, а вы глазеете. А ну помогайте таскать снопы! — приказал офицер, показав на разбросанные скирды. — И бросайте их вон туда, в болото…

— Есть таскать снопы! — радостно воскликнули мы с Казиком. Я снял с плеча ботинки, бросил их под ближайший куст, и мы побежали.

Из крупных колосьев сыпались на землю сухие тяжелые зерна. Мы по примеру других начали топтать солому ногами. Вокруг кипела лихорадочная работа. Люди трудились молча, без лишних слов, разговоров, команд…

Вместе с солдатами я таскал длинные, налитые тяжелым зерном снопы пшеницы. С грустью вдавливал я их в грязь.

«В родной деревне после уборки урожая собирали даже отдельные колоски со стерни, а здесь…» — думал я, глядя, как растет полоса белой соломы шириною в несколько метров. А солдаты продолжали подносить снопы, втаптывать их сапогами в болото.

— Сердце разрывается на части при виде этой картины. Не могу больше смотреть! — Обросший солдат вытер грязной рукой потный лоб. Прядь седых волос торчала из-под его выгоревшей пилотки.

— Есть приказ ничего не оставлять врагу, а вас, сержант Сорокин, мучают какие-то угрызения совести, — вмешался стоявший рядом солдат. Пушок покрывал его продолговатое молодое лицо. «Мой ровесник», — подумал я.

— Ах, приказ, ну тогда понятно, — седоватый сержант, которого назвали Сорокиным, беспомощно развел большими, как лопаты, руками. — А детей, женщин и стариков оставлять на произвол врага — разве есть такой приказ? Ну скажи, Коля, ответь мне… Хороший ты наводчик, и ценю я тебя за это, но ты еще совсем ребенок, мало чему тебя эта война научила…

— Сержант! Может быть, уже хватит таскать солому? — услышали мы вдруг сзади чей-то приятный голос. Сорокин обернулся и, приложив руку к пилотке, радостно воскликнул:

— Товарищ командир, вполне достаточно, пройдут, как по мосту!

— Тогда показывай дорогу машинам! — Офицер поднял вверх правую руку и несколько раз помахал ею над головой.

Находившиеся на том берегу солдаты бросились к тракторам. Взревели моторы, и «Сталинцы» с лязгом двинулись вниз к реке, таща за собой длинноствольные орудия.

Толстый слой снопов исчез под тяжелыми стальными гусеницами в грязном месиве. Водители вели тягачи медленно, осторожно, следя за движением рук сержанта Сорокина. Артиллеристы придерживали орудия за колеса и стволы.

Вскоре все тракторы и несколько запряженных лошадьми обозных подвод поднялись по склону ложбины. Здесь их ждал

командир батареи. Мы с Казиком подошли поближе к орудиям. Я с любопытством разглядывал их с такого близкого расстояния. Сам я немного разбирался в артиллерийской технике и в задачах артиллеристов, поскольку два моих старших брата — Владек и Михал — служили в 11-м легком артиллерийском полку. Я запомнил многие детали из их рассказов о полной приключений, как мне в то время казалось, солдатской жизни.

— Какой это калибр? — спросил я проходившего мимо сержанта Сорокина. Я задал этот вопрос, чтобы как-то начать разговор.

— А что, нравятся? Это 76-миллиметровые. Пушечки — как девушки… Хороши издалека, а еще лучше вблизи. Ох, не любят их фашисты. А мы шпарим из них по фрицам с первых дней войны, от самой границы. Немало поколесили. — Он внимательно посмотрел на нас и спросил: — А вы, ребята, откуда? Не получили еще назначения?

— Да из самого Баку. Идем и ищем, кто бы нас приютил у себя, да что-то нет желающих, — сказал Казик и протянул портсигар с папиросами.

— Нет желающих, говоришь? Посмотрим! — Сержант глубоко затянулся, затем еще раз и, уходя, бросил на ходу: — Подождите меня здесь, поговорю с кем надо. Из моего расчета двоих вчера похоронили…

Батарея разворачивалась к бою. Офицеры указали огневые позиции, и артиллеристы начали окапывать орудия и маскировать их соломой и травой. Тракторы отошли назад и остановились между скирдами. Из обозных подвод остались лишь две, а остальные уехали в направлении Ростова.

— Эх, разрешили бы повоевать с этими пушечками!.. Такого бы шуму наделали среди гитлеровцев! — загорелся я, обращаясь к Казику.

— Да, хорошо бы!.. И вместе с советскими войсками вернуться в наши родные края, где люди ждут освобождения от неволи, — мечтательно продолжал он, 76-миллиметровые пушки грозно смотрели своими жерлами на далекий западный горизонт. Оттуда ждали появления противника. Оттуда доносились нарастающие раскаты артиллерийской канонады. Мне вспомнились первые дни сентября 1939 года и гитлеровские пушки. Тогда они не маскируясь, с открытых позиций, прямой наводкой обрушивали смертоносные снаряды на наши неглубокие окопы, тянувшиеся вдоль реки Сан.

— Где наша артиллерия, где авиация, которые мы видели во время военных парадов и которые бы нам теперь очень пригодились? — засыпали мы вопросами наших офицеров. К

сожалению, те тоже не могли сказать нам, простым солдатам, что-нибудь определенное.

— Эй, ребята! — позвал нас знакомый сержант. — Идите сюда, скорее!..

Возле орудия трое артиллеристов рыли стрелковые ячейки для укрытия во время бомбежек. Один из них, молодой, которого звали Колей, возился с прицелом… В нескольких метрах от него на снопах пшеницы сидел командир батареи вместе с каким-то широкоплечим мужчиной лет пятидесяти, судя по его испещренному морщинами лицу и совершенно лысому черепу.

— Ну и куда же вы идете? — спросил нас командир батареи. Теперь я мог внимательнее рассмотреть его приятное, улыбающееся лицо. Большие черные глаза смотрели на нас приветливо, но вместе с тем с какой-то настороженностью. Красивые изогнутые брови то и дело поднимались вверх. Высокий лоб закрывали густые волнистые волосы. Он откидывал их назад здоровой рукой.

— Как это куда? На фронт, бить фашистов…

— Конечно, на фронт, товарищ полковник, — поддержал меня Казик.

— Не полковник, а лейтенант… лейтенант Василий Сапёрский, — поправил его командир батареи, затем встал и, протянув нам руку, добавил: — Пора бы уже, ребята, разбираться в воинских званиях. — А какие-нибудь документы у вас есть? Давайте посмотрим…

Мы вынули наши паспорта. Лейтенант внимательно полистал их, сравнил фотографии с нашими лицами, затем передал документы своему соседу и обратился ко мне:

— По национальности поляк?

— Да.

— А историю Польши знаешь?

— Знаю, — ответил я довольно уверенно, поскольку в начальной школе — а я успел закончить лишь ее — по этому предмету никогда не получал ниже четверки.

— Ну хорошо! А что было в январе 1863 года? — К нашему с Казиком удивлению, офицер задавал эти вопросы на вполне приличном польском языке.

— В то время было восстание поляков против царизма, — ответил я тоже по-польски.

— Ну что ж, неплохо! Впрочем, об этом мы еще когда-нибудь поговорим, — сказал Сапёрский и повернулся к молчавшему все это время товарищу: — Пригодятся, товарищ политрук. Эти двое орлов будто бы с неба к нам свалились… В каждом расчете не хватает людей.

— Я не возражаю, Вася. Ребята молодые, и видно, что рвутся в бой… А что они за орлы, это мы еще посмотрим. — Политрук дружески кивнул нам, вынул из кармана носовой платок и начал вытирать им потный лоб.

— Сержант Сорокин! У вас со вчерашнего дня не хватает двоих людей. Так вот, принимай пополнение! Передай писарю батареи, пусть зачислит ребят в состав вашего расчета. Накорми, получи для них обмундирование. А этому босому пусть старшина выдаст сапоги, а то не успеет еще понюхать пороху, как станет хромым. — Лейтенант встал и похлопал нас по плечу: — С этой минуты вы — артиллеристы 1-й батареи 968-го артиллерийского полка 395-й стрелковой дивизии. Запомните это как следует, ребята…

— Постарайтесь оправдать доверие, которое оказали вам, приняв вас в ряды нашей прославленной части, — добавил политрук.

Офицеры, продолжая разговаривать, направились к берегу речки. Командир батареи развернул на ходу большую карту.

— Отличные у нас командиры, верно, ребята? — не скрывал сержант своего удовлетворения. Он достал кисет с табаком, протянул нам по клочку газеты. — Закуривай! — предложил он, скручивая козью ножку. — Сейчас я познакомлю вас с личным составом нашего орудийного расчета, а потом что-нибудь перекусите, и я расскажу вам, что будет входить в ваши обязанности. Для более основательной учебы сейчас нет времени. Обстановка скверная, сами видите, что творится…

Затягиваясь крепким табаком, мы смотрели на запад. Алое солнце клонилось уже к горизонту.

А через речку и болотистую ложбину все шли и шли войска. Шли обозы, автомашины и тракторы, доносился рев моторов. С перевязанными руками, ногами и головами, пешком или на подводах, на измученных лошадях, передвигались усталые, ослабевшие солдаты, угрюмо смотря себе под ноги. Они еще совсем недавно храбро сражались с врагом, а теперь шли молча, подавленные и расстроенные отступлением. Невеселая это была картина.

— Скверная обстановка… Эх, черт подери, скверная! — глядя на отходящие части, мрачно шептал командир нашего расчета.

— Эти сцены для меня не новы, мне и раньше доводилось не только их видеть, но и самому принимать участие, — непроизвольно сорвалось у меня с языка.

— Да? А когда это было?

— В сентябре 1939 года у нас, в Польше. Мы отступали тогда под натиском гитлеровских войск с Бещадских гор до самого

Львова. Дальше уже было некуда, товарищ сержант…

Сорокин внимательно посмотрел мне в глаза, глубоко затянулся и выпустил через нос длинную струю дыма.

— Знаю, друг, — сказал он задумчиво. — На войне всякое бывает. Иногда приходится и отступать. Для солдата это сплошные мучения. Но не переживай! Мы еще отплатим им за все сполна. Верь мне, наступит время, обязательно наступит, когда и мы зашагаем на запад. Эх, друзья!.. — хотел что-то сказать сержант, но не успел. Вокруг поднялся невообразимый шум. Со всех сторон неслись возгласы, команды, крики: «Воздух! Юнкерсы!»

В мгновение ока рассыпались колонны пехоты, шедшей до этого в походном строю и соблюдавшей относительный порядок. Остановились автомашины и тягачи. С них спрыгивали солдаты и бежали в поле. Только возницы хлестали кнутами своих лошадей и мчались вперед по опустевшей дороге.

Гул самолетов нарастал. Они летели с запада, но их еще не было видно — солнце, которое клонилось к горизонту, слепило нас своими лучами.

Казик кинулся к речке. Я понял почему: там виднелись свежие воронки от бомб. Я хотел бежать за ним, но стоявший рядом со мной сержант успел схватить меня за локоть и потянул за собой. Мы упали в ближайший ров, еще пахнущий влажной, сырой землей. В нем уже кто-то лежал, и мы накрыли его сверху своими телами.

Я лежал беспомощный, словно ребенок или затравленный зверек, ожидая смерти либо избавления, и чувствовал, как страх парализовал все мое тело.

Пронзительный свист падающих бомб на минуту оглушил меня. Я заткнул уши руками. Раздался взрыв, второй, третий… Земля заходила под нами. Казалось, что она вдруг ожила: дрожит, расширяется и сжимается, поднимается и опускается, — одним словом, дышит…

Сколько это длилось? Не знаю. Хотя я и заткнул уши, но отчетливо слышал оглушительный рев самолетов над головой. По-видимому, «юнкерсы» летели очень низко. Вслед им затарахтели ручные пулеметы. А может быть, стреляли с самолетов?

И вдруг наступила тишина, удивительная тишина, и я почувствовал, что земля успокоилась, перестала дрожать и колыхаться. Я отнял руки от ушей. Со всех сторон доносились крики и призывы о помощи.

Мы поднялись на ноги. Над землей стояло облако пыли и дыма. На дороге, в поле, возле речки — всюду дымились воронки.

Горели автомашины и остатки свай и досок взорванного моста. Языки пламени лизали разметанный стог. Несколько солдат подбирали раненых, а человеческий поток — войско и беженцы — снова потянулся на восток.

Казика Червиньского я нашел в ложбине. Он лежал между двумя воронками, не подавая признаков жизни. Со дна одной из них еще поднимался смрад сгоревшего тротила, а глубокая впадина медленно наполнялась водой. Во второй жидкая грязь была окрашена в красный цвет… Сержант Сорокин принес плащ-палатку. Подошли и другие артиллеристы нашего расчета, молча остановились.

— Так и не успел я, ребята, познакомить вас с этим молодым поляком. Приказом командира батареи он был зачислен в состав нашего второго расчета, — прошептал сержант. Лицо его было бледным, вероятно, как и у всех нас, щеки нервно подергивались.

Коля помог мне уложить окровавленное тело друга на плащ-палатку. Мы вчетвером взялись за ее концы и поднялись на пригорок. На минуту задержались возле нашего орудия.

— Такова, ребята, судьба солдата. Разве знаешь заранее, что тебе написано на роду? За два последних дня — это уже третий из нашего расчета… Он хотел сражаться вместе с нами, пришел к нам издалека. — Сержант говорил тихо, в голосе его звучала боль. Мы молча выслушали его, затем снова взялись за концы плащ-палатки.

Подошли к приземистой дикой груше, сломанные осколками ветви которой свисали вниз. Она одиноко росла на пригорке. В тени ее пожелтевших листьев уже лежали двое солдат, накрытых шинелями. Полукругом в две шеренги выстраивались орудийные расчеты. Несколько артиллеристов заканчивали копать неглубокую могилу.

Мы положили всех троих рядом, накрыли их двумя серыми солдатскими шинелями. Подошли командир батареи с политруком, молодая санитарка, двое офицеров. Наступила минута молчания, лица солдат были сосредоточенны. Каждый из нас мысленно прощался с теми, кто должен был остаться здесь навсегда. Здесь заканчивался их солдатский фронтовой путь.

Речь политрука батареи была краткой. Еще более кратким было выступление одного из друзей погибших. Их слова доносились до меня словно сквозь туман — все это время я думал о Казике.

Три винтовочных залпа разрезали воздух, эхо их прокатилось над землей. Краешек алого солнечного диска торчал вдали за горизонтом. Даже сейчас комок подступает к горлу, когда я вспоминаю те вечерние сумерки одного из последних июльских

дней 1942 года и степь недалеко от Дона, наполненную шумом и гомоном отступающего фронта.

А потом лейтенант Василий Сапёрский, который был старше меня на несколько лет, взял меня под руку.

— Такая она, брат, война. У одних волосы успевают стать седыми, пока они воюют, а другие уходят от нас в самом начале, очень уж быстро, чересчур быстро… — Его голос дрожал от волнения.

— Я потерял друга… И остался теперь совсем один, товарищ командир, — тихо прошептал я ему в ответ.

— Почему один? Как ты можешь так говорить?! Ты же среди нас, артиллеристов! Запомни это! С нами ты никогда не будешь чувствовать себя одиноким… Здесь теперь, браток, твоя семья. Мы заменим тебе ее, пока ты не вернешься к своим…

— Не знаю, дойду ли? Ведь отсюда до Польши почти две тысячи километров.

— Далеко… Дальше, чем до Украины или Белоруссии, но мы дойдем и до Польши. Мы знаем, что и твои соотечественники тоже ждут нас, — задумчиво, но с какой-то решительностью в голосе сказал политрук.

— В Польше родились мой дед и… прадед, — признался лейтенант Сапёрский. — Я верю, что фронтовые дороги приведут нас с тобой на землю моей второй родины…

Командир с политруком говорили мне что-то еще, угощали папиросами. Я слушал их идущие от сердца слова, с трудом сдерживая свое волнение.

Два или три часа спустя прямой наводкой из всех орудий батарея открыла огонь по неожиданно появившимся танкам противника. По-видимому, противник не рассчитывал встретить сопротивление на этом участке. Танки двигались один за другим с зажженными фарами. Рев моторов и лязг стальных гусениц нарушали тишину, казалось бы, уже уснувшей степи. Но степь не спала.

Я и сейчас помню, как подносил снаряды, как немели руки и подкашивались ноги от усталости. Но, несмотря на это, я чувствовал, как после каждого выстрела нашего орудия радостно бьется мое сердце. Мне хотелось кричать от радости… и плакать. «Жаль, Казик, что ты не можешь видеть, как горят эти стальные чудовища, как мечутся в страхе фашисты», — думал я.

Команда «Отбой» прозвучала уже где-то после полуночи. Издалека, с северо-запада, доносился сплошной глухой гул моторов. Артиллеристы, чистя стволы орудий, с тревогой прислушивались.

— Плохи наши дела, ребята, — коротко бросил сержант

Сорокин, вернувшись с совещания у командира батареи.

Быстро подъехали тракторы, мы прицепили орудия, погрузили ящики с оставшимися снарядами. Сержант сел в кабину рядом с водителем, а мы расположились в кузове прицепа. Впереди нас ждали ночь и неизвестность.

Я устало опустился на твердый сосновый ящик, который подпрыгивал на каждой выбоине. Артиллеристы Мухамед Исмаилов и Грицко Панасюк, накрывшись вместе двумя одеялами, вскоре уснули. Ваня Гришин дремал, сидя на ящике, бормоча что-то во сне. И лишь наводчик Коля Усиченко не спал, погруженный в свои мысли. Я тоже молчал, глядя, как остаются за гусеницами трактора километры пройденного пути.

Ночь стояла волшебная. Небо чистое, как слеза, а на нем огромная сверкающая луна, одна в этой бескрайней пустыне.

В воздухе чувствовалась прохлада. Я достал свернутое одеяло и шинель, от которой еще пахло нафталином. Я чувствовал, как грубые кирзовые сапоги натирают ступни, а портянки жгут икры. Это было мое первое обмундирование, полученное от старшины батареи. Я снял с головы тонкую пилотку и ощутил под пальцами холодок эмали звездочки.

Мы продолжали ехать.

Теперь, как и в сентябре 1939 года, мне пришлось вновь испытать горечь отступления. Я понимал, что все дальше удаляюсь от моих родных мест, от Польши. Не на запад, чего я так страстно желал, а на восток вела эта ухабистая полевая дорога.

Коля Усиченко, очнувшись от задумчивости, внимательно осмотрелся вокруг, придвинулся ко мне поближе:

— Тоскуешь, Станислав, горюешь?! Знаю, друг… Не надо, верь мне, не надо. Мы еще вернемся сюда победителями…

Я обнял Колю за плечо. Он пошарил в кармане брюк и достал губную гармошку. Пластинки сверкнули в свете луны. Коля вытер гармошку о ладонь, слегка провел ею по губам:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!..

Песня понеслась над степью, окутанной легкой туманной дымкой, смешалась с ревом моторов и лязгом гусениц.

Тихим голосом, чтобы не разбудить спящих боевых товарищей, я подхватил мелодию.

…Мы дойдем до Польши! Ведь там нас ждут! Я пел советскую военную песню, а в голове проносились отрывки фраз политрука, командира батареи, командира расчета… Я знал, уже твердо был

уверен, что встретил здесь настоящих друзей, людей, которым можно верить.

Рассветало.

Мы ехали, обгоняя части шагающей по дороге или расположившейся на отдых усталой пехоты, группы беженцев. Я смотрел на них с прицепа и не чувствовал уже той тяжести на душе, которую испытывал несколько часов назад там, на берегу речки.

Мы все удалялись от оставленной нами кучи пустых гильз, догорающих остовов фашистских танков и одинокой дикой груши в степи, под которой возвышался холмик солдатской могилы…

ОТСТУПЛЕНИЕ

Ночь прошла спокойно. Утро разбудило нас далеким грохотом орудий и глухими взрывами бомб. Мы прислушивались к ним с надеждой и вместе с тем с беспокойством. Это части прикрытия наших войск сдерживали наступление противника.

Когда прозвучала команда «Отбой», мы с жадностью набросились на остатки густого супа. Подъехали тракторы. Прицепив орудия, мы забираемся на прицепы и покидаем еще спящую деревню.

Едем в лучах утреннего солнца. Желтая трава, листья деревьев блестят от росы. Проезжаем какой-то почти безлюдный поселок. Разве удержишь в памяти названия всех хуторов, станиц, поселков, оставшихся позади на дорогах нашего отступления?!

— Еще один город оставили, — охрипшим голосом с трудом выдавливает из себя Ваня Гришин.

Никто не пытается начать разговор. Сидим спиной вперед — так лучше, пыль меньше летит в глаза, — поэтому ничего другого не остается, как только смотреть на далекий северный горизонт, на исчезающие из виду селения. Мы оставляем их на произвол врага.

Едем молча. Задыхаемся от пыли, взметаемой гусеницами тягачей. Каждый занят своими собственными мыслями. А впрочем, о чем говорить? То, что мы пережили, мы и так знаем. А что ждет нас впереди — ну что ж, посмотрим.

То, что пережили…

Перечитывая теперь «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945», я невольно задержал свой взгляд на следующем отрывке: «Отошедшие на Дон соединения Южного фронта были очень малочисленны (во многих дивизиях в строю оставалось по нескольку сотен человек) и утомлены отступательными боями… Из-за недостатка авиации войска не прикрывались и с воздуха… Многие соединения потеряли связь со своими тыловыми учреждениями, в результате чего нарушилось плановое снабжение войск боеприпасами, горючим и продовольствием… В таких тяжелых условиях начались оборонительные операции советских войск на Северном Кавказе»[6].

Предельно кратки и лаконичны страницы истории тех лет. Кстати, вообще трудно передать атмосферу тех дней и ночей, солдатских переживаний, огромного труда и усилий советских людей.

…Батарея заняла оборону на северном берегу Дона, в десяти

с лишним километрах восточнее Ростова. В течение трех суток тяжелая артиллерия противника вела беспокоящий огонь. Через равные промежутки времени где-то вдалеке слышался отдаленный гром.

Мы сидели в наспех вырытых укрытиях, ожидая команды открыть огонь. Но сигнала все не было… Боеприпасы, лежавшие в ящиках возле каждого орудия, ждали своего конкретного применения. А фрицы не жалели «гостинцев». В промежутках, когда воцарялась тишина, из поймы Дона доносились тонкое жужжание комаров и робкая перекличка потревоженных стрельбой лягушек.

Вскоре появился противник… Дважды мы отбивали атаки танков и бронетранспортеров, за которыми двигалась гитлеровская пехота. Немцы установили где-то поблизости минометную батарею.

День с самого утра выдался жарким. На небе — ни облачка. Солнце неимоверно пекло, а снаряды противника ложились все ближе и ближе к нам и к окопам пехоты. Страшно хотелось пить, губы потрескались от жажды. Воды вокруг было хоть отбавляй, но в ней плавали теперь трупы…

Вечером поступил приказ командира батареи: «Отбой!..» Широкая лента Дона казалась сонной, мрачной и грозной. Вдали поднималось кровавое зарево. Это горел Ростов.

А потом была ночная переправа через Дон… От взрывов артиллерийских снарядов противника и сбрасываемых фашистскими летчиками осветительных бомб стало светло как днем. Нам кое-как удалось переправиться на другой берег реки. Однако в тяжелой от усталости и волнений голове долго еще звучали рев пикирующих самолетов, взрывы бомб, свист снарядов и раскаленных осколков и отчаянные крики тонущих…

Понтонный мост дрожал и шатался под напором и тяжестью машин и людей. Полки и дивизии переправлялись кто на чем мог — на остатках разбитых плотов, на дырявых лодках, досках и автомобильных камерах… Некоторые бросались вплавь, чтобы как можно скорее оказаться на том берегу. Артиллерийские снаряды все чаще попадали в цель, и поднимаемые ими столбы воды обрушивались на понтонный мост, на плоты, на плывущих людей, лошадей, коров… Несколько зениток остервенело палили вверх… Я помнил, хорошо помнил свою первую переправу в 1939 году. Тогда было гораздо легче, поскольку Сан намного уже Дона, и к тому же он в то время, как всегда в сентябре, после летней жары, немного обмелел. Поэтому мы, солдаты 21-й учебной роты, смогли без особого труда преодолеть эту водную преграду на пути к Перемышлю и Львову. Кстати, таким же образом

переправлялись через реку и другие подразделения частей армии «Карпаты». Форсировав Сан, мы создали новый оборонительный рубеж на направлении наступления немецкого 18-го армейского корпуса 14-й армии генерал-полковника Листа. Но теперь от тех мест меня отделяло около тысячи пятисот километров по прямой и свыше двадцати двух месяцев. Но так же, как и там, здесь, на подступах к Кавказу, перед нами был один и тот же враг — фашистские полчища. По случайному совпадению группой армий «А», наступавшей на Кавказ, командовал генерал-фельдмаршал Лист…

— Воздух! Воздух! — раздались крики в колонне идущей пехоты и толпе беженцев. Широкое поле сахарной свеклы закишело людьми. Погоняя лошадей, поворачивали туда свои подводы возницы. Останавливались автомашины, с них спрыгивали солдаты и бежали в поле или ложились под машины.

В небе появились самолеты. Они быстро приближались, летя на довольно низкой высоте. От резкого гула моторов закладывало уши. С дороги и прилегающих полей послышались беспорядочные винтовочные выстрелы…

— Миша! — крикнул водителю сержант Сорокин. — Жми за первым расчетом… И не оглядывайся, в случае чего я тебя предупрежу, тогда свернешь в поле…

Дрожащие стволы винтовок поворачивались вслед массивным туловищам со сверкающими на солнце крыльями, на которых были нарисованы черные кресты.

Тяжелые, неуклюжие на вид самолеты ловко перестроились в круг. Один из них хищным движением атакующей акулы завалился на левое крыло и резко нырнул вниз. За ним — другие…

Страшный грохот потряс воздух. Это взрывались бомбы, перепахивая высохшую землю, взлетавшую вверх черными фонтанами. Серое облако пыли поднималось в небо, закрывая от нас пикировавшие самолеты. Наши тракторы, ревя моторами, набирали скорость, петляя по дороге, объезжая разбитые обозные подводы. По обочинам бежали женщины, что-то крича и прижимая к груди малышей. Дети постарше пытались спрятаться в поле.

Паника усиливалась. Горели перевернутые автомашины и подводы. Жалобно ржали покалеченные лошади. Самолеты развернулись и появились вновь, чтобы безнаказанно сбросить оставшиеся бомбы и выпустить последние очереди из пулеметов. И снова фонтаны поднятой вверх земли и человеческие крики, заглушаемые сильными взрывами…

Самолеты, сбросив свой смертоносный груз, перестроились и

поплыли в голубом чистом небе, постепенно исчезая из поля зрения. Люди медленно возвращались к дороге, чтобы продолжить свой путь. Многие дрожащими от отчаяния голосами звали своих близких…

В батарее несколько артиллеристов получили легкие ранения. Санинструктор Нина уже занималась ими. Командир батареи решил проверить настроение в орудийных расчетах после налета. Вместе с политруком они пошли вдоль колонны.

— Вперед! — донеслась до нас команда.

И снова в путь!..

Теперь мы уже ехали в южном направлении, к Кубани или еще дальше. А может быть, к предгорьям Кавказа? Но в это как-то не хотелось верить. Кавказские горы! Одни из самых высоких в мире: глухие, малодоступные для людей из долин.

Едем днем и ночью… спиной к противнику, хотя надписи на бортах автомашин, прицепах тракторов и стволах орудий призывают: «Вперед — ни шагу назад!»

Не один я с грустью смотрю на эти слова, написанные мелом и белой или красной масляной краской. Большие, бросающиеся в глаза буквы. Скользят по ним покрасневшие от усталости и недосыпания глаза солдат и беженцев — женщин, стариков и подростков, всех, кто умеет питать: «Вперед за Родину! Вперед — ни шагу назад!»

К сожалению, не вперед, не навстречу противнику идут и едут эти тысячи людей.

Мы отступаем. Продолжаем отступать.

Наши 76-миллиметровые пушки стали почти белыми от пыли. Она длинным шлейфом стелется за нами. Сворачиваем и снова едем по какой-то ухабистой полевой дороге. По обеим сторонам тянутся широкие пашни.

— Видели ли вы, товарищи, эти степи до войны? Если нет, то вам не понять того, что я испытываю теперь… По этим дорогам среди высоких хлебов медленно, осторожно двигались комбайны, тракторы, автомашины с пшеницей, ячменем… Переливалось на солнце золотое отборное зерно, какое вряд ли где еще увидишь. А вечера в полях! А песни девчат, когда наступают сумерки! Мне кажется, я до сих пор слышу эхо этих песен. — Ваня Гришин говорит медленно и жестом своих длинных рук как бы охватывает эти бесконечные поля, словно хочет обнять их, прижать к своей груди. Я вижу, что глаза Вани становятся какими-то стеклянными. Я прекрасно понимаю его, поскольку мое детство тоже прошло среди таких же полей, правда изрезанных тонкими полосками меж.

— Эх, лучше бы ты не начинал, не терзал душу! Нашел время

откровенничать!.. Мало тебе этого шума и гомона, которые мы вот уже больше недели слышим на этих дорогах?

— Отстань от него, Грицко! Продолжай, Ваня, хорошо рассказываешь. — Мухамед Исмаилов придвигается поближе к Гришину, достает кожаный кисет. Ваня отсыпает немного табаку на свою большую ладонь и вынимает клочок газеты. Кисет переходит из рук в руки и почти пустой возвращается к хозяину.

— Ну, рассказывай! — не терпится Мухамеду. Но Ваня Гришин затянулся козьей ножкой и умолк, мрачно глядя на полевую дорогу, по которой грохотали гусеницы тяжелых тракторов, колеса автомашин и нагруженных до самого верха конных подвод. Серая пыль клубилась над этой, одной из многих дорог отступления.

А по обочинам шла пехота. Бесконечные вереницы солдат Красной Армии. Тяжелый от усталости шаг, опущенные головы, суровые выражения лиц. Идут рядовые и командиры, идут пожилые, прошедшие через немалые жизненные испытания люди, идут юноши, у которых едва только начал пробиваться пушок на щеках, идут почерневшие от пыли, смертельно усталые. Полинявшие гимнастерки выглядят грязными и пыльными. Пот пятнами белой соли выступил на солдатских спинах, согнувшихся под тяжестью оружия, боеприпасов, гранат, противогазов, касок, привязанных к ремням… Идут и идут. По краям созревших хлебов уже протоптаны две широкие тропинки. Колосья пшеницы смешались с пылью раскаленной земли.

Мы едем на тракторных прицепах. Перед нами — первый расчет, а впереди вот уже около часа поднимает облака пыли газик с комсоставом, как мы прозвали командира батареи с политруком. Они появляются то в хвосте, то снова в голове колонны. Сзади двигаются остальные расчеты. Гудят моторы. Мощные тракторы, предназначенные для просторных колхозных полей, используются теперь для нужд фронта. Здесь они тоже пригодились, хотя и несколько медлительны. Трудно на них оторваться от противника, чтобы успеть занять удобные позиции и своевременно подготовиться к бою. Несмотря на это, мы не жалуемся.

Обгоняем какую-то батарею на копной тяге. Это 45-миллиметровые пушки. В обороне эти орудия занимают, как правило, огневые позиции между траншеями первой позиции обороны, но выдвигаются довольно часто и перед боевыми порядками пехоты… А теперь батарея тащится медленно — подпрыгивают на выбоинах колеса, падают на землю клочья белой пены с лошадей. Орудийная прислуга сидит на станинах и передках…

Кто-то настойчиво сигналит. Наши водители сворачивают немного в сторону, ломая походный порядок пехоты. Солдаты чертыхаются, грозят нам. Нас обгоняют автомашины со снаряжением. На некоторых из них сидят красноармейцы. Затем следует несколько санитарных машин. Их красные кресты покрыты толстым слоем пыли, и я с трудом различаю их.

С высоты прицепа осматриваюсь вокруг. Все это можно было бы выдержать, если бы не резкий запах нефти, бензина и смазки, который вызывает тошноту. И эти колики в желудке. Уже целые сутки у меня не было ничего во рту. А то, что мы накануне съели наспех, тоже не утолило голода.

— Хорошо, что я котел успел прихватить. Как только остановимся на ночной привал, угощу вас, черт возьми, супом с корейкой, — радовался повар нашей батареи Ваня Малашкевич.

— А тебе лопать не обязательно, твоих жировых запасов хватит как минимум на месяц, — донимал повара Грицко. Повар не реагировал на колкости, смеялся, угощал табаком, на нехватку которого мы в то время еще не жаловались. Ваня Малашкевич был коренастым, крепкого телосложения мужчиной с заметным брюшком, в общем, имел вид типичного повара. До войны он работал шахтером в Донбассе.

— Эй, ребята, хуже было бы, если бы я оставил котел фрицам, — не сдавался Ваня.

Однако мы не разделяли хорошего настроения повара. Мы мучились от голода и поэтому проклинали всех подряд: Ваню — за то, что слишком поздно, по нашему мнению, взялся вчера утром готовить обед, колхоз — за то, что пожертвовал нам какую-то старую корову с жестким, жилистым мясом, и, наконец, как всегда, немцев — за то, что переполошили нас трескотней своих автоматов. Так бывало уже не раз… Диверсионные группы фашистов, сброшенные с самолетов, устраивали засады и внезапно нападали на нас, внося панику и дезорганизацию не только среди беженцев. Паника легко передается другим. Она заразна, как грипп, но намного опаснее. У страха глаза велики. Об этом знает каждый, кто хотя бы раз оказался в подобной ситуации. Несколько дней спустя мне довелось увидеть пятерых таких «специалистов по панике». Они шли, конвоируемые двумя бойцами, в расстегнутых советских гимнастерках, из-под которых виднелись стоячие воротнички немецких мундиров. Немцы выглядели высокими, шли с гордо поднятыми непокрытыми головами и высокомерно поглядывали на проезжавшие мимо них тягачи.

Ужасно хотелось есть. Свой неприкосновенный сухой паек каждый из нас давно уже съел. Артиллеристы, хранящие запасы в

вещевых мешках, — редкость в батарее. В нашем расчете таких не было.

— Обеденное время — минуты, приятные сердцу и желудку каждого солдата, а джигита Вани все нет и нет, — жаловался Мухамед, держась за живот. — Если он не накормит нас, то у меня вряд ли хватит сил загонять снаряды в ствол…

У нас в расчете Мухамед исполнял обязанности заряжающего, а в мирное время он был проводником где-то в Кавказских горах и водил альпинистов и туристов.

— Ты Ваню не критикуй!.. Он, видишь ли, занят составлением меню, подсчитывает калории, — как всегда, шутливо перебил его Грицко Панасюк. Он смешно задвигал своими черными мохнатыми бровями и надул загоревшие, обветренные щеки, растягивая в улыбке рот до ушей.

— А не говорил я тебе, Мухамед, чтобы ты взял свою порцию, не дожидаясь, когда сварится суп? — включился в разговор Ваня Гришин, или Казак, как мы его прозвали. Я знал, что он был родом из этих мест, по которым мы теперь проезжали, но его трудно было вызвать на откровенность.

— Эх, ребята, главное сейчас не жратва и вода, — заметил ефрейтор Коля Усиченко. — Взгляните, солнце немилосердно печет, высохшая земля пышет жаром, а на ней — ни одного нашего танка… Да и в воздухе наши только ласточки да жаворонки, а самолеты, к сожалению, с черными крестами… Вот что теперь самое главное.

Все умолкли. Каждый снова погрузился в свои мысли, воспоминания. Я сомкнул веки, чтобы увидеть на миг свою далекую родную землю. Не знаю почему, но я всегда видел ее в такие минуты прекрасной: в волшебном осеннем наряде из рыже-золотистых листьев, в тонкой паутине бабьего лета…

И тогдашнее небо над Польшей, освещенное лучами сентябрьского солнца, было очень похоже на теперешнее, раскинувшееся над кубанскими степями в конце июля — начале августа 1942 года. Прозрачное как стекло, высокое, голубое, без единого облачка, небо и здесь не было особенно благосклонным к солдатам и беженцам, которыми были забиты дороги отступления.

— Воздух! Воздух! — поднимаются снова в небо крики. Вдалеке появляются небольшие черные точечки, приближаются, растут на глазах… И опять, как это уже было не раз до этого, никто из нас не сомневается в том, чьи это самолеты.

— Настигают, сволочи! — медленно цедит сквозь зубы Грицко, поднимая с колен винтовку. — Только без нервов, ребята!..

— Мухамед! — командует Коля Усиченко. — А ну, подставляй свое плечико! Если собьем — орден пополам!..

Мухамед, рослый, здоровый мужчина, с широченной спиной, какой нет, пожалуй, ни у кого во всей дивизии, встал коленями на ящик со снарядами и схватил руками сошки ручного пулемета. Застонала длинная очередь. Мы с Ваней Гришиным по примеру Грицко стреляли из винтовок. Горячие гильзы из пулемета падали мне то на спину, то на колени.

А вокруг крики и облака пыли. В измятой пшенице прятались люди. Только диву даешься, как это некоторые сумели за несколько секунд так далеко убежать. Сюда же сворачивали обозные подводы и автомашины. Люди падали прямо на тропинку, на которой еще минуту назад стояли в нерешительности.

Самолеты с ревом пронеслись над нашими головами. Они летели дальше, на юг, туда, где возводился новый оборонительный рубеж.

Дорога снова ожила. На ее обочинах и по краям поля послышались шутки и смех… Снова колосья пшеницы втаптывались в пыль раскаленной земли.

— У, проклятущие, чтоб вы шею себе свернули! — погрозил кулаком вслед удаляющимся бомбардировщикам Грицко Панасюк.

— В следующий раз, Коля, вам наверняка удастся кого-нибудь подстрелить… Только проследи, чтобы Мухамед успел набить себе желудок. А то, наверное, у него кишки тряслись от голода, вот пулемет и подбрасывало… — Не дожидаясь ответной реплики Мухамеда, Грицко встал на ящик со снарядами и запел:

Дивче любе, чорнобрыве
Несло з льоху пыво,
А я глянув, подывився —
Тай аж похылився…

Мы с удовольствием слушали песню, тихо подпевая ему. Замечательный голос был у Грицко, да и песен знал он немало: грустных, веселых, задумчивых или задорных, таких, что ноги сами пускались в пляс. Особенно любил оп петь песни на слова Тараса Шевченко.

При упоминании о пиве, которое «чернобровая девушка несла из подвала», каждый из нас снова почувствовал жажду, поскольку всю воду из фляжек мы уже давно выпили. Облизали языком потрескавшиеся губы. Грицко пел стоя, высокий и стройный, его волосы развевались на ветру, красивый тенор уносился в небо.

Мы слушали, забыв про голод и жажду, а из колонны пехоты дружески махали нам рукой.

Мы ехали теперь среди широких полей пшеницы. Тяжелые колосья, клонясь к земле, золотились на солнце. Красные полевые маки и голубые васильки ласкали взор.

— Хлеба просто просятся, чтобы их поскорее убрали! — крикнул нам, высунув голову из кабины, командир расчета сержант Сорокин. Несмотря на то что пыль лезла ему в глаза, он не отрываясь смотрел на бесконечные поля созревшей пшеницы, которую некому было убирать.

— Ну что ж, скажи водителю Мишке, чтобы остановился. По крайней мере, лучше делом заняться, чем показывать все время свой зад фрицам, — зло буркнул Грицко. Мы сделали вид, что не расслышали его слов. Каждому из нас, так же как и командиру расчета, жаль было, что хлеб может достаться врагу. Тогда мы еще не знали, что спустя несколько часов море огня поглотит эти поля, а ветер разнесет повсюду легкий черный пепел. Мы еще не знали, что для того, чтоб враг не смог воспользоваться плодами труда советских людей, были созданы специальные саперные отряды, которые минировали дороги, взрывали мосты…

Многого мы тогда еще не знали, продолжая отступать под натиском значительно превосходивших нас в то время сил противника. Мы не знали, например, что еще до оставления Ростова «…Краснодарский крайком партии и крайисполком вместе с командованием Северо-Кавказского фронта приняли решение об эвакуации скота из северных районов края. Всего до 3 августа 1942 года было вывезено около 58 тыс. лошадей, 206,7 тыс. голов крупного рогатого скота, 411,3 тыс. овец и коз…»[7] Этот скот нередко создавал заторы на дорогах, по которым отступали и мы.

Но эвакуировали не только скот. Техника, и прежде всего тракторы и двигатели комбайнов, которую не успели отправить в глубокий тыл, уничтожалась на месте. «В период с 20 июля по 1 августа из края в глубь страны было вывезено 10 тыс. вагонов зерна. Большое количество сельскохозяйственной продукции было роздано рабочим, служащим и колхозникам. Убранный и заскирдованный урожай и сено, хлеб в элеваторах и амбарах, который не успели эвакуировать, были сожжены… Все предприятия Майкопнефтекомбината выводились из строя. Скважины, компрессоры, понизительные подстанции ТЭЦ, нефтекачки, нефтеперегонный завод № 5 с готовой продукцией… были уничтожены. Врагу ничего не оставалось… Была вывезена также значительная часть оборудования паровозных депо, вагонных участков, дистанций пути и связи. Все остальное

хозяйство было уничтожено на месте»[8].

Уничтожалось, уничтожалось…

Фашистские захватчики сурово просчитались, рассчитывая захватить богатства и поживиться русским добром, — повсюду они заставали развалины и выжженную землю. Тяжелым трудом создавал советский человек это добро, которое должно было служить ему и грядущим поколениям. Но, когда возникла необходимость, он, хотя и с болью в сердце, решительно уничтожал плоды своего труда. Это диктовали ему суровые законы войны.

Прекрасна и богата кубанская земля. Особое очарование ей придают холмы и пригорки, яры и котловины, на склонах которых растут кусты сладкого созревающего винограда. Горизонт на юге поднимается все выше и выше и становится каким-то зубчатым, темно-фиолетовым…

Высоко в небе медленно плывут перистые облака, а в них… прячется «рама». Фашистский разведывательный самолет то выскакивал из-за облаков, то снова исчезал, поблескивая на солнце своим двойным, как бы разрезанным пополам, фюзеляжем. Летчик вел машину медленно, уверенно, внимательно разглядывая все, что только можно было увидеть, не боясь опасности ни с воздуха, ни с земли.

— Прицепился, высматривает добычу, теперь будет кружиться до вечера, — забеспокоился Мухамед.

— А может, пальнешь в него из винтовки? Ручаюсь, шлепнется на землю, как подстреленная перепелка, — издевался над ним Ваня Гришин.

— Этот черт может накликать на нас беду, — переживал вслух пересевший к нам на последнем привале сержант Сорокин. — У вас здесь, на прицепе, приятный ветерок, не то что в кабине, — объяснил он. Водитель тягача Миша Малынин, двадцатичетырехлетний веселый паренек, был, по-видимому, доволен, что сидел теперь один, подальше от «начальства», как шутливо называл он сержанта. Уверенно ведя машину, он то насвистывал, то напевал, чего ему сержант обычно не разрешал, когда сидел рядом. И теперь, услышав пение, Сорокин постучал по крыше кабины.

— Эй ты, чертов сын! Прекрати петь! Репертуар у тебя такой, что даже уши вянут. И где он только научился таким неприличным песням? — удивлялся сержант.

— Так он же их сам сочиняет, — объяснил Грицко Панасюк. — Я видел у него тетрадку, в которую он их записывает. Говорит, что после войны издаст ее. В ней чуть ли не каждое стихотворение с перцем. И все об этом прохвосте Гитлере.

Подъезжаем к какой-то станице. По обеим сторонам дороги стоят хаты. Домишки маленькие, с беленькими стенами, квадратными окошками, на подоконниках множество цветов любых оттенков, но преобладают красные. Крыши покрыты соломой. Возле ворот — широкие завалинки. На них когда-то любили сидеть по вечерам и болтать пожилые женщины, с любопытством поглядывая на молодые пары, гуляющие по дороге. Под развесистой яблоней играют ребятишки, веселые, довольные. Радуются, увидев столько солдат и техники, машут маленькими ручонками. «Дети всюду одинаковы», — думаю я, отвечая на их приветствия.

В глубине сада какой-то старичок копает яму. Ему помогают две женщины. Рядом стоят несколько набитых доверху мешков и ящиков. Люди спешат, даже не поворачивают головы в сторону дороги, по которой движется войско. А может быть, они уже привыкли видеть отступающие части? Наверняка мы здесь не первые, скорее всего, мы замыкали эту волну.

Из соседнего сада выбегает высокая девушка. Черные волосы спадают ей на плечи, почти достигают тонкой талии. Она достает из корзинки яблоки и бросает нам. Мы ловим их на лету. Фрукты уже почти созрели. «Антоновка», — удовлетворенно констатирую я, вонзая зубы в сочную мякоть. Коля Усиченко громко благодарит, мы машем девушке рукой на прощание.

Толпа людей: солдаты, гражданские, — а над ними высоко поднятый колодезный журавль. Там, в глубине колодца, должна быть долгожданная вода. Но журавль замер, неподвижно торчит вверх. Люди заглядывают в колодец и, не утолив жажды, разочарованно отходят. Воды нет. Сколько уже прошло по этой дороге людей, лошадей, коров, овец и коз!.. А солнце по-прежнему неимоверно печет, обдавая землю своим жаром.

Наши «Сталинцы» снова набирают скорость. Несколько артиллеристов догоняют свои расчеты, размахивая на бегу пустыми фляжками. Мы довольны, что яблоки утолили немного мучительную жажду. От отсутствия воды мы страдаем больше, чем от голода.

За станицей — перекресток дорог. Указателей нет. Серый от пыли солдат показывает флажком на юг. И снова остаются позади километры пути.

Проезжаем сожженную, разрушенную дотла деревню. Широкие и неестественно огромные белые печи возвышаются над выжженной землей. Торчат обуглившиеся ветки деревьев. Кое-где сохранились лишь остатки плетня да калитки. В воздухе пахнет чадом и гарью, дышать тяжело.

— Видно, не жалели бомб, — ворчит ефрейтор Коля.

— Иногда хорошо быть и сзади! А лучше всего — ни первым, ни последним, — пытается шутить Мухамед Исмаилов. — Что бы от нас осталось, если бы мы проехали раньше?..

— Разве знаешь, что кому на роду написано, — с трудом выдавливаю я из себя охрипшим голосом. Чувствую, что у меня в горле полно пыли.

По обочинам дороги лежат мертвые лошади, преграждают путь пехоте, беженцам, скоту. Воздух пропитан трупным смрадом. Он преследует нас повсюду. Мы стараемся почаще умываться в придорожных ручьях, но и это не помогает.

И так все время в пути, без отдыха, лишь бы оторваться от преследующего нас противника. Мы почти не ориентируемся в обстановке. Не уверены, знает ли ее и наше командование. Мы, артиллеристы, можем лишь догадываться, что наше положение плохое, даже очень плохое… На коротких привалах каждый из нас надеется, что нам хотя бы в общих чертах объяснят обстановку, но командование что-то не спешит с разъяснениями.

По-прежнему гудят тракторные моторы. Далеко позади и справа от нас горизонт скрывается в облаках дыма. Похоже, будто оттуда идет огромная черная грозовая туча.

— Это, наверно, Кущевская, — показывает рукой в том направлении Ваня Гришин.

— Пожалуй, ты прав.

Кущевская — это станица, раскинувшаяся среди зелени садов, виноградников и огородов. Примерно неделю назад мы с Казиком Червиньским проезжали ее на товарном поезде, следующем в Батайск и Ростов… Я снова вспомнил Казика, его улыбающееся лицо, удивленно поднятые брови при виде каждой красивой девушки. Не обращая внимания на усталость от утомительной дороги и жары, он смеялся, шутил… Сколько же километров отделяет меня от его солдатской могилы под одинокой грушей?!

— Горят города, деревни, горит наша родная земля.

Эту горькую правду услышали мы наконец от политрука батареи. В этот день, впервые после длительного перерыва, повару удалось приготовить превосходный обед. Борщ с кусочками свиного сала и мяса показался нам, голодным, настоящим деликатесом. Я сидел вместе со всеми и слушал политрука.

— Положение противника не столь уж благоприятное, каким оно было до сих пор.

Да, политрук верно говорил. «После тяжелого отступления в первые месяцы Великой Отечественной войны Красная Армия в конце 1941 г. остановила наступление врага и в сражениях под

Москвой, Тихвином и Ростовом нанесла ему серьезное поражение. После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой окончательно был похоронен план «блицкрига», развеян миф о непобедимости гитлеровской армии.

Успехи Советских Вооруженных Сил в зимней кампании 1941/42 г. свидетельствовали о том, что в ходе войны произошли важные перемены. Впервые фашистская Германия потерпела крупное поражение. Немецко-фашистские войска потеряли большое количество живой силы и техники. В ходе зимнего наступления Красная Армия разгромила 50 дивизий врага. Общие потери противника превышали 400 тыс. человек…»[9]

Но враг не отказался от своих бредовых планов сокрушить Красную Армию, поставить на колени советский народ. Гитлер бросил огромные силы, чтобы уничтожить наши истекающие в боях кровью части и захватить богатства Кавказа. Этот сказочный край стал главным направлением немецкого наступления в 1942 году. Несмотря на нанесенные фашистским войскам серьезные удары, Гитлера все еще не покидала уверенность в успехе…

Мы тогда еще не знали, что летом 1942 года гитлеровцы бросили против Советского Союза наибольшее за всю войну количество дивизий. «Всего на советско-германском фронте противник имел 6198 тыс. человек, 3230 танков и штурмовых орудий, 3395 боевых самолетов, 56 940 орудий и минометов»[10]. В конце июля и начале августа 1942 года операция «Эдельвейс» на кавказском направлении вступила в свою решающую стадию.

— Операция «Эдельвейс», мой фюрер…

— «Эдельвейс»? О, вы лирик, Кейтель! Никак не думал. Вы не производите такого впечатления. К сожалению, таких генералов у меня хоть отбавляй. Романтики, лирики, любители животных и цветов. Только фюрер должен быть твердым. «Эдельвейс»! Ну что ж, пусть будет «Эдельвейс»! Согласен.

Резкий зигзаг подписи прочертил бумагу. Гитлер положил ручку.

— За дело, Кейтель! Эта операция войдет в века!..

Кейтель по-солдатски склонил седую голову и вышел, мягко ступая по пушистому ковру, держа под мышкой папку с утвержденной директивой № 45.

Гитлер встал, подошел к огромному глобусу, стоявшему в углу кабинета имперской канцелярии.

«Кавказ, Кавказ… История с Наполеоном не должна повториться. Я докажу это всему миру. К началу новой зимы я победоносно закончу эту войну… — В его болезненном воображении рождались все новые и новые безумные планы.

Дрожащий палец скользил по территории Азербайджана, останавливался на городах Махачкала, Майкоп, Баку… — Нефть — это горючее для танков, транспортеров, автомашин. Нефть повысит маневренность моих танковых войск, — мечтал Гитлер. И снова дрожащий палец устремлялся от Ростова на юг, задержавшись ненадолго на Кавказских горах, приближался к Турции. — О, тогда им не отвертеться. Я спущу с привязи на большевиков эти 26 отборных турецких дивизий… А затем генерал Фельми[11] двинется на Иран, дойдет до Персидского залива, встретится там с Роммелем. А потом? Потом должны нанести удар японцы…»

Гитлер уселся поудобнее в глубокое кресло. Протер покрасневшие глаза, пригладил прядь редких волос. Он не видел своего серого, почти землистого лица и опухших век. Человек, олицетворявший собой все зло и несчастье, создавший настоящий ад для угнетенных им народов, погрузился в свои дикие, безумные мысли.

Тем временем начало светать. Это пробуждался новый день — 24 июля 1942 года, день начала осуществления плана «Эдельвейс».

В этот день, после почти двухнедельных упорных боев, войска Красной Армии оставили Ростов и отошли за Дон. Отсюда началось и наше отступление. «К началу боевых действий численное превосходство в силах было на стороне противника. Войска Южного фронта к 25 июля располагали лишь 17 танками. Артиллерийское усиление войск Южного фронта было очень слабое. Числившиеся в его составе 17 артиллерийских полков не могли быть эффективно использованы из-за крайне недостаточного количества боеприпасов. Кроме того, из-за ограниченного количества переправ артиллерийские части при отходе на левый берег Дона оторвались от своих войск… Количество авиации, которой располагал Южный фронт, также было крайне ограниченным. В 4-й воздушной армии, входившей в состав Южного фронта, насчитывалось всего 130 самолетов разных систем»[12].

Такова была обстановка на этом участке фронта в те дни, правдиво описанная на страницах книги «Битва за Кавказ» Министром обороны СССР Маршалом Советского Союза А. А. Гречко, командовавшим тогда 12-й армией, в составе которой сражалась и моя батарея 76-миллиметровых пушек.

Положение советских войск, прикрывавших кавказское направление, было по-прежнему тяжелым.

А тем временем в соответствии с планом «Эдельвейс» «для захвата Кавказа предназначались 1-я и 4-я танковые и 17-я армии

группы армий «А». Всего на рубеже нижнего течения Дона немецкое командование сосредоточило 13 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованные, 3 кавалерийские дивизии и более 1000 самолетов 4-го воздушного флота. Противник превосходил войска Южного фронта по пехоте — в 1,4 раза, по артиллерии и минометам — почти в 2 раза, по танкам — в 9,3 раза, по авиации — почти в 8 раз»[13].

«Ближайшей задачей группы армий «А» было окружение и уничтожение советских войск, отошедших за Дои, в районе южнее и юго-восточнее Ростова…

После уничтожения наших войск южнее Дона гитлеровцы намеревались овладеть всем восточным побережьем Черного моря и этим парализовать порты Черноморского флота…

Другая сильная группировка, имевшая в своем составе главным образом танковые и моторизованные соединения, имела задачу захватить Грозный и Махачкалу, а частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги. Конечная цель наступления на этом направлении — захват Баку.

Кроме того, командование противника предполагало развернуть наступление через перевалы Главного Кавказского хребта на Тбилиси, Кутаиси и Сухуми.

Как видим, по плану «Эдельвейс» немецко-фашистское командование намерено было осуществить захват Северного Кавказа, а затем овладеть Закавказьем путем обхода Главного Кавказского хребта с запада и востока и проникновения с севера через перевалы.

Немецкое верховное командование надеялось, что после выхода в Закавказье Турция нанесет удар по советскому Кавказу с юга. К тому времени на советско-турецкой границе уже были развернуты 26 дивизий турецкой армии»[14].

Завязались кровопролитные бои. Мы переживали тяжелые дни.

Спустя примерно две недели после того как соединения армий Южного фронта, оказывая упорное сопротивление, отошли за Дон, командующий 17-й немецкой армией генерал-полковник Руофф шел по высокому берегу реки в сопровождении японского военного атташе. Сопя от усталости, коротконогий толстяк, показав на клубы дыма, поднимавшиеся над Батайском, радостно захрипел:

— Господин генерал! Это ворота на Кавказ! Они раскрыты настежь. Я считаю, что недалек тот день, когда храбрые немецкие войска встретятся в Индии с не менее храброй армией вашего императора. Победа!..

Японец угрюмо смотрел и молчал.

Так в общих чертах выглядела обстановка на этом участке фронта, известная в то время в деталях, пожалуй, лишь командованию и штабу Южного фронта и Ставке.

НА КУБАНИ

Степные курганы, редко встречающиеся станицы и перелески, разбросанные, как муравейники, холмы — это уже Кубань.

Мы снова в пути. Солнце стоит почти в зените и немилосердно печет.

Полдень. Время для отдыха и обеда. Но не для нас, солдат. Мы по-прежнему едем и едем. Изредка небольшие стычки с врагом — и так уже не первый день. Мы все еще отступаем. Вскоре наступает предпоследний день июля. В этот день нам зачитали приказ Верховного Главнокомандующего.

Я хорошо помню то раннее утро. Наша батарея построилась на южной окраине станицы. Солнце медленно выкатывалось из-за далекого горизонта. Омытое росой утро звенело прозрачной тишиной. Приказ Верховного Главнокомандующего № 227 от 28 июля 1942 года зачитал командир батареи. Голос лейтенанта Сапёрского звучал как металл. Мы внимательно слушали его, вытянувшись по стойке «смирно».

— «…Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у Северного Кавказа, немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с нефтяными и другими богатствами». — Командир читал медленно, выделяя каждое слово. В выстроившихся полукругом шеренгах царила мертвая тишина. Я слышал тяжелое дыхание стоявшего рядом со мной повара Вани Малашкевича. Командир батареи остановился на минуту, вытер белым носовым платком потный лоб и снова принялся читать. Три последние фразы приказа глубоко запали всем нам в душу:

— «Отступать дальше — значит загубить себя и вместе с тем пашу Родину… Ни шагу назад без приказа высшего командования. Таков призыв нашей Родины»[15].

Огромный кровавого цвета солнечный шар поднялся уже над горизонтом. Сердце мое сжала боль, комок подступил к горлу. Может быть, мы перестанем наконец отступать. Я ненавидел эти отступления, которые все отдаляли меня от моей родины, от родного дома. Я чувствовал, как слезы наворачиваются мне на глаза. Я взглянул на худые почерневшие лица моих боевых товарищей — они были сосредоточенны. Некоторые с трудом сдерживались, чтобы не заплакать. Кому из нас не довелось тогда испытать на себе горечь поражений и отступлений?..

После этого состоялось открытое партийное собрание. Я был тогда еще беспартийным, но с интересом ждал начала собрания. Председательствовал парторг Наумов, коренастый, невысокого

роста мужчина в возрасте немногим более пятидесяти лет, которого все очень любили.

Товарищ Наумов говорил о необходимости укрепления воинской дисциплины и борьбы с паникерами. Он подробно остановился на задачах, вытекающих из приказа Верховного Главнокомандующего. Рассказав о тяжелой обстановке на фронте, об опасности, нависшей над Родиной, он обратился ко всем с призывом максимально проникнуться чувством ответственности за судьбу Советского государства и глубоко уяснить себе, что сейчас решается вопрос: быть или не быть народам СССР и всей Европы.

После его выступления начались прения. В них приняли участие не только члены партии и комсомольцы, но и беспартийные. Я слушал простые, порой сбивчивые и несколько сумбурные слова людей, с которыми вот уже больше педели делил все трудности фронтовой жизни и горечь отступления. Я чувствовал, что не только должен, но даже обязан выступить на этом собрании…

Я поднял дрожащую руку. Это заметил сидевший рядом со мной политрук батареи.

— Петр Антонович! Наш молодой артиллерист, поляк, тоже хочет выступить, послушаем его?

Наумов в знак согласия кивнул седой головой. Я видел, что взоры многих обращены теперь на меня. От смущения я говорил сначала заикаясь, с трудом подбирая слова, но, когда заметил, что командир батареи одобрительно подмигивает мне, ко мне вернулась уверенность.

— Товарищ Наумов, — кажется, так начал я свое выступление, — рассказывал здесь, как надо лучше и с большей пользой для дела выполнять свой солдатский долг по отношению к партии и советскому народу… Партия большевиков — это партия трудящихся, партия пролетариата… Лозунг этой партии: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Это означает, что мы должны помогать друг другу в случае необходимости, а такая необходимость проявилась сегодня, как никогда раньше! Люди многих стран, в том числе и моей родины, стонут в фашистской неволе и ждут освобождения. На кого же еще они могут рассчитывать, как не на нас, солдат Красной Армии?.. — продолжал я уже более уверенным и спокойным голосом. Я напомнил о неравной борьбе, которую вели в сентябре 1939 года польские войска с гитлеровскими ордами, и о нашем поражении, очевидцем которого был, в частности, я сам. Я говорил также о многих своих друзьях, которые остались лежать на дорогах нашего отступления… Когда я закончил свое, может быть, и

несколько затянутое выступление, раздались бурные аплодисменты. Я чувствовал, что для этих усталых людей я стал теперь более близким человеком, чем раньше. И я не ошибся, поскольку именно на этом собрании меня назначили одним из агитаторов в нашей батарее. Мы должны были разъяснять артиллеристам основные цели и задачи приказа, в основе которого лежал наказ партии: «Ни шагу назад!» После собрания политрук, командир батареи и парторг попросили агитаторов остаться.

— Как только у нас появится немного времени, мы организуем для вас короткий семинар, — сказал политрук, — наметим конкретные формы и методы вашей работы… А теперь, находясь среди солдат, поддерживайте их боевой дух, подчеркивайте, что от каждого из них зависит, как долго будет враг хозяйничать на нашей земле…

— Помните, товарищи, — добавил командир, — что агитатор должен прежде всего своим собственным поведением показывать пример другим. Внушайте всем уверенность, а оно так и есть на самом деле, что опасность, которая нависла над нами, еще больше сплотит советских людей, вызовет у них искреннее стремление отдать все свои силы делу разгрома врага.

Собрание проходило в саду. Поднимавшаяся вверх в его глубине струйка дыма означала, что Ваня Малашкевич заканчивал приготовление завтрака. Мы стояли возле колодца, журавль которого высоко торчал над нашими головами. Закурив козьи ножки, артиллеристы обменивались впечатлениями о приказе Верховного Главнокомандующего.

— Наконец-то! Надо было бы пораньше что-нибудь в этом роде… Теперь фрицы почувствуют, что такое солдат Красной Армии! Теперь им достанется от нас на орехи!..

— Они получат то, чего заслужили, за чем пришли сюда, за Дон…

— Степь здесь широкая и необъятная. Для их могил не пожалеем даже кубанского чернозема.

— Эх, ребята, до чего же хочется попасть снова в Донбасс! Днем возить уголь, а вечером гулять с девчатами… — загрустил Миша Малынин. — Представляю, как будет хорошо, когда мы с братом и отцом вернемся с фронта… Мать поставит на стол миску вареников, а может, даже найдется и бутылочка с горючим…

— Не горюй, Мишка, вернешься, дорогой! Вернешься и наешься до отвала своих вареников. Только придется немного подождать… Немало еще предстоит нам пережить. Нелегок будет наш путь. Фрицы так легко не захотят отдать того, что успели

захватить, — включился в разговор и я. Я уже чувствовал себя в роли свежеиспеченного агитатора.

— Мать пишет мне, — вмешался молодой артиллерист из другого расчета, — что немцы сровняли с землей наш районный городишко. Мало кто остался в живых. Там была большая больница…

— Много тебе мамаша нового и интересного написала, — подколол его, как всегда, Грицко Панасюк. — А ты видел когда-нибудь рынок невольников? А я видел, как несколько дней держали под открытым небом за колючей проволокой голодных и замерзших женщин… Многие, когда их загоняли в телячьи вагоны, сошли с ума…

— Ребята, не горячитесь! Может, скоро союзники начнут воевать по-настоящему и откроют второй фронт. Тогда возьмем фрицев в клещи. Как ты думаешь, Станислав? — задал мне вопрос худенький артиллерист Игорь Максимов. — Ведь ты же жил в Польше, поближе к ним, и поэтому должен знать их лучше…

— Я думаю, что… Второй фронт, конечно, будет открыт. А знаю ли я их лучше?.. — пытался уклониться я от ответа. Впрочем, что я мог им сказать? У меня не было желания делиться воспоминаниями, которые до сих пор мучили меня, словно рана, посыпанная солью. Тяжелыми были эти воспоминания о трагическом польском сентябре 1939 года! В то время мы тоже ждали открытия второго фронта…

Сентябрь 1939 года.

…Он застал нас у подножия Бещадских гор. Нам было приказано воздвигнуть непроходимую стену из солдатских тел на южных границах Польши.

Я помню, да и как мог бы я забыть, те первые дни сентября, тот утренний туман и монотонный рокот моторов, доносящийся откуда-то с юга.

— Это наши танки, ребята! — успокаивал нас старшина роты старший сержант Ендрачик, протягивая нам фляжку, наполненную крепкой жидкостью.

— Наши, конечно, наши, — повторяли командиры отделений, то и дело с беспокойством поглядывая на далекий южный горизонт.

Мы пили спирт небольшими глотками. Горло обжигало, слезы выступали на опухших от бессонницы глазах, шумело в голове, туманился взгляд. Но мы продолжали долбить каменистую землю, которая с трудом поддавалась нашим саперным лопаткам.

— Скорее! Скорее, черт подери! — лихорадочно подгонял нас

командир роты поручник Гоздзик.

Мы вытирали пот со лба и лица, напрягали мускулы рук и ног и… посылали в воздух набор сочных солдатских проклятий.

А кого было проклинать?.. Командира роты? За то, что вселял искру надежд в нас, восемнадцати —, девятнадцатилетних солдат с винтовками и саперными лопатками, что никак не могли справиться с этой каменистой землей? Кого проклинать за нашу беспомощность, за то, что южные склоны этих гор и лесов оказались открытыми для врага? Нет, командир роты не был виноват…

Так кого же проклинать за то, что вражеские танки своими окрашенными в красный цвет широкими гусеницами прошли, не встретив серьезного сопротивления, по нашим неглубоким окопам, ревя моторами и обдавая нас выхлопными газами?

Враг имел десятикратное превосходство над нами. Десятикратное? Вероятно, если только можно сравнить солдата с винтовкой, сидящего в неглубоком окопчике, с солдатом, который прячется за бронированным щитом танка…

Однако велика была любовь к родине, и она повелела нам вступить в неравный бой с фашистами.

Сражались и умирали наши солдаты, а на их остывающих устах замирали полные отчаяния слова: где же английская и французская авиация? Где морской десант и второй фронт, торжественно обещанный нам в мирные дни? Где поддержка, вытекающая из обязательств пакта об оказании немедленной военной помощи? Искали ответа на все эти вопросы и те, умирающие, и мы, оставшиеся в живых, когда на нас обрушилась всей своей мощью фашистская Германия.

Иллюзии!

Иллюзии, за которые пришлось расплачиваться слишком дорогой ценой…

Их развеяли вскоре винтовочные залпы во время расстрелов, скрип виселиц, стоны родной земли, обнесенной колючей проволокой, превращенной в один огромный лагерь смерти…

А какова же была историческая правда, на основании которой мы могли бы осуждать тех, на чью помощь мы, поляки, рассчитывали?

В то время, когда в Польше храбро сражались с врагом польские полки и дивизии, все гражданское население, когда гибли тысячи людей, за четыре месяца войны на Западе Германия потеряла лишь 696 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести и 11 самолетов…

А может быть, те, на чью помощь мы надеялись, были в то время слабыми и беззащитными? Вот ответ на этот вопрос: в день

нападения Германии на Польшу Франция держала под ружьем 2 миллиона солдат!

А позднее в течение 9 месяцев еще большее количество английских и французских солдат бездействовали, расположившись в укрепленных пунктах вдоль франко-германской границы. Они не думали не только о военных операциях, но даже о боевой подготовке. Командование было занято организацией отпусков и обеспечением «необходимых развлечений». И все это для того, чтобы солдаты не имели времени задуматься над истинным смыслом этой войны. Введение светомаскировки явилось предлогом для оживления ночной жизни в крупных городах. Противогазы, которые носило гражданское население, стали модным женским реквизитом. Большую популярность завоевала песенка Шевалье, в которой тот восхвалял войну, где никто ни в кого не стреляет, и издевательски подтрунивал над поляками, «позволившими» убивать себя, несмотря на то что на свете столько красивых женщин…

В это даже трудно поверить! А может, это был всего лишь парадокс в период большой трагедии польского народа? Нет!

Польша, подвергшаяся нападению со стороны фашистской Германии, что угрожало ее существованию, рассчитывала на помощь союзников, в то время как их главной целью было натравливание Германии на Советский Союз, на единственную страну, которая была кровно заинтересована в защите независимости Польши и одна из всех была в состоянии спасти Польшу от гитлеровского ярма.

Такова, к сожалению, историческая правда, которую я еще тогда, на советской земле, не знал.

На советской земле…

«Можно ли им верить? Помогут ли они нам?.. Откроют ли второй фронт? — размышляли солдаты. — Ведь это же капиталисты. Многие из них даже помогали Гитлеру прийти к власти и способствовали могуществу фашистской Германии. Захотят ли они помочь нам, Рабоче-Крестьянской Красной Армии?..»

На усталых солдатских лицах видна озабоченность. Каждый день этой войны — схватки Красной Армии с фашистским зверем — приносил все новые и новые трагические жертвы: гибли люди, горела советская земля…

Многие из нас надеялись и рассчитывали на открытие второго фронта. Но далеко не все дожили до 6 июня 1944 года, когда союзники высадились наконец во Франция. Итак, второй

фронт открылся за 11 месяцев до окончания военных действий, когда наступил коренной перелом в ходе второй мировой войны и когда стало очевидным, что Советский Союз способен самостоятельно довести войну до победоносного конца и освободить народы Европы от фашистской неволи…

Где-то на севере загрохотали орудия. Спустя несколько минут появился командир батареи. Он был явно не в духе.

— А ну, ребята, по машинам! — скомандовал он и показал направление движения — по полевой дороге, затерявшейся среди полей, зигзагом уходившей на юг.

Значит, снова отступаем.

В ушах звучали еще слова только что зачитанного приказа Верховного Главнокомандующего: «Отступать дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину… Ни шагу назад без приказа высшего командования. Таков призыв нашей Родины».

Несмотря на это, «29 июля противник передовыми частями форсировал р. Кагальник в районе Новобатайска и, преодолевая сопротивление частей 18-й армии, продолжал развивать наступление в южном и юго-восточном направлениях, стремясь выйти в глубокий тыл нашим частям, действовавшим на кущевском направлении и Таманском полуострове»[16].

Однако это был один из последних значительных успехов немецких войск на этом участке фронта. Приказ Верховного Главнокомандующего медленно, но последовательно претворялся в жизнь.

Наиболее тяжелые августовские дни отступления были уже позади. Теперь мы более организованно отходили на новые позиции.

Вокруг тянулись поля с черными заплатами сожженных скирд. Не придется врагу есть хлеб из нового зерна.

Перед нами по-прежнему вьется узкая полевая дорога, окутанная облаком серой пыли, взметаемой колесами автомашин, гусеницами тягачей и тракторов, копытами лошадей и солдатскими сапогами.

Обочины дороги забиты пехотой. Вот уже несколько недель отступает она с боями из-под Ростова, а может, и с самой Украины… Почерневшие от пыли солдаты еле держатся на ногах.

Мы все еще отступаем.

На лицах солдат застыл трагизм, глаза неподвижно уставились под ноги, на разбитую колею дороги, по обочинам которой лежат раздувшиеся туши лошадей и трупы людей.

Повсюду одна и та же страшная картина. Удивительно, но мы смотрим на все это спокойно, почти равнодушно. Я никак не могу этого понять. Временами мне кажется, что я рассматриваю

нарисованную на холсте картину какого-то художника.

— Ну, эти уже успокоились навсегда. — Мухамед Исмаилов снова достает свой большой кожаный кисет. — Закурим, пока живы!..

— Да, жаль людей, — отвечаю я ему, с трудом глотая слюну. Хочется пить. Первые дни августа в этих краях особенно жаркие.

Но мы страдали не только от зноя. Мы уже удалились довольно далеко от Дона. Позади остались Батайск, Тихорецкая и Армавир, река Кагальник. Позавчера перешли Кубань… Все время, пока переправлялась наша батарея, над головой висели вражеские самолеты. Окрасилась в красный цвет и эта река… Нашим расчетам и на этот раз удалось преодолеть эту водную преграду без потерь, не считая, конечно, нескольких раненых. Но в то время это было обычным явлением.

Обгоняющие нас грузовые автомашины исчезают в клубах пыли. Она лезет в глаза, уши, оседает на потрескавшихся губах. Тракторы, скрежеща гусеницами, продолжают движение. Раскаленное солнце по-прежнему висит над головой. От мокрых гимнастерок разит потом, спина невыносимо чешется…

Поворот. По обеим сторонам дороги снова повсюду воронки от бомб.

И когда уже казалось, что мы живьем сгорим от знойного солнца, сверху на нас хлынул стальной дождь.

Рев пикирующих самолетов слился со взрывами первых бомб. Они падали с каким-то резким, пронзительным визгом, назойливо сверлящим мозг.

Взрывы и столбы огня, свист осколков, вой моторов, снова взрывы. У меня было такое ощущение, словно тело мое стало удивительно легким, невесомым. Но это ощущение длилось недолго, зато казалось, что рев моторов и грохот рвущихся бомб не имеют ни начала, ни конца.

Гудела, дрожала и ходила под ногами кубанская степь.

Именно тогда я понял, что можно быть очень смелым человеком, но не привыкнуть никогда к мысли о том, что тебя повсюду подкарауливает смерть. Я всегда испытывал перед ней страх, всегда тяжело переживал гибель своих товарищей, хотя всякий раз по-иному. Поэтому, как только я слышал вой над своей головой, я инстинктивно искал спасения. В эти минуты казалось, что только земля может укрыть от грозящей опасности. И уж совсем не хотелось думать о том, что можно остаться в ней навсегда.

Итак, на землю, в поисках спасения от смерти!

Однако не всем суждено в такие минуты обнять землю дрожащими руками, прижаться к ней, как к матери. С какой

завистью смотрели мы теперь на широкие поля, по которым мчались обезумевшие от страха лошади, где прятались пехотинцы и беженцы.

Для нас не было приказа спрыгивать на землю…

Тракторы по-прежнему тащили орудия по опустевшей уже дороге, пахнущей сгоревшим порохом, усеянной воронками.

Над дорогой и полями безнаказанно кружились вражеские самолеты. Из-под их черных крыльев неслась навстречу нам смерть. Пулеметные очереди косили людей.

Один из самолетов занялся продолжавшей двигаться по дороге нашей батареей, и прежде всего нашим расчетом, — а может, это только нам показалось. Он кидался на нас, словно злая оса. Описывая полукруг, разворачивался и на бреющем полете поливал дорогу пулеметными очередями.

Водитель тягача рядовой Миша Малынин до отказа нажимал педаль газа, бросая трактор то вправо, то влево. «Сталинец», объезжая воронки, прибавлял, потом снова снижал скорость, чтобы не стать удобной мишенью для летчика. Он петлял из стороны в сторону, опьяненный схваткой с врагом, из которой должен был выйти победителем, чтобы спасти жизнь нам, находящимся наверху.

На дороге разыгрался поединок.

Через несколько минут мы немного освоились с неожиданными рывками и поворотами нашего «Сталинца» и начали стрелять по низко летящему самолету из винтовок. Иного выхода у нас не было. На прицепе трактора спрятаться было некуда.

— Давай, давай! Цельтесь в брюхо! — кричал, высунувшись из кабины, сержант Сорокин.

— Держи пулемет! — как всегда, командовал Коля Усиченко, устанавливая сошки пулемета на спине рядового Мухамеда. Тот встал коленями на ящик со снарядами и прижал ствол к плечу.

Фашистскому летчику, по-видимому, надоела эта забава. Его вывел из себя вид дерзко ехавшей по дороге «добычи». Самолет, едва не задев нас колесами, как-то боксам пролетел над нашими головами. Воздушная волна от пропеллера сбила нас с ног, и мы упали на ящики, а свист пуль пригвоздил нас к доскам.

Это длилось всего несколько секунд. Я убедился, что угроза смерти не всегда парализует тело страхом… Мы ведь ожидали от летчика этой выходки.

Когда стальное туловище накрыло нас своей тенью, Коля выпустил в него длинную очередь из пулемета. А рядовой Мухамед продолжал хладнокровно стоять на коленях на ящике со снарядами.

Захлопали и наши винтовки.

— Ребята!.. Друзья! — радостно воскликнул сержант Сорокин, высунув голову из кабины.

— Ура-а-а! — раздался возглас откуда-то снизу, из-под пулемета.

Самолет продолжал лететь, однако за его хвостом потянулся уже шлейф черного дыма, а корпус начал клониться к земле.

— Попали, ребята, попали! — прыгал от радости Коля Усиченко.

— Сбили! — кричали мы как сумасшедшие.

В нескольких сотнях метров впереди нас взметнулся столб огня, и вскоре черный дым поплыл над степью.

Мы выиграли этот поединок. Я чувствовал неописуемую радость. Впрочем, это чувство охватило не только меня. Оно светилось и на лицах моих боевых товарищей. Да, мы радовались этой победе, ибо знали, что одним фашистским летчиком будет меньше над русской землей. Кубанская степь поглотила его навсегда.

Вдруг наш трактор резко свернул в сторону и съехал в поле. Мы испуганно переглянулись. Ведь Миша нарушает приказ командира батареи. К тому же зачем сворачивать с дороги, когда самолеты уже улетели?

— Куда ты едешь, Мишка? Что, только сейчас струсил? — крикнул Коля Усиченко.

— Поворачивай назад, на дорогу! — кричали уже мы все, забыв, что в кабине сидит командир нашего расчета.

К сожалению, Миша уже не слышал наших слов…

Для нашего водителя последняя пулеметная очередь с самолета оказалась смертельной, а этот поединок с врагом — последним. Ему шел всего лишь двадцать второй год. Он был моим ровесником. Он рвался в бой, всей душой хотел служить Родине, как его отец и брат, сражавшиеся где-то на другом фронте, как мать, работавшая без отдыха на заводе… Он выбыл из наших рядов… Он уже никогда не вернется в свой родной Донбасс, к своим близким…

Трактор остановился среди золотистой пшеницы. Однако двигатель его продолжал гудеть.

Высоко в небе пел жаворонок, но Миша Малынин его уже не слышал.

В эти первые недели нашего отступления в районе Дона и на Кубани в небе было не меньшее оживление, чем на шоссе, полевых дорогах и тропах… Самолеты летали низко, над самыми

верхушками стоявших вдоль дорог деревьев и крышами домов. Сколько раз я отчетливо видел лица фашистских летчиков!.. В то время редкостью были не только воздушные бои, но и даже появление самолетов с красными звездочками на крыльях.

— Наглые, подлые фрицы! — проклинали со злостью немецких летчиков наши артиллеристы и пехотинцы, возницы обозных подвод и гражданское население.

«Наглыми они стали не здесь и не сейчас», — думал я, слушая эти проклятия. У меня перед глазами все время стояло то ясное, безоблачное сентябрьское небо… Самолеты с черными крестами тоже летали тогда безнаказанно: группами и в одиночку, по утрам, в полдень и вечерами, — сбрасывали бомбы и косили очередями из пулеметов людей. Смерть настигала любого, без разбора. Человек, сидевший в серебристой кабине, не испытывал жалости ни к кому. В тени крыльев вражеских самолетов оставались лежать, уткнувшись на последнем вздохе в горячую, изрешеченную пулями землю, солдат с винтовкой в руке, мать с ребенком у груди, пастух возле коров и дети, только что доверчиво смотревшие на небо…

— Куда, черт подери, подевались наши самолеты? — спрашивали мы поручника Гоздзика, прячась в тени высоких деревьев от зорких глаз фашистских летчиков.

— Сражаются в небе Берлина. — Ответ командира нашей роты звучал как-то нерешительно. Конечно, он и сам не верил в то, что говорил. Однако мы, молодые солдаты, несколько дней жили этими иллюзиями…

И вот аналогичная картина, только уже здесь, над южными степями необъятного Советского Союза. И снова мы, солдаты, сразу не могли понять этого.

— Когда же мы увидим наконец в небе наши краснозвездные самолеты? — расспрашивали мы командира батареи. — Танков тоже почти не видно с тех пор, как мы перешли Дон… От самого Ростова все отступаем и отступаем.

— Еще увидите, ребята!.. И самолеты, и танки, — отвечал командир батареи. — Сейчас они сражаются там, где больше всего нужны. Немцы рвутся к Сталинграду…

Сталинград в опасности — этого объяснения было вполне достаточно. И мы больше не задавали подобных вопросов, хотя, нечего скрывать, они еще не раз готовы были сорваться с наших уст.

Сегодня хорошо известны важнейшие причины тяжелой для нас в то время обстановки.

Вот что пишет на эту тему в своей книге «Битва за Кавказ» в то время командующий нашей 12-й армией генерал-майор А. А.

Гречко:

«Говоря об итогах первого оборонительного этапа битвы за Кавказ, следует отметить, что боевые действия на Северном Кавказе в период с 25 июля до 17 августа 1942 г. проходили в невыгодных для нас условиях. Немецко-фашистские войска имели большое количественное превосходство в танках, авиации и артиллерии. Этот огромный перевес врага в силах и является главной причиной, позволившей немецко-фашистским захватчикам вынудить наши войска к отходу от Дона до предгорий западной части Главного Кавказского хребта…

На действиях наших войск отрицательно сказывалась крайняя малочисленность авиации. На всем протяжении оборонительных боев первого этапа враг господствовал в воздухе, причиняя большой ущерб нашим войскам, особенно на открытой местности»[17].

Мы, солдаты, не знали тогда о том, что наши краснозвездные самолеты наносят врагу немалые потери, а наши летчики бесстрашно сражаются.

«Несмотря на то что противник имел подавляющее численное превосходство в воздухе, отважные советские соколы проникали на вражескую территорию и наносили противнику чувствительные потери.

В период боев за переправы через Дон и отхода наших войск в предгорья Кавказа авиация 4-й и 5-й воздушных армий произвела более 9700 боевых самолето-вылетов, сбросила на войска противника около 740 тонн бомб, более 7200 реактивных снарядов, израсходовала до 147 тыс. пушечных снарядов и свыше 1 939 тыс. патронов. В крайне сложных условиях наземной и воздушной обстановки она вела неравную борьбу с немецко-фашистской авиацией. Систематическими ударами по войскам противника на переправах, по колоннам мотомехвойск в движении и в районах сосредоточения задерживала наступление противника, наносила ему значительные потери в технике, живой силе и тем самым создавала более благоприятные условия при отходе наших войск и организации обороны в предгорьях Кавказа. Конечно, и наша авиация несла серьезные потери. Так, к середине августа в 5-й воздушной армии вместо 135 самолетов осталось всего 102. Но сосредоточение основных сил авиации на ограниченных участках позволяло достигать высоких результатов»[18].

Такова в общих чертах правда о тех нелегких для нас днях. Разумеется, мы, солдаты, и даже некоторые наши командиры не знали обстановку в деталях. Но солдату не все положено знать.

Дело в том, что с первых дней советско-германской войны

авиация противника практически не встречала никакого сопротивления в воздухе.

«Большую роль в успехе сухопутных войск врага сыграла его авиация. Стремясь уничтожить советские воздушные силы и с первых дней войны захватить господство в воздухе, немецкое командование привлекло крупные силы своей авиации для нанесения ударов по аэродромам… В результате этих ударов и напряженных воздушных боев потери нашей авиации к полудню 22 июня составили около 1200 самолетов»[19].

В те тяжелые для нас дни мы еще не знали, что меньше чем через год гитлеровской авиации будет нанесен сокрушительный удар на донской и кубанской земле, по которой проходили теперь дороги нашего отступления. Воздушные бои в небе Кубани весной 1943 года занимают особое место в боевых действиях советской авиации, поскольку именно здесь была серьезно подорвана боевая мощь врага и созданы реальные предпосылки для завоевания господства в воздухе на всем советско-германском фронте. Достаточно сказать, что «за весь период боевых действий на Кубани (с 17 апреля по 7 июня) фронтовой авиацией и авиацией Черноморского флота было произведено около 35 тыс. самолето-вылетов. Противник потерял 1100 боевых самолетов»[20]. Гитлеровская авиация лишилась своих лучших, наиболее опытных летчиков.

Таковы итоги боевых действий советской авиации менее чем за 50 дней воздушных сражений. Тем самым советские летчики отплатили за потери, понесенные в первые дни разбойничьего нападения гитлеровских воздушных пиратов на приграничные округа СССР.

Многим из нас довелось стать свидетелями этих замечательных успехов советской авиации. С какой радостью смотрели мы в то время в небо! Появление краснозвездных самолетов тогда уже перестало быть редкостью…

Однако теперь небо кишело самолетами, только, к сожалению, не нашими. И мы проклинали сложившуюся обстановку.

А позади оставались все новые и новые километры дорог отступления.

Сумерки окутали уже землю, когда наша батарея остановилась на северной окраине станицы Калинская. Она была забита обозами, тягачами и автомашинами, солдатами и беженцами. В тупиках улиц дымились полевые кухни. Мы с жадностью припадали запекшимися губами к мутной желтой воде, остатки которой сохранились в ближайшем колодце. Запах

вареной свинины, исходивший из большого котла, щекотал ноздри. Повар Ваня Малашкевич время от времени подбрасывал в огонь сухие дрова. Председатель местного колхоза ничего не жалел для нас. Даже дал на дорогу двух больших поросят. Уговаривал взять еще теленка или корову… Наш хозяйственник, старшина батареи Назимов, от коровы отказался.

Командиры расчетов помогали окапывать орудия. Земля была твердой, глинистой, высохшей от длительной жары и отсутствия дождей. Мы работали без гимнастерок. Я чувствовал, как пот градом течет по моей спине. Закончив копать, мы принялись маскировать щиты и лафеты орудий, хотя ночь все равно укрыла бы их своим мраком. Тогда в любое время суток мы строго соблюдали маскировку. Наводчики сняли чехлы и протирали прицелы. Наш командир батареи во время отступления на каждом более или менее длительном привале соблюдал железное фронтовое правило: полная готовность батареи к бою. Сколько раз мы имели возможность убедиться в правильности этого принципа, хотя про себя частенько ругали командира: дело в том, что полная боевая готовность означала потерю многих драгоценных минут отдыха. Надо было окопать орудия, замаскировать их, выкопать ниши для ящиков со снарядами и подготовить укрытия для тракторов… Луна медленно заливала своим матовым светом наполненные шумом и гомоном людей узкие улицы станицы, раскидистые сады, церквушку, круглый купол которой торчал над крышами домов и верхушками самых высоких деревьев.

Постепенно гомон и шум утихли. Станица погрузилась в сон. Казалось, весь мир вокруг умолк и замер. Командир батареи вместе с политруком и командирами 1-го и 2-го взводов долго стояли на краю деревни, оживленно о чем-то разговаривая. Радист Андрей Жуков, пожилой уже человек, сидел недалеко от них и копался в полевой радиостанции. Сын Жукова, двенадцатилетний Ваня, милый живой мальчуган, крутился возле отца. Затем командиры взводов — младший лейтенант Шавтанадзе, молодой, высокий и худой грузин, и лейтенант Заривный, коренастый украинец сорока лет, родом из-под Киева, — приступили к проверке готовности огневых позиций отдельных расчетов. У нас все было в порядке, и Шавтанадзе разрешил нам идти на ужин.

— Ну, наконец-то наелись до отвала! Теперь бы только увидеть хороший сон, — пошутил Мухамед, укладываясь рядом со мной на ящиках со снарядами.

— Подумай о чем-нибудь приятном, может, и приснится, — заметил я, усталый и сонный.

Но эта ночь не была к нам особенно благосклонной.

Со стоном, напоминающим грохот лавины, в станице и около нее разорвалось несколько тяжелых снарядов. Замирающее эхо взрывов неслось над крышами домов и верхушками деревьев.

— Батарея, к бою! — раздалась в ночной тишине резкая команда.

— К бою! — словно эхо повторили команду командиры взводов.

— К бою! — кричали на бегу командиры расчетов.

Мы быстро вскочили. В то время мы спали не раздеваясь, даже не снимая сапог. Спустя несколько секунд мы с Мухамедом были уже у орудия, сбросили с него маскировку. Прозвучали слова команды. Коля Усиченко вращал ручку механизмов: дрогнул и наклонился ствол орудия. Звонко щелкнул замок.

— Готово! — доложил сержант Сорокин.

Держа в руках холодный снаряд, я стоял рядом с Грицко Панасюком возле станины орудия. Такую же картину можно было наблюдать и в других расчетах. Наводчики с нетерпением ждали короткой команды: «По фашистам!..»

Итак, той ночью снова не пришлось спать.

Да, это был 1942 год, год, когда враг уже испытал на себе силу наших ударов. Гитлеровцы спешили… Последняя зима многому их научила, особенно под Москвой. Для немецких солдат закончились те времена, когда они ложились вечером спать, чтобы утром, после завтрака, продолжать преследование отступающих войск противника.

Так было в период сентябрьской кампании 1939 года, а семь месяцев спустя — в Голландии, Бельгии и Люксембурге, а затем — во Франции. В апреле 1941 года так могли действовать гитлеровские войска в Югославии и Греции, но не на советской земле.

А летом 1942 года по ночам шли бои. Теперешний был одним из многих.

В небо взлетали ракеты. Стало светло как днем. Огненные взрывы снарядов взметали вверх черные фонтаны земли. Грохот орудий и крики людей нарушили тишину ночи. Однако над всем этим доминировал монотонный глухой гул. Казалось, где-то работает гигантская невидимая машина. Степь перед нами была окутана легкой серой дымкой. С севера доносился нарастающий рокот моторов грузовиков или бронетранспортеров.

Танки противника появились неожиданно. Их низкие темные силуэты вынырнули из начавшего уже редеть тумана. Я насчитал четыре. А что скрывалось за стальными чудовищами, пока не было видно. Откуда они взялись? Но времени на разгадку не

было. Я понял, что командир батареи принял единственно верное в этой обстановке решение: принять бой с противником, остановить его, дать возможность беженцам покинуть станицу, а пехоте — либо подготовиться к бою, либо отойти.

Установив орудия для стрельбы прямой наводкой, мы в напряжении ждали команды: «Батарея! Прямой наводкой, бронебойным!..» Мы не жалели снарядов: перед нами был враг. Снаряд за снарядом — за сожженные села, за погибших товарищей, женщин, детей, за бессонные ночи, за горечь отступлений… Наконец-то мы повернулись к противнику не спиной, а грудью. Нам хотелось, чтобы таких минут и таких встреч было как можно больше. Как же ждал их каждый солдат! Ибо то, что мы пережили во время последних дней отступления, не давало покоя, как гноящаяся рана. Как же жаждал каждый из нас отплатить фашистам за все и за всех! И вот такая возможность наконец-то представилась…

Орудия вели беглый огонь. Хотя бы раз попасть в стальную громадину! А танки, словно издеваясь над нами, в развернутом боевом строю, с грохотом приближались к станице. Я уже отчетливо видел их неуклюжие тяжелые силуэты. Языки огня вылетали из пушек.

Мы с Грицко Панасюком подносили снаряды. Мухамед быстро хватал их из наших рук, загонял в казенную часть ствола и щелкал замком. А затем звучал короткий возглас Коли Усиченко:

— Готово!..

— Огонь! — командовал сержант Сорокин.

— Получай, сволочь, чего хотел! — с удовлетворением произносил после каждого выстрела Мухамед. Только Коля оставался спокойным — он наводил орудие.

За нашей спиной вспыхнуло пламя на крышах хат. В воздухе запахло гарью.

— Огонь! Скорее, ребята! — доносились голоса командиров взводов. Но нас не надо было подгонять, хотя люди и так валились с ног от усталости. В каждом расчете по одному-два артиллериста было выделено для охраны батареи от немецких диверсантов, которые могли появиться в любую минуту, причем откуда их меньше всего ожидали. Они могли скрываться между домами, в садах, могли незаметно подойти к станице, вынырнув из степного мрака. А тут вдруг кончились снаряды в ящиках, поставленных нами в ниши, которые мы вырыли вчера вечером возле каждого орудия. А остальные снаряды остались на прицепах тракторов, стоявших в нескольких десятках метров позади нас. Чувствую, как пот градом катится но моей спине, застилает глаза,

течет в уголки рта, а руки немеют от усталости. Однако я бегу с двумя снарядами к орудию, спотыкаюсь о его станину…

И вдруг помощь, на которую мы меньше всего рассчитывали: колхозные девчата.

— Ребята, можно мы вам поможем?

Не успел я ответить, как уже две из них побежали за мной к прицепам, схватили по снаряду, прижали к груди. Так мы и бегали к орудию и обратно…

Столь неожиданную для нас помощь мы встретили с нескрываемой радостью. Девушки разбежались по расчетам, работа у орудийной прислуги пошла теперь веселее. Накалялись стволы орудий, таяли снаряды. Впрочем, кто их жалел в такой обстановке? Вытирая пот со лба, мы поглядывали на наших добровольных помощниц.

— Девчата, а когда разгромим фрицев, можем рассчитывать на поцелуй? — кричал Грицко.

— Тебе, может, и хватит поцелуя, а мне нет! — смеялся Мухамед, щелкая замком орудия.

— Разгромите и возвращайтесь, а там будет видно, — ответила одна из помогавших нам девушек. Они продолжали подносить снаряды, сгибаясь под их тяжестью.

Сколько уже лет прошло с тех пор, но мне все время кажется, что это было вчера: и та ночь, и станица, освещенная заревом пожара, и взрывы вражеских снарядов, и грохот наших орудий, и девчата — стройные, красивые, сильные, с черными как смоль волосами, такие бесстрашные…

«Вот как бывает на войне, — думал я, глядя на сельских девчат. — Над нами небо с мерцающими звездами, а на земле огонь, смерть, ад… Неужели человек рождается для того, чтобы убивать, а не любить? Ненавидеть, а не наслаждаться жизнью?»

— Загорелся, горит! — раздался восторженный голос Мухамеда.

— Получил, гад! — воскликнул наводчик Коля, хотя трудно было установить, какое именно орудие поразило эту стальную громадину.

— Ура-а-а! Ура-а-а! — кричали мы с Грицко, и девчата вторили нам.

Наконец-то! Танки повернули назад, но не все. Один из них остался неподвижно стоять, его лизали языки пламени. Второй, окутанный дымом, вертелся на месте — по-видимому, у него была перебита гусеница.

— Добейте его! — кричал сержант Сорокин. Он подскочил к орудию, оттолкнул наводчика Колю, некоторое время целился через жерло ствола, а потом, когда Мухамед вогнал снаряд,

дернул за шнур…

В свете вновь вспыхнувших ракет мы увидели, как башню танка будто срезало ножом — она свалилась на землю…

Но бой еще не закончился. Враг не хотел признавать себя побежденным. Через несколько минут мы увидели вспышки огня и услышали, как с коротким свистом пролетели почти над нашими головами трассирующие снаряды и взорвались где-то в центре станицы.

— Второй расчет! Прикрыть отход, остальным «отбой»! — приказал командир батареи. — Покидаем станицу…

Небо начало голубеть, становилось все светлее и светлее. Приближался рассвет. Розовел горизонт на востоке, начинался новый фронтовой день, теплый и солнечный, похожий на предыдущие.

Орудийные расчеты быстро снялись с позиций и уехали, кроме нашего, который должен был выполнять приказ командира. Нам оставили несколько ящиков со снарядами. Эти снаряды мы должны были выпустить по укрывшемуся противнику. Наша 76-миллиметровая пушка в течение нескольких минут вела огонь.

— Кончились снаряды! — крикнул я. Ниша и прицеп трактора уже опустели. Ящики из сосновых досок валялись под ногами. Пахло сгоревшим порохом от гильз и дымом пожаров.

— Отбой! — приказал Сорокин. — Будем догонять батарею…

Наш расчет покинул станицу… Мы ощущали жар от горящих домов и скотных дворов на своих потных лицах. Вдоль темной дороги блестели омытые росой листья деревьев. Воздух был еще прохладным. Только теперь я почувствовал, что гимнастерка на мне совершенно мокрая. Мои боевые товарищи сидели, накинув на себя шинели. Я тоже последовал их примеру. Мы ехали молча…

— Расчет прибыл без потерь! — доложил лейтенанту Сапёрскому сержант Сорокин.

— А как девчата? — с беспокойством спросил командир батареи.

— Остались… Сказали, что будут ждать, когда мы вернемся и объявим им благодарность, — с трудом выдавил наконец я из себя, чувствуя, как комок подступает к горлу.

— Вернемся, ребята, обязательно вернемся! — лейтенант говорил медленно. — Вернемся и туда, где мы были, и туда, где нас ждут, — закончил он, посмотрев в мою сторону.

«Вернемся», — поклялся я про себя.

— А за выполнение боевого задания всему расчету объявляю благодарность…

— Служим Советскому Союзу! — Дружный наш отклик

поднялся над степью и растворился в нарастающем шуме двигателей.

— По машинам! — раздалась команда.

Тракторы, ревя моторами, набирали скорость. Мы ехали по утренней степи.

Серая пыль, поднимавшаяся от разбитой фронтовой дороги, вскоре окутала нас своей молочной пеленой. Мы ехали молча, навстречу горам.

На рассвете въехали в какую-то станицу. Снова дымящиеся пепелища и развалины, обугленные ветви фруктовых деревьев. Среди развалин и на изрытой снарядами улице валялись трупы фашистов.

Станица, а точнее, то, что от нее осталось, выглядела вымершей. Стаи птиц кружились над несколькими деревьями, оставшимися целыми. В воздухе пахло гарью.

Час или два назад здесь, по-видимому, шел бой. Для гитлеровцев каждая стена служила опорным пунктом. Нелегко было нашей пехоте взять эту станицу. Проезжая по улице, мы видели, как санитарки подбирали раненых. Среди пострадавших были и местные женщины, и дети, не успевшие покинуть станицу. Несмотря на рев моторов, мне казалось, что я слышу стоны раненых, а от вида окровавленных людей кружилась голова. Убитых клали возле разрушенного подвала. Несколько красноармейцев копали большую братскую могилу.

Признаки ожесточенного боя можно было увидеть повсюду.

Наши тягачи остановились на южной окраине бывшей станицы. Сапёрский приказал командирам расчетов приготовиться к бою. Шум сражения доносился с запада, оттуда, где какие-то подразделения нашей пехоты вели наступление. Мы должны были поддержать их огнем.

Итак, снова в бой! Поддержать огнем пехоту — это значит бить врага, снарядами из наших орудий вдавливать его в советскую землю, мстить за ее раны и страдания. Каждая команда «Орудия к бою!» придавала нам новые силы, помогала выстоять в тяжелой тогда для наших войск обстановке. Приближалась вторая половина августа, период, когда немцы, форсировав Кубань и овладев такими важными центрами, как Краснодар, Армавир и Майкоп, предпримут решительное наступление…

Разрушенную станицу окружали пологие холмы, извилистые овраги, а где-то за серой утренней дымкой прятался лес, в котором и засели части противника. Фашисты, выбитые из станицы, не хотели мириться с поражением. Усиливался огонь их орудий, минометов и пулеметов. От частых взрывов снарядов пелена тумана начала редеть. Справа от нас яростно строчили

«максимы».

Уже рассветало, когда наши расчеты подняла команда «Орудия к бою!». Искать удобные позиции было уже некогда. Наверное, пехота настойчиво просила поддержать ее огнем. Тракторы отъехали назад, расположились среди развалин.

Бой продолжался. Мы с Ваней Гришиным и Грицко Панасюком подносили снаряды. По-видимому, гитлеровцы перешли в контратаку.

Туман медленно рассеивался. Показалось яркое торжествующее солнце. Его лучи — предвестники теплого дня — ласково скользили по нашим спинам.

Это был один из многих теплых дней в краю; который славится прекрасной погодой. Однако солнечные дни не радовали нас, поскольку в то время превосходство авиации противника в воздухе было еще довольно ощутимым.

В растворяющемся от золотистых лучей солнца тумане грохотали наши орудия. Мы работали не покладая рук. Из стволов летели смертоносные снаряды, чтобы проложить дорогу нашей наступающей пехоте и обеспечить нам отход на более удобные, замаскированные позиций.

Орудийная прислуга — вся в поту, как после жаркой бани. От снарядов немеют руки.

— Огонь, ребята! Огонь!.. Скорее!

Командир нашего расчета, повторяя команды офицера-корректировщика, то и дело поглядывал на небо. Не увидев ничего на голубом небосводе, сержант Сорокин улыбался нам.

Каждую минуту задирал голову вверх и младший лейтенант Шавтанадзе.

Мы с Ваней Гришиным тащили от прицепа очередной ящик со снарядами, когда раздался зычный голос Шавтанадзе:

— Воздух!.. Маскировать орудия!..

Ветки были заранее приготовлены. Мы быстро накрыли ими пушку.

— В укрытие! — звучали резкие команды командиров расчетов.

Орудийная прислуга быстро спряталась. Мы с парторгом Наумовым и наводчиком Колей Усиченко залегли поблизости в глубокой воронке. Прижались к ее краям, на которых тускло поблескивали осколки. Это были следы проходившего здесь недавно боя…

Воздух дрожал от грохота. Я напряженно смотрел на ясное небо и блестевшие на солнце силуэты вражеских самолетов. Они летели довольно низко, и черные кресты на их крыльях были отчетливо видны.

Самолеты пролетели мимо. Я чувствовал, как медленно разжимаются крепко стиснутые пальцы рук. «Повезло!» — подумал я.

— Пролетели! Не увидели орудий! — раздавались радостные возгласы.

Но наша радость оказалась преждевременной. Развернувшись, самолеты снова появились над нами. Это были бомбардировщики «Юнкерс-87» с воющими бомбами. В действительности этот пронзительный звук издавали во время пикирования подвешенные под крыльями устройства.

Для нас это не было открытием. Мы уже не первый раз слышали этот вой, рассчитанный на психологический эффект. «Юнкерсы» подлетали все ближе и вдруг начали падать вниз. И только у самой земли они резко взмывали вверх. Послышался вой падающих бомб. Вот взорвалась первая из них, вторая… В воздухе застонало, загрохотало. Я почувствовал, как земля заходила у меня под ногами. От рева самолетов и свиста бомб до боли резало в ушах. Казалось, что бомбы летят прямо на меня, что через минуту произойдет ужасное… Мои мысли и движения парализовал страх. Потными дрожащими руками я все крепче обнимал влажную землю, ища в ней спасение.

— Нащупали!.. Пропадут орудия!.. — хрипло заметил парторг Наумов.

Новый взрыв бомбы осыпал нас землей.

— Следующая наверняка накроет нас, — услышал я голос Коли.

— Не каркай! — обрезал наводчика Наумов.

Я молчал, чувствуя, как соленый пот лезет в рот, стекает но лбу и щекам. Заткнул уши руками — никакого эффекта: я все равно слышал каждый взрыв.

И вдруг наступила необычная тишина. Я поднял голову. Сверху еще доносился гул моторов, а на земле раздавались стоны. Я удивленно осмотрелся. Значит, жив! Последний из «юнкерсов» свечой поднимался вверх.

— К орудиям!.. — Хриплый голос командира батареи поднял нас на ноги. С грохотом подъезжали тракторы.

— Орудия, отбой! — прозвучала команда. Обычно она означала преследование отступающего врага. Однако в то время команда «Отбой», к сожалению, не радовала нас, а от каждой минуты промедления зависела судьба батареи, жизнь или смерть каждого из нас.

Так было и на этот раз.

— Скорей, прицепляй орудие! — подгонял нас командир расчета. Однако пронзительный вой самолетов снова разрезал

воздух. Взрывы бомб опять подняли вверх фонтаны земли. Со стоном и свистом летели горячие осколки. Я почувствовал, как взрывная волна бросила меня на землю. Удушливый смрад закупорил легкие. Искры посыпались из глаз…

На спину обрушились комья сухой земли.

— Прицепляй орудие!.. Скорее! — будто бы сквозь вату в ушах донеслась до меня команда. Я инстинктивно вскочил, чувствуя, как ноги подкашиваются, становятся какими-то вялыми, ватными…

Скрежеща, подъезжали тягачи.

Как прицепляли орудия? Как спасали их во время бомбежки, от которой дрожала земля и лопались барабанные перепонки в ушах? На эти вопросы я не могу ответить, хотя и пережил все это сам. Бывают минуты, которые кажутся вечностью. В эти минуты, когда решаются судьбы людей, если испугаешься смерти — победит враг и ты погибнешь, если не испугаешься — будешь жить и победишь врага. Наш командир лейтенант Сапёрский был особенно строг по отношению к тем, кто чересчур боялся каждой пули, каждой бомбы. Сколько раз впоследствии я имел возможность убедиться, что эта строгость командира, продиктованная заботой о нашей жизни, о существовании батареи, была необходимой и обоснованной. Так было и на этот раз.

Как мы прицепили орудия к тягачам, когда на батарею пикировали вражеские самолеты? Точно не помню. Во всяком случае, это продолжалось недолго. Действия артиллеристов измеряются секундами. Мы работали как один слаженный механизм. Когда рядом разрывалась бомба, никто не думал о том, что его ждет. Каждый понимал, что это грозит гибелью для нашей батареи, для всех, кто остался жив. Среди дымящихся воронок, по пропитанной порохом земле, мимо развалин станицы ехали наши тракторы. Мы покидали позиции, оставаясь на которых наша батарея была бы обречена на верную гибель. В боевые порядки «юнкерсов» вклинились два краснозвездных истребителя. Это была долгожданная помощь…

Спустя некоторое время снова обрушились на врага снаряды из спасенных нами трех орудий. Первый расчет остался на старых позициях… Одна из бомб разорвалась как раз между станинами этой пушки. Там остался и один из артиллеристов нашего расчета — подносчик снарядов Ваня Гришин.

Над братской могилой с тех пор шумит ветер. Я уже забыл фамилии многих артиллеристов первого расчета. Помню только, что командиром был сержант Григорий Павленко, родом из-под Сталинграда. Он тоже погиб от осколка бомбы… В памяти не

сохранилось названия той разрушенной станицы, так же как и многих других, которые мы вынуждены были тогда оставлять, отступая с боями. Таяли наши ряды, и вырастали новые холмики могил среди кубанских степей, ставропольских полей и в сожженных станицах.

Огромный солнечный диск медленно опускался за далекий западный горизонт. Вечер бросал на землю фиолетовые тени.

Командир батареи приказал остановиться. Впереди забитая войсками дорога. Она взбегала на высоту и исчезала где-то в долине, среди степей. По бокам топь — вязкие болота, которые блестели в лучах заходящего солнца.

Недалеко за высотой шел бой. Мы ждали дальнейших приказов. Наши тракторы стояли с невыключенными моторами.

Сидя на прицепе, я наблюдал за высотой, на которой рвались снаряды врага, и видел, как поднимались вверх фонтаны земли.

Мы ждали. Когда же наконец раздастся команда «Вперед»?! Я чувствовал, что начинаю нервничать. Посмотрел на лица товарищей и понял, что им тоже надоело ждать.

За высотой шел бой. Фашисты атаковали наших. Дорога по-прежнему непрерывно обстреливалась. По обочинам дороги, словно живая движущаяся изгородь, шли две сомкнутые шеренги. На подходе к высоте и на самой возвышенности они редели после каждого взрыва. Это наша пехота. Бесконечная человеческая лента медленно взбиралась на высоту, которую вспахивали снаряды вражеской артиллерии.

Командир батареи разрешил сойти с прицепов. Мы быстро спрыгнули на землю и собрались возле своих орудий.

— Перебьют нас, паразиты! — сказал Грицко Панасюк и достал свой неизменный кисет с махоркой. Мы вынули из карманов клочки газет.

— Не пугай! Всех не перебьют! Россия большая, — успокоил его сержант Сорокин. Я видел, как дрожали его руки, когда он скручивал козью ножку. Кстати, мои тоже дрожали.

— Жаль мне мою старуху, — снова заговорил Грицко. — Бабе одной тоскливо среди баб. Никто не утешит, никто не похлопает по спине.

— Не жалей раньше времени! Еще не один горшок успеет разбить о твою башку, когда вернешься, — вставил Мухамед Исмаилов.

— Как же не жалеть, если она хорошая? — защищался Грицко.

— У нас в горах говорят: день хвали вечером, а бабу, когда умрет, — снова засмеялся Мухамед. — Будешь хвалить свою

старуху, когда вернешься домой…

— Интересно, кому из нас удастся вернуться из этого пекла? — включился в разговор наш новый водитель Яша Кочубей. Это был спокойный, небольшого роста мужчина тридцати с лишним лет, бывший комбайнер совхоза, на полях которого в начале августа погиб Миша Малынин. Явившись добровольцем в батарею, он с тех пор водил «Сталинца» нашего расчета.

— А мне возвращаться уже некуда: ни семьи, ни дома — одни развалины. Только речка одна осталась, — сокрушенно вздохнул здоровый загорелый артиллерист и отошел в сторону.

— Лучше давай поговорим о девчатах, это куда более приятная тема, — предложил Мухамед.

— Ребята, идите сюда! Давайте споем! — прервал наш разговор парторг батареи Наумов. Мы окружили его, и он затянул басом. Мы подпевали. Вскоре к нам присоединились и офицеры.

Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой!

Мы пели, стоя возле наших тракторов, а песня неслась над широкой степью и исчезала, заглушаемая взрывами снарядов. Мимо нас шли усталые пехотинцы.

— По машинам! — раздалась команда командира батареи.

Взревели моторы. Я с прицепа видел, как где-то впереди нас тронулись стоявшие до сих пор автомашины и тягачи и, словно змеи, поползли вверх по извилистой' дороге. Вот вперед выскочили четыре грузовика с солдатами. Они подъехали к подножию^ высоты; стали взбираться на нее и медленно исчезали из поля зрения: первый, второй* третий… Но четвертый не успел. Его накрыло огнем. Я хорошо видел, как вверх и по сторонам полетели обломки досок прицепа. Разбитая машина задымила. И снова взрывы снарядов, вспышки огня, серые облака дыма.

Следующие автомашины ненадолго остановились перед высотой. Дорогу расчистили, убрали трупы. Снаряды падали теперь в болотистую топь. Грузовики двинулись в гору, за ними бежали солдаты. И снова взрыв…

— Эх, черт! — выругался Грицко. — Угодил прямо под машину!

А грузовик вдруг резко свернул в сторону, съехал вниз и перевернулся… Дымящиеся черные обломки, труппы людей…

«Эх, дорожка фронтовая!..»

«Черт возьми, неужели здесь, среди этих болот, вдали от родины, и меня ждет такая же судьба?» — задал я себе мысленно вопрос, чувствуя, как больно сжимается мое сердце. Каждый был занят своими собственными мыслями. Не знаю, задумывался ли кто-нибудь из нас над тем, что мы сидим на ящиках со снарядами.

— Машины вперед! — послышались резкие команды командиров расчетов. Наконец-то! Ведь самое худшее для солдата — это неопределенность ожидания.

Черная пелена дыма от разрывов снарядов снова закрыла от нас высоту. Сразу потемнело.

«Эх, дорожка!..» — опять вспомнились мне слова припева фронтовой песня.

Где-то впереди шел бой. Возможно, там, за высотой, ждали нашей помощи. Позади нас колонна автомашин, тягачей, людей. Мы снова двинулись. Я смотрел по сторонам, видел тела убитых. Солдаты расчищали дорогу. Сейчас не было времени на скорбь по погибшим.

Итак, я стал очевидцем трагической солдатской судьбы, выпавшей на долю моих товарищей на этой фронтовой дороге. Не знаю, предчувствовали ли они, что их ждет такой конец. А ведь каждый из них хотел жить, умел когда-то работать и отдыхать, хотел и дальше наслаждаться жизнью, с которой ему пришлось распрощаться, увидев в последний раз огненные вспышки взрывов…

— Скорей, скорей! — кричал на водителя командир нашего расчета. Яша нажимал на газ. Он знал, что от него зависела теперь жизнь всех нас. «Сталинец» набирал скорость, но нам всем казалось, что он ползет как улитка, что мы чуть ли не стоим на месте.

— Ложись! — скомандовал сержант Сорокин.

Мы бросились на ящики. Белые доски пахли смолой и порохом. Мы прижались к ним, крепко обхватили руками. Если бы в них попал хотя бы один осколок!.. При одной мысли об этом меня пробрала дрожь. Каждый из нас предпочел бы, чтобы осколок попал в него, а не в ящик, ибо иначе на воздух взлетели бы мы все. Я приподнял голову и увидел, как от взрывов снарядов вздымается поверхность болота.

Наконец мы достигли подножия высоты. Наш «Сталинец» медленно взбирался по ее пологому скату, а затем осторожно спустился вниз. Здесь тоже выли снаряды, однако они пролетали уже над нашими головами и разрывались где-то позади.

А впереди виднелась какая-то станица, горели дома. Там наши части встретили противника, появившегося неизвестно

откуда, чтобы отрезать нам дорогу к горам.

И вот долина. Итак, мы добрались благополучно. Никого из нас даже не ранило. Некоторые артиллеристы из других расчетов получили легкие царапины. Только борта прицепов были все в полосах, словно кто-то провел по ним тупым ножом, а ствол нашего орудия в нескольких местах, где отлетела краска, поблескивал благородной сталью.

Мы смотрели друг на друга. Все были бледны. Я чувствовал, что у меня все еще дрожат губы.

Из кустарника выскочили на дорогу два офицера-пехотинца. Тягачи остановились. Командир нашей батареи и офицеры развернули карту, обменялись какими-то репликами, наметили цели, которые предстояло поразить.

На землю опустились вечерние сумерки. Отчетливее стали видны следы трассирующих снарядов, перекрещивавшиеся в воздухе над горящей станицей.

— Батарея, к бою! — раздалась команда старшего офицера батареи. Мы спрыгнули на землю. Стволы 76-миллиметровых пушек плавно поднялись вверх, уставившись своими черными жерлами на видневшуюся вдали станицу.

— Готово! — услышал я голос командира нашего расчета.

Мы готовы к бою, — значит, мы живы! Смерть на этот раз пощадила нас. Возможно, потому, что она была слишком близко, в этих вот ящиках со снарядами.

С тех пор прошло уже много лет, а я все еще не могу в это поверить. А ведь все было тогда именно так, причем такое случалось не один раз и не только там.

МАЯК АККЕРМАНА

Темная ночь. Завывает ветер, срывая с деревьев остатки листьев и унося их на север, на склоны недалеких уже Кавказских гор.

Воет ветер. Хальняк[21], как на свой манер называют его наши польские гурали[22]. Хлещет резкий дождь. Земля, истосковавшаяся по дождю, как мы по отдыху, питается водой — всюду стоят лужи. Последние два месяца землю терзало солнце, нас, солдат, — горечь отступления.

И вот уже кавказские предгорья. Вот куда забросила нас солдатская судьба!

Через небольшое окошко стараюсь заглянуть в глубь этой осенней ночи. На небе висят черные тучи, а вокруг — непроглядная темень. Ветки невысокой березки монотонно стучат в окно.

Слабый свет керосиновой лампы освещает только часть низкой каморки. В ее душном воздухе слышно сонное похрапывание. Это, прикрывшись плащ-палатками, на глиняном полу, застланном соломой, спит расчет батареи. У ног спящих стоят кирзовые сапоги. Сушатся пропитанные дождем и потом портянки и белье. Из-под плащ-палаток торчат приклады карабинов. Расчет отдыхает. Сегодня нам позволено спать без сапог. До сих пор такое случалось нечасто.

Снова приподнимаю ветхий платок, заменяющий занавеску. Небо за окном по-прежнему затянуто черными тяжелыми тучами. Льет дождь. Дует ветер.

Наш расчет расквартировался здесь вчера вечером. Командир батареи распорядился об отдыхе.

За нами снова остались несколько километров нашей земли и артиллерийская дуэль с противником. Нам удалось также накрыть огнем автоколонну гитлеровцев. Потом нас хлестал колючий дождь вперемешку с ураганным северным ветром. По ухабам и рытвинам, наполненным водой и грязью, мы наконец добрались сюда, в эту затерявшуюся в предгорьях деревушку. Нам было вполне достаточно этих нескольких изб. В колхозном сарае нашлась свежая солома для постели. А потом Ваня Малашкевич налил всем по миске горячего супа с соленой грудинкой и роздал по куску черного хлеба… Чего еще нужно солдату? А после такого ужина — отдых.

Нет, не было ни песен у огонька, ни веселых солдатских бесед с девушками на завалинках… Как редки были в те дни эти вечерние задушевные разговоры с непременными старыми

солдатскими прибаутками! Не восторгались мы также красотой кубанской земли. Равнодушным взглядом смотрели солдаты на широкую кубанскую степь, которая летом шумела морем золотой пшеницы и по которой зимой неслись горячие скакуны, и серебряные бубенчики вторили казацким песням.

Но вот уже два последних месяца все это было в прошлом. Отходя по этим дорогам и степям, мы представляли, как среди станиц и хуторов мчались в годы гражданской войны тачанки красных пехотных дивизий, скакали кавалерийские полки армии Буденного. Здешние места слышали плач матерей, жен и стоны замученных. А потом в течение двадцати лет здесь бурлила жизнь, нелегкая, но каждый — в станицах и городах — верил, что она будет краше и радостнее.

И вот война пришла и сюда.

Гитлеровцам было нужно «жизненное пространство», им не хватало невольников из стран закабаленной уже Европы…

Да, улыбка в те дни редко появлялась на наших потрескавшихся губах. Да и могло ли быть иначе?

Ужин, ставший одновременно и обедом, был довольно вкусный.!В тепле нагретой избы приятно клонило ко сну. Сколько же минуло бессонных ночей! А теперь можно спать, если есть на это приказ и убаюкивает шум ветра за окном.

Ко мне это, однако, не относилось: меня ожидало дежурство в течение двух часов, а потом нужно было будить Грицко. На улице в эту ночь выставлял посты другой расчет.

Так и сидел я у плотно занавешенного окна.

Но не один я не спал в этой комнатушке.

В углу избы на лежанке сидела женщина. Лицо у нее было еще довольно молодое, но из-под черного платка выбивались пряди седых волос. Ее губы неустанно шевелились. Может быть, она шептала молитву?

— Господи! Ребятушки, неужто это правда? Даже сюда немец пришел… Как же вы могли?.. — этими словами она встретила нас на пороге своего дома.

И все. Ничего больше не добавила, ни о чем нас не спрашивала. Принесла крынку кислого молока, положила на круглый стол, стоявший в переднем углу, черствые лепешки. Здесь, под иконой, висела в небольшой рамке фотография мужчины в мундире лейтенанта Красной Армии, молодого и симпатичного. Он улыбался белыми ровными зубами, кудрявая шевелюра шла ему. Под снимком виднелась надпись: «Дорогой мамаше — Ленька».

Фотографию обвивала черная траурная лента…

— Ну вот. Такие дела, ребята, — прошептал сержант Миша

Сорокин. — Приди мы пораньше, может быть…

Молоко выпили молча. В молчании легли отдыхать. Только сержант Сорокин отправился к командиру батареи.

Лампа коптила на столе. Я подсел к столу, вытянул из мокрого еще вещевого мешка кипу слежавшихся газет, сложенных вчетверо. Развернул, и в моих руках появилась небольшая книжечка в твердом сером переплете. И сразу ощутил тепло в ладони. Или, может, так только казалось? Что касается некоторой влаги на ресницах, сомнений не было.

Прыгают в глазах мелкие буквы: «Адам Мицкевич. Поэзия». При слабом свете коптилки читаю слова на родном языке.

Сколько раз, когда меня охватывала грусть по дорогим моему сердцу людям, по родному краю, доставал я эту маленькую книжечку, чтобы ее крохотными буквами успокоить тоску, охватившую меня. И всегда эти стихи наполняли надеждой. И так было уже многие месяцы. Томик стихов путешествовал со мной среди бещадских холмов в сентябре 1939 года. Тогда он лежал в кармане солдатского мундира и был для меня как бы щитом, охраняющим от сомнений и отчаяния. Вскоре эта книжечка приехала вместе со мной в страну нефти — Азербайджан, на берега Каспийского моря, усеянные рядами нефтяных вышек. Отсюда вместе с ней я начал свое второе скитание по фронтовым дорогам. Как редко, однако, удавалось услаждать душу красотой стихов, полных тоски по далекой отчизне, куда поэту не было обратной дороги.

> Темнеет. Впереди — ни шляха, ни кургана;
> Жду путеводных звезд, гляжу на небосвод;
> Вон блещет облако, а в нем звезда встает:
> То за стальным Днестром маяк у Аккермана[23].

Чувствую, как спазма сжимает горло, а глаза все более застилаются влагой. Переворачиваю несколько страниц, вытираю платком глаза.

«Крымские сонеты»… Мне близки, понятны переживания поэта. Как далеко отсюда до края его молодости и юношеских порывов, рождения его большой любви!..

Отрываю взгляд от страницы. Прижимаю к груди твердый переплет.

И мне уже была тогда знакома эта острая тоска. В юношеском сердце также носил я и тени пережитых несчастий, и боль трагических воспоминаний. Все это я вынес из далекой отсюда страны, по которой так сильно теперь тосковал, в которую мне пока не было обратного пути.

Отчий край, родной дом.

Дом с небольшим крылечком стоял среди высоких ясеней, на холме. Две комнатки, сени, глиняные побеленные стены, крытая соломой крыша… Вокруг поля, пересеченные узкими межами, неподалеку деревня и темный бор, принадлежавший графу Яблоновскому.

За этим бором был уже конец тогдашней Польши «Б»[24]. Там за тонкой лентой реки Збруч советские солдаты устанавливали пограничные столбы с красными звездами.

К хатке и стоящему рядом хлеву прилегало четырнадцать моргов земли.

«Пятый хозяин в деревне, — так по деревенской иерархии определяли размер хозяйства моего отца, нажитого восьмилетним каторжным трудом на шахтах Канады. — А ведь до этого был ничем у графа Яблоновского».

«Пятый хозяин в деревне — такой надел, пара коней, две пары коровьих рогов!..» — завидовали нам.

«Раньше-то был безземельщина, как и дед его, и отец…»

Довольно рано я понял, что такая невеселая перспектива ожидала и нас, десятерых детей «пятого в деревне хозяина». Да и какой же еще участи следовало нам ожидать, если даже по полтора морга на душу не досталось бы при разделе отцовской земли. А перспективы для внуков «пятого»?.. У графа много не заработаешь. Что же оставалось говорить о других, еще более бедных дворах? Что ожидало детей из четырехсот с небольшим хат этой деревни, из которых мало кто мог пойти зубрить по букварю польский или украинский в местной шестилетней школе?

Да, немалая это была деревня, но намного больше была нужда, которая ее окружала. Серые развалившиеся хибарки теснились одна возле другой вдоль шоссе, по берегам узкой речушки Гнилы. Дома соприкасались истлевшей соломой крыш. А там, за рощицей, взметнулись вверх стройные башенки панского дворца, укрытого в тени раскидистых деревьев. Ниже, у подножия холма, над затхлым прудом, расположились помещения для службы, конюшни и амбары, а еще дальше расстилались широкие полосы чернозема, на которые испокон веков с завистью глядели голодные крестьянские глаза, где за жалких семьдесят грошей или десятый сноп зерна гнулись натруженные спины и немели руки… Эти широкие панские полосы годами пропитывались нашим крестьянским потом. Каждый клочок земли, полученный мужиком, доставался ему ценою тяжкого труда в темных пастях шахт Канады или Северной Америки. А может, податься в город, в

гимназию, в университет? За наукой, за тем сокровищем, которое и «в огне не горит, и в воде не тонет». Увы, несколько классов начальной школы — вот все «образование», уготованное для таких, как я, детей крестьян и рабочих той, панской Речи Посполитой. Учеба, высшее образование — все это оставалось для нас несбыточными мечтами. На это нужны были деньги, а откуда их взять? Заплатишь подати и налоги государству, запасешься кое-какой одежкой, глядь — и почти ничего не осталось…

Для многих моих школьных товарищей сухая картошка, ячменный горький кофе — сахар тогда в деревне считался редкостью, — вот и все ежедневное незамысловатое меню. Сегодня трудно представить, что прежде спичку там расщепляли на четыре части. Белый хлеб на крестьянских столах появлялся на пасху и рождество.

Для таких, как я, тогдашняя польская земля была мачехой, родной край — отчимом.

Немало слез пролила мать, когда я уходил из деревни, чтобы в той панской отчизне искать своей лучшей доли.

— Зато младшим легче будет, — шептала дорогая моя старушка.

В неизвестное, туманное завтра отправился с краюхой хлеба и куском сала в мешке шестнадцатилетний парнишка.

Тогдашние военизированные молодежные трудовые отряды были нелегкой жизненной школой, но не для нас, бедных и отверженных. Нам это было не в диковину. Каждый терпеливо сносил и работу, казалось бы непосильную, и унижения. Не раз и не два приходилось ползти в грязи с матрацем на спине и с котелком в зубах… Не раз и не два впивался ремень винтовки в спину, а ноги немели от форсированных маршей. Иногда просто не хотелось больше жить. Однако я, как и другие, держался, надеясь, что когда-нибудь все будет иначе. Да и куда идти таким, как я?

Через год тех, кто поздоровее и у кого было по шесть-семь классов образования, направили в 21-ю учебно-промышленную роту. Нашему взору открылись трубы Сталёвой Воли и других заводов так называемого Центрального промышленного округа.

И снова юношеские тщетные мечтания… И снова изнурительный труд в фабричных цехах и складах стальных плит, прутьев, железных труб. Несколько часов в неделю отводилось на теоретические занятия. Да и этого слишком много, говорили нам.

В середине августа нам раздали боеприпасы, сухой паек и — шагом марш; направление — юг. Там, у подножия Бещадских гор, нас застал сентябрь 1939 года и… 14-я армия генерал-полковника Листа.

Так началась моя военная «романтика».

Увидел я тогда, как среди полей, у деревенских плетней, на холмах и в лесах погибали в бессильном отчаянии наши солдаты. Видел взбешенных от страха уланских коней, дышал дымом горящих хат. Никого не восхищали тогда серебряные паутинки бабьего лета, не очаровывали прекрасные дни ранней осени, когда гитлеровские тапки подминали мелкие окопы, в которых человеческие тела смешивались с землей и крошащимися камнями, а моторы тяжелых машин заглушали предсмертные стоны моих товарищей по оружию.

Немногих из нас спас близкий лес и окрашенные кровью воды Сапа. Отчаявшиеся, шли мы на восток. Через несколько дней пути я возвратился в родные места. По-прежнему шумел извилистый Збруч, только пограничных столбов уже не было на той и другой стороне реки. В села и города на Западном Буге вступили части Красной Армии. Приближалось время торжества справедливости.

Лампа коптила. Я подкрутил фитиль. В его слабом свете взгляд упал на стихотворение:

> В лохмотьях паруса, рев бури, свист и мгла…
> Руль сломан, мачты треск, зловещий хрип насосов.
> Вот вырвало канат последний у матросов.
> Закат в крови померк, надежда умерла[25].

Меня охватывают тревожные мысли: неужели и впрямь мы держимся только остатками надежд? Двадцать два месяца спустя перед глазами снова встала кошмарная картина: железная лавина под прикрытием самолетов с черными крестами на крыльях движется дальше и дальше, оставляя за собой рыже-черные кирпичи разрушенных зданий, дымную гарь над полями и лесами…

Будет ли этому конец? Однако тут же в измученной голове возникают другие мысли. «Товарищи солдаты, ведь победа в наших руках, в нашем оружии. Придет, наверняка придет тот долгожданный час, когда красные знамена будут развеваться не только над советской землей», — вспомнились мне слова командира, сказанные несколько дней назад. Как же мы мечтали тогда, чтобы вернулись мирные дни, чтобы зазвенели детские голоса в стенах школ, а в руках снова зашелестели тетрадки, учебники…

Стук в окно прервал мои мысли и столь далекие еще от осуществления мечты. Спрятав книжку в карман, выхожу в ночную темень улицы. Ветер холодит вспотевший лоб, дождь

смачивает волосы. Почти инстинктивно крепче сжимаю твердый ствол автомата.

Перед домом часовой. Стоит, всматриваясь в ночной мрак. Над окном, прижимаясь к стене хаты, по-прежнему дрожат веточки хилой березки. Ветер постепенно успокаивался, а теплый дождь продолжал моросить. Неподалеку, в огородах, слышен непрерывный собачий лай.

Где-то на северной стороне, осветив половину неба, вспыхнули ракеты. Слышится гул далеких выстрелов, а спустя мгновение темноту прорезают огненные вспышки.

Война и этой ночью дает о себе знать.

> Шторм! Шторм! Корабль трещит. Он бешеным рывком
> Метнулся, прянул вверх, сквозь пенный шквал прорвался,
> Расшиб валы, нырнул, на крутизну взобрался,
> За крылья ловит вихрь, таранит тучи лбом[26].

В течение многих, очень многих еще месяцев у меня из головы не выходили эти строчки. Они стали не только моей поддержкой. В свободное время я делился ими с моими товарищами по оружию, вместе с которыми шагал по фронтовым дорогам, ведущим нас к единой цели.

В ГОРАХ

Мы двигаемся все дальше на юг, подбираемся все ближе к горам. После ожесточенных оборонительных боев мы вынуждены были оставить старые плацдармы.

За спиной остались ровные долины и покатые предгорные возвышенности. Прямо перед нами четко вырисовывались остроконечные контуры Кавказских гор, упирающихся своими вершинами прямо в небо. Где-то сзади казацкие хутора и станицы. Дым, смешавшись с осенним ветром, уплывал на север, в глубокие горные ущелья.

На склонах гор, в предгорьях и долинах — всюду были войска. Гремели далекие и близкие выстрелы, рвались артиллерийские снаряды и мины. Земля глухо гудела.

Птицы, напуганные шумом и грохотом, кружили стаями, покидали свои гнезда, улетая на юг, в глубь лесов и гор.

Батарея стояла среди деревьев, спрятанная от вражеских самолетов. Можно было вздохнуть с облегчением. Влажный холодный воздух освежил уставшие легкие, вспотевшие лица. Широкие листья папоротника, уже тронутые желтизной осени, образовали мягкую постель, как бы специально приготовленную для уставших солдат.

Но для отдыха не было времени. Из рассказа политрука батареи следовало, что, хотя в августовских и сентябрьских операциях в районе Северного Кавказа немецкому командованию не удалось добиться своих целей, оно все же не отказалось от своих первоначальных планов. Немцы, не решаясь ударить одновременно в нескольких направлениях из-за боязни растянуть фронт, пытались в октябре — ноябре создать прорыв в нашей обороне где-то на одном участке и проникнуть в Закавказье.

Вот, кратко, несколько примеров, раскрывающих обстановку на том участке фронта, где действовала и наша батарея.

«К 7 октября после ожесточенных боев, сопровождавшихся контратаками частей 18-й и 56-й армий, наступление врага было остановлено.

Войска Черноморской группы в этих боях сражались исключительно стойко. Особенно отличились 395-я и 32-я гвардейская стрелковые дивизии. Героически сдерживая натиск крупных сил немцев, они в течение 10 суток отбивали ежедневно по пять-шесть атак»[27].

В результате оборонительных боев мы оказались в горах и лесах Северного Кавказа. Мог ли я когда-либо предположить, что побываю здесь при таких обстоятельствах… Теперь моим глазам

открывался вид на синюю вершину Дых-Тау высотой 5203 метра, а еще дальше виднелся вечно обледенелый пик Казбека. И где-то далеко-далеко перед нами был Эльбрус — высочайшая (5633 метра) вершина Кавказа. Казалось, что эта гора касается неба, ее вершина всегда покрыта снегом.

Перед нами были только горы и горы…

Это горы-гиганты с типично альпийским рельефом: острые грани, круто срезанные склоны, остроконечные вершины, подпирающие голубую синь неба. Когда-то у себя на родине мне тоже приходилось видеть горы, и немалые, как тогда казалось. Но ни в какое сравнение не могли идти с этим пейзажем наши бещадские лесные массивы, пологие возвышенности, широкие долины и зеленые горные луга. Где там до кавказских вершин нашему Высокому Гроню, Рыпему Верху или даже самой высокой карпатской горе — Гевонту. Среди кавказских поднебесных пиков и бесконечных лесных пущ чувствуешь себя затерянным. Здесь каждое слово, произнесенное громче обычного, повторяется тысячекратный эхо, разбивающимся о гранитные углы скал, чтобы, вернувшись, оттолкнуться от другой преграды и возвратиться вновь, перекатываясь еще очень долго и постепенно затихая.

Кто из нас, солдат, был тогда в состоянии полностью прочувствовать всю эту красоту?

Наши легкие были наполнены пылью сотен километров пройденных дорог, воспаленные глаза говорили о многих бессонных ночах, а сердце каждого горело ненавистью к врагу и жаждой отмщения.

В течение последних суток отдыхать нам не пришлось: огнем своих орудий мы поддерживали оборонявшуюся пехоту, а затем прикрывали ее во время отхода на новые рубежи. Многие из наших солдат навсегда нашли покой на этих горных склонах, на перевалах, в ущельях. К счастью, все больше и вражеской солдатни навсегда выключалось из боев за Кавказ. Но враг был еще силен, его натиск не ослабевал, хотя цена, которую ему приходилось платить за это, с каждым днем возрастала.

«И все же, несмотря на то что за период своего наступления на Северном Кавказе гитлеровцы потеряли убитыми и ранеными около 50 тыс. человек, большое количество самолетов, танков, артиллерии, к концу сентября 1942 г. они имели на этом направлении немалые силы. К 1 октября перед Закавказским фронтом находилось 26 дивизий противника. Немецко-фашистское командование не желало отказываться от своих авантюристических планов по захвату Кавказа»[28].

Эхо сражений прокатывалось теперь уже по горам.

Мы поднимались все выше и выше по горным тропкам, вьющимся над крутыми обрывами, с которых падали с грохотом потоки. По утрам, когда ветер срывал молочную пелену тумана, глазам открывались черные, глубокие пропасти… А там, еще выше и дальше, попадались прилепившиеся к скалам, как птичьи гнезда, каменные аулы.

Вместе с другими наша батарея держала путь в горы, навстречу солнцу. Мы шли, уставшие и голодные, но можно было слышать такой разговор:

— Не горюйте, ребята… Придет время, и с этих горок как долбанем по фашистам и погоним их… С горы-то оно способней…

— Да, это, наверное, конец отступления, дальше дороги нет. За горами — море…

— Поломает зубы фашистская гадина на этой горной земле. Дальше уже их не пустим… Только не терять веры в победу, а она будет наша! — подбадривал нас парторг Наумов. Он шагал без фуражки, и пот стекал с его высокого загорелого лба.

— Батарея, стой! — скомандовал командир. Он решил сделать короткий привал. Все сразу садятся на камни, благо недостатка в них нет, на покрытые мхом пни столетних деревьев. Извлекаются последние, скудные запасы махорки. Курильщики затягиваются глубоко, с наслаждением.

Подошли лейтенант Сапёрский с политруком, тоже сели. Мухамед Исмаилов угостил их самосадом. Они не отказались и, скрутив длиннющие козьи ножки, так же, как и все, с удовольствием затянулись. Я набрался смелости и подсел к ним.

— Вот ведь как бывает в жизни. Никогда бы не думал, что судьба забросит меня на самый Кавказ… Сюда, где был и такие стихи сочинял сам Лермонтов, — попытался я завязать разговор.

Командир батареи охотно заговорил:

— А здесь не только Лермонтов бывал. Кавказские горы видели многих выдающихся людей. Неподалеку отсюда ночевал однажды Грибоедов. Да, кстати, ведь и Пушкин именно здесь написал свои строки:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною…

Командир мастерски продекламировал. Раздались аплодисменты. Я и не заметил, как вокруг нас собралась большая группа слушателей. Усталые лица посветлели.

— А ты, Станислав, читал Лермонтова? — обратился ко мне командир батареи.

— Да, товарищ лейтенант, но уже здесь, в Советском Союзе, — ответил я. — А драму «Маскарад» знаю почти на память… Не один сеанс в кино просидел с девушкой, когда работал в Баку…

— Понятное дело, в такой компании даже драмы и трагедии веселее смотрятся, — пошутил кто-то. Бойцы засмеялись, настроение у всех явно поднялось.

— Михаил Лермонтов, — оживленно продолжал командир. — Так ведь, товарищи, мы на самом деле находимся недалеко от исторических мест. Где-то здесь размещался Нижегородский драгунский полк, в который в 1837 году был в первый раз сослан Лермонтов. И он как офицер участвовал в военной кампании на Кавказе. А вот там, — лейтенант показал рукой налево, в сторону далеких вершин, — у подножия горы Машук, под Пятигорском, 27 июля 1841 года он погиб… А был он наряду с Пушкиным самым большим поэтом нашего народа. И прожил-то всего почти двадцать семь лет, но вот успел оставить после себя прекрасное наследство для всего человечества. Был большим патриотом, за что ненавидели его и травили царские прихлебатели. Так же, впрочем, как преследовали Пушкина… А знаете, товарищи, — командир воодушевился, все слушали его с огромным вниманием, — а знаете, что, выезжая сюда в третью уже по счету ссылку, Лермонтов расставался с Петербургом с легким сердцем, надеясь, что здесь наконец станет свободен от «голубых мундиров» и «света завистливого и душного». Вот как он писал об этом:

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Мы сидели не шелохнувшись.

— Однако даже здесь, в этих горах, поэт представлял собой серьезную угрозу для тогдашних высоких сфер, для правителей России. И гибель поэта, в расцвете его таланта, трагическая для всего русского народа, наступила если не по прямому приказу свыше, то уж наверняка с одобрения. А знаете ли вы, товарищи, его стихи о Кавказе?

— Товарищ командир, прочтите! Охотно послушаем, — раздались со всех сторон голоса.

— Ну так послушайте, стихи и сегодня актуальны:

Кавказ! далекая страна!

Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..

Снова взрыв аплодисментов. Командир читал еще и еще. Я сидел, внимательно слушая стихи поэта, который ненавидел и клеймил позором виновников тогдашних зол, открывал своему поколению правду…

Я заметил, что все до одного поглощены этим рассказом о поэзии Лермонтова.

Увы, время не стоит на месте. Командир батареи посмотрел на часы, кивнул офицерам. Все поняли его без слов. В путь…

А вокруг нас — лес, аромат трав и терпкий запах гниющей хвои. С каждым поворотом картина меняется. Все громче шумят горные потоки, попадающиеся на пути, воздух становится прохладнее и как будто бы легче. Прямо перед нами вырастают все новые склоны, покрытые лесами, а если посмотреть выше — всюду острые, голубовато-фиолетовые вершины гор, в складках которых сверкает алмазный снег. А еще выше — ослепляющая белизна снежных пиков и безоблачная синь неба. Вид, что и говорить, чудесный.

Наш подносчик снарядов, кабардинец Мухамед Исмаилов, показывает рукой на Эльбрус, который царствует над всеми горами:

— Видите, вон там, высоко, черная точка на Эльбрусе? Это «Приют одиннадцати» — последняя постоянная база на пути к вершине, где покорители гор набираются сил перед решающим восхождением. До войны я туда водил туристов…

Итак, мы находились в районе Эльбруса — земли обетованной горнолыжников и альпинистов, международного туристического центра и одного из прекраснейших уголков на Кавказе. Однако не только красотой славятся здешние места. Район Эльбруса — это также многочисленные источники с целебными водами, рассеянные среди лесов, полных разнообразнейших растений. Да, щедра здесь природа, награждающая путешественников вдобавок и тремястами днями в году с безоблачным небом и вечно прекрасной серебристой белизной снежных склонов.

— Эх, забраться бы на эту горку, — вздыхает Грицко Панасюк.

— Вот герой, едва ноги передвигает, а об альпинизме думает, — рассмеялся командир взвода младший лейтенант Шавтанадзе.

— После войны, ребята, если доживем, вернемся сюда отдохнуть. Проводник есть. Как, Мухамед?

— На Кавказе говорят: лучше раз увидеть, чем сто раз услышать; слово дали — должны выполнить. А я не подведу. Все покажу: и Терскол, и Иткол, и Азан, и шашлычные внизу. Шашлык — пальчики оближешь… А может, к тому времени построят канатную дорогу на Чегет. Представляете себе такую поездку на высоте двух с половиной километров?.. Во-о-н тот пик, в стороне от Эльбруса, — голос Мухамеда радостно звенел.

Мы запрокинули головы. Резкое солнце слепило уставшие от бессонницы глаза, а на северные склоны скал ложились широкие тени. Увы, мы ничего не смогли увидеть. Может, это было и к лучшему…

Никто из нас не знал, что там, куда показывал Мухамед, пролегало так называемое эльбрусское направление, бои на котором начались еще в середине августа. «Части 1-й немецкой горнострелковой дивизии «Эдельвейс» к 18 августа вышли на южные склоны горы Эльбрус и захватили перевалы Хотю-Тау, Чипер-Азау и овладели туристскими базами «Кругозор» и «Приют одиннадцати».

Гитлеровцы решили установить на вершине Эльбруса свой флаг. К этой операции они готовились давно и тщательно. Для подъема на Эльбрус они выделили несколько альпийских рот и 21 августа подняли на вершине Эльбруса два черно-красных флага. Геббельсовская пропаганда рекламировала это событие как чрезвычайный подвиг. Берлинские газеты кричали: «Покоренный Эльбрус венчает конец павшего Кавказа!» Однако даже бывший гитлеровский генерал Курт Типпельскирх в своей книге «История второй мировой войны» пишет: «…это значительное достижение альпинизма не имело ни тактического, ни тем более стратегического значения»[29].

Недолго фашистские флаги со свастикой развевались над самой высокой горой Кавказа: три отряда советских воинов с боями прорвались на пик Эльбруса и водрузили на нем советские флаги.

А пока старый альпинист, подносчик снарядов в нашей батарее Мухамед Исмаилов, сын этой прекрасной кабардино-балкарской земли, не знал, что базы «Кругозор» и «Приют одиннадцати» заняли немцы. Не мог предположить Мухамед, человек, воспитанный в семье советских спортсменов, что те самые удобные подходы, которые он показывал своим друзьям по

спорту, будут использованы гитлеровскими альпинистами для того, чтобы осквернить главу гор Кавказских.

Первый расчет свернул в направлении широкой поляны. За ним — остальные, в том числе и наш.

Офицеры осматривали в бинокли далекие северные горы, долины и ущелья, кажущиеся серыми, задымленными и таинственными. Там уже был враг.

Долго ждать команды не пришлось.

— Орудия-а-а, к бою!..

Голос командира эхо разнесло среди столетних деревьев. В течение нескольких минут все расчеты были приведены в боевую готовность. А еще спустя некоторое время среди старых дремлющих деревьев и тихих горных вершин раздался грохот орудий. С украинских степей и донских равнин шли сюда войска, чтобы здесь наконец задержать врага. В сумраке лесов и среди каменных скал встретились мы с ним лицом к лицу, готовые выполнить свой долг. Дальше на юг расстилались только высокие горные хребты, а за ними — нефтеносные залежи Баку, морские порты Туапсе и Новороссийск, открывался путь в Ирак, Иран, Египет…

Каждый метр оставленной нами земли означал многое. Ставка была высока…

— Батарея, отбой!.. — прозвучала команда.

Артиллерийские дуэли были теперь быстротечны. Ураганный огонь и очередная смена огневых позиций. Эхо каждого залпа долго еще носилось в чистом горном воздухе.

Мы прицепили орудия к тракторам. Моторы взревели. Снова в путь!..

Мы въехали в какое-то широкое ущелье. Земля под ногами твердая, будто дорога, мощенная булыжником. Ущелье извивалось среди склонов гор, уходило куда-то на юг, в глубь лесов.

Пехота уже вгрызлась в скалы. Наши войска готовились к очередной встрече с врагом…

Слишком долго ожидать непрошеных гостей не пришлось. В края ущелья ударили первые снаряды. Выросли огненные столбы разрывов. Гитлеровцы начали артиллерийскую подготовку.

— Танки! — раздался чей-то крик.

Я отчетливо видел, как они ползли, приближались. Их пока было только четыре. Они карабкались по середине ущелья, подминая под себя горные сосенки, пересекли первые окопы. Уже были видны черные кресты на боковой броне. Длинные стволы орудий то и дело плевались огнем выстрелов. Нарастал гул, ущелье наполнялось дымом, с корнями взлетал в воздух

кустарник, падали деревья. В каменные стены ущелья вгрызались снаряды…

Мы ждали команды.

Над нашими головами свистели осколки, уже слышны были вражеские автоматные очереди. Мы завидовали теперь нашей пехоте, которая заблаговременно окопалась в этой каменистой земле. Окопы, хотя и мелкие, все же как-то укрывали. Но пушки в скалы не закопаешь. Здесь противника можно было поразить, только ведя огонь прямой наводкой.

— Не пройдут, гады, не пройдут! — крикнул наводчик расчета ефрейтор Коля Усиченко. Медленно, спокойно направил он ствол на стальные туши с крестами. А те ревели моторами, лязгали гусеницами, грохотали пушками и трещали пулеметами. В твердом панцире ущелья, который долбили и рвали снаряды, иногда взрывались поставленные нашими мины.

Но вот наконец и долгожданная команда.

— Цель — танки! Бронебойным! Прямой наводкой — огонь!

— Огонь, огонь! — повторяли командиры расчетов.

— Скорей, снаряды! — раздавались крики.

Ящики с боеприпасами быстро пустели. Пахло пороховым дымом. Пот заливал глаза, стекал в уголки рта.

Гимнастерка прилипла к телу. Секунды казались вечностью.

— Воздух! — Чей-то крик потонул в общем грохоте.

Я поднял глаза. Над головой шум моторов. Над верхушками высоких сосен пролетели «юнкерсы». Я знал, что бомбить они не будут: гитлеровские летчики опасались за своих, которые находились совсем рядом. Четыре стальные махины с черными крестами приближались, а между ними и позади виднелись фигурки солдат. Гитлеровцы шли с закатанными рукавами, стреляя на ходу из автоматов.

Дым постепенно заволакивал ущелье. Танки приближались. Один из них остановился, сильно дымя…

Нам с Колей теперь отчетливо было видно, как гусеницы танка вздымались над грудой камней. Стальная глыба как бы сознательно поддавалась нам, чтобы быстрее стать гробом для тех, кто изнутри рассматривал нас через смотровые щели.

— Коля, смотри! — крикнул командир расчета Сорокин.

— Сейчас он получит, — ответил наводчик.

Я загнал в ствол снаряд, щелкнул замком орудия.

— Давай, Коля, давай скорей! — крикнул я как одержимый.

Но Колю подгонять не нужно. Такой случай не часто мог представиться.

— Давай! — услышал я голос наводчика.

Я дернул за шнур…

Короткий гул, ствол откатился назад, обдав нас новой волной порохового дыма. И я увидел, как гусеница танка беспомощно развалилась по земле, а башня вильнула в сторону. Ствол ее пушки, заглушая наши радостные крики, вновь выплюнул огонь. Первый снаряд пролетел высоко и разорвался где-то в лесу. Второй, однако, упал прямо перед нами. Я успел только заметить, как взметнулся вверх росший рядом с нашим орудием куст орешника. Он, наверное, и накрыл нас своей опаленной листвой, перебитыми веточками.

…Когда я очнулся, то первое, что я ощутил, был запах йода, во рту чувствовался вкус земли, а в ушах стоял невыносимый шум. Медленно приподнялся. Сел. Помню, как удивленно оглядывался вокруг, постепенно осознавая, что произошло.

Первая мысль? «Жив». Нога забинтована, перевязка набухла от крови. Странно, но на меня это не произвело ни малейшего впечатления. Рядом лежал младший сержант Коля Усиченко с рукой на перевязи, еще несколько солдат. Их лица, забинтованные и почерневшие, были мне незнакомы. Над нами шумели верхушки высоких зеленых елей, а рядом со мной я заметил лицо молоденькой санитарки. Она, кажется, что-то говорила. Я напряг слух. Но шум в ушах не проходил. Только спустя несколько дней я узнал, что говорила тогда медсестра Зина.

— Ничего страшного, ребята. Будете жить и воевать…

Она была права, эта милая девушка. Действительно, через несколько дней, здоровые, вернулись мы с Колей в нашу батарею. И снова окунулись в обычную солдатскую, фронтовую жизнь, по которой так тосковали в полевом госпитале. И снова мы были среди старых друзей — товарищей по оружию.

Но в этом была и заслуга Зины.

В батарее нас встретили сердечно, с радостью. Крепка фронтовая дружба, тесно сближает она людей. Не раз мы имели возможность убедиться в этом.

Уже по первым радостным возгласам приветствия я понял, как поднялось настроение нашей солдатской братии. Исчезла удрученность с их лиц, прошла душевная боль. Спекшиеся губы артиллеристов улыбались. Чувствовалось, что в нашей солдатской жизни произошли какие-то важные перемены. И я не ошибся.

— Кончились наши дорожки отступления… Несколько дней как держим позиционную оборону, и с этого времени совсем другими стали наши бойцы, — вводил нас в обстановку обрадованный парторг Наумов. Сердечно обнял нас, крепко поцеловал. Был он теперь заместителем командира батареи по

политчасти, так как наш политрук получил направление в дивизию.

От сержанта Сорокина мы узнали, что орудие после небольшого ремонта снова в строю, а из всего личного состава только мы с Колей пострадали во время схватки с танками. Грицко с Мухамедом тискали нас своими ручищами, а новенький, из пополнения, Ахмет Мусукаев с интересом приглядывался к нам.

— Это твоя замена, Станислав, — представил его нам командир орудия. — Но ты, наверное, к нам вернешься, я попрошу командира батареи…

Вскоре нас вызвал к себе командир батареи. Он, уже в звании капитана, поздравил Колю с присвоением ему звания младшего сержанта, а меня — ефрейтора. Что и говорить, мы были счастливы. В тот же день Коля по приказу вернулся на свою прежнюю должность — наводчиком, меня капитан Сапёрский направил на двухнедельные курсы химинструкторов, организованные штабом нашего полка. Не скажу, что это назначение меня обрадовало. Я еще не успел оглядеться по прибытии и поздороваться со всеми в батарее, а тут опять прощайся. Но в армии приказ есть приказ, обсуждать его не приходится.

С курсов я вернулся довольный. За четырнадцать дней напряженной учебы я многому научился. Теперь я был знаком с секретами разного рода отравляющих веществ, со способами защиты от них людей и боевого снаряжения. С этого дня я стал химинструктором. Впереди были различные практические занятия с личным составом отдельных расчетов, хлопоты по приобретению средств противохимической защиты и их сохранности.

Жизнь в батарее стала более размеренной и спокойной, хотя война по-прежнему давала о себе знать днем и ночью, потому что наша батарея служила как бы противотанковым заслоном.

Враг был задержан, долгие пути отходов кончились, и мы радовались этому. Эту радость переживал весь Северо-Кавказский фронт.

«Так, осенью 1942 г. наступление немецко-фашистских войск на перевалах Главного Кавказского хребта было остановлено и создана устойчивая оборона хребта. Этим был сорван план гитлеровского командования по овладению Главным Кавказским хребтом»[30].

Итак, свершилось!

Перед огневыми позициями батареи, на расстоянии около трехсот метров, отчетливо были видны окопы нашей пехоты.

Узкие и извилистые, они были замаскированы порыжевшим дерном, ветками, опавшими листьями. День и ночь, без перерыва, отсюда велось наблюдение. Людям было нелегко. Приближалась зима. Вскоре выпал снег и прикрыл позиции белым пухом. Во время очередной атаки гитлеровцев над нашими головами непрерывно свистели пули. Но не метко стреляли фашисты, и мы, артиллеристы, как и наша пехота, не были за это на них в претензии.

Короткими огневыми налетами наша батарея накрывала немецкий транспорт, колонны войск, обнаруженные огневые позиции их орудий или минометов. Во время атак гитлеровцев мы били по ним осколочными. Враг тоже осыпал нас снарядами своей артиллерии, бомбами с воздуха. Пока нам удавалось относительно легко отделываться. В этом была заслуга нашего командования. Частые смены огневых позиций спасали нас от огня врага, однако скольких усилий это требовало: и окопать орудия в скалистой почве, и построить новые убежища для расчета, новые ниши для боеприпасов.

— Больше пота — меньше крови, — говорили нам командиры. — Это фронт, а не учения…

Да, значительно улучшилось настроение солдат. Хотя все отдавали себе отчет в серьезности положения, все же на сердце было легче. Как ни говорите: оборона — не отступление.

Вскоре состоялся митинг. Из нашего артполка прибыли два майора. Первым выступал командир батареи. Внимательно и сосредоточенно слушали мы его.

— Перед нами высокие хребты Кавказских гор, — говорил капитан Сапёрский, — а за нами враг, который любой ценой стремится прорваться к Туапсе, перерезать Военно-Грузинскую дорогу и выйти к Каспийскому морю… Гитлеровские стратеги, — разъяснял командир, — рассчитывают на то, чтобы, захватив Кавказ, втянуть в войну против Советского Союза нейтральную до сего времени Турцию. Они надеются также, что среди народов Кавказа начнутся конфликты. Однако ошибаются гитлеровцы, — продолжал капитан, — если рассчитывают, что наше многонациональное государство утратит свою монолитность, попав в трудное положение. Они забывают, что Советский Союз — это свободный союз народов, основанный на принципах самоопределения, равенства, дружбы, пролетарского интернационализма, братской взаимоподдержки.

Из долин доносился грохот выстрелов и взрывов бомб. Там наша пехота упорно сдерживала натиск врага. Внимательно вслушивались мы в идущие от сердца слова капитана Сапёрского. Он говорил о враге, который недооценивает патриотизма народов

Советского Союза, о том, что ненависть и презрительное отношение к славянам, оставшиеся еще от крестоносцев, являются неотъемлемой частью фашистской идеологии, что расизм немецких фашистов шел и идет в ногу с невежеством и политической слепотой их предводителей, которых история ничему не научила… «Ставка фашистов на антагонизм между народами, населяющими Советский Союз, — это заранее битая ставка, неисполнимые мечты», — такими словами закончил свое выступление наш молодой командир батареи. Я и не предполагал, что он может так замечательно говорить.

А потом слово взял один из майоров. Говорил коротко. Продолжая тему предыдущего оратора, наш гость проинформировал нас, что еще раньше, а затем в ходе наступления гитлеровская разведка пыталась создать в этом районе свою агентуру из числа остатков националистических элементов.

— Как вы уже знаете, товарищи, — продолжал майор, — ничего из этого не вышло, а самым лучшим доказательством тому является факт, что вот мы, солдаты разных национальностей, сражаемся здесь плечом к плечу, испытывая постоянную поддержку местного населения. Ведь сейчас, товарищи, решается вопрос, останутся ли народы Советского Союза свободными или попадут в фашистское рабство, как многие народы Европы. Нам известно, — закончил майор, — что дальнейшие планы Гитлера предусматривают соединение немецких войск, действовавших на Северном Кавказе, с армией генерала Роммеля в Северной Африке, чтобы затем двинуться на Индию…

Внимательно слушал я выступления капитана и представителя из полка. Уже после окончания войны, детально знакомясь с литературой и материалами по ее истории, я убедился, как правильны были их рассуждения.

«Приступая к выполнению плана «Эдельвейс» (так называлась операция по захвату Кавказа), немецко-фашистское командование намеревалось вначале окружить и уничтожить советские войска между реками Дон и Кубань. В директиве германского верховного командования № 45 от 23 июля указывалось: «Ближайшая задача группы армий «А» состоит в окружении и уничтожении отошедших за Дон сил противника в районе южнее и юго-восточнее Ростова». После выполнения этой задачи предполагалось одной группой войск захватить районы Новороссийска и Туапсе и, развивая наступление вдоль побережья Черного моря, выйти в Закавказье, а другой группой, состоявшей в основном из танковых и моторизованных соединений, занять Грозный, Махачкалу и Баку. Кроме того, немецко-фашистское

командование планировало двинуть часть сил в наступление через перевалы Главного Кавказского хребта на Тбилиси, Кутаиси и Сухуми.

Таким образом, гитлеровское руководство рассчитывало захватить Кавказ и Закавказье, обойдя Главный Кавказский хребет с запада и востока и одновременно преодолев его частью сил с севера через перевалы»[31].

Затем выступили наш командир взвода младший лейтенант Шавтанадзе и два сержанта. Митинг закончил наш командир. Заключительные слова его выступления глубоко взволновали нас, придали нам сил на будущее.

— У врага, как мы видим, аппетиты большие, — сказал капитан. — Враг силен, и все мы это прекрасно понимаем. Нельзя тешить себя надеждами на легкие победы, но неправильно также и переоценивать силы гитлеровцев. Мы сражаемся за правое дело, и уже поэтому врагу никогда не добиться осуществления своих замыслов. Все мы знаем призыв нашей партии: «Сражаться до последней капли крови! Ни шагу назад!» Поэтому здесь мы и будем стоять насмерть, товарищи артиллеристы… А если и сменим свои огневые позиции, то только продвигаясь вперед, на врага…

Именно таких слов мы и ожидали, именно они были нам нужны. Суровым, но по-хорошему памятным оказался этот день. Я и сейчас его помню прекрасно. Острые лучи солнца падали на тонкий слой снежного пуха, покрывшего за ночь горные склоны и вершины, укутавшего ветви елей, сосен и лиственниц. Всюду было бело. Мороз пробирал нас через старые, потертые суконные шинели и видавшие виды гимнастерки, но это не беспокоило нас тогда.

Сегодня, пройдя через годы солдатских испытаний, я знаю, что бывают слова, которые лучше всего согревают озябшее тело и заставляют забыть о холоде и голоде.

Да и, правду сказать, не часто нам приходилось до сих пор слышать такие слова. Разумеется, мы знали, что положение на фронте очень тяжелое, и не только в районе действий нашего подразделения. Всю тяжесть боев мы несли на своих плечах; наши глаза покраснели от бессонных ночей. И вот наконец олова, которых каждый из нас ждал давно.

Как же мы были благодарны за них нашему командиру батареи!

Тремя годами позже, будучи уже командиром батальона, я пытался во всем подражать своему бывшему начальнику. Никогда не опасался, например, говорить солдатам правду о самых тяжелых испытаниях, о необходимых жертвах. А бои тогда

продолжались, и это были тяжелые схватки, хотя война уже закончилась. Особенно трудно приходилось в Жешувском воеводстве, где прятались в лесах остатки недобитых националистических банд… Я знал своих людей, верил, что на них можно положиться. И никогда не обманулся в них. Так, как наш командир батареи не ошибся в нас.

В тот же день состоялось совместное собрание партийной и комсомольской групп. Парторг говорил о любви к Родине, о том, что горы признают людей только с твердым характером, что нет таких жертв, которые были бы слишком велики в деле защиты социализма. Каждый солдат Красной Армии должен всегда носить в сердце дух борьбы и жажду победы — эти слова я запомнил накрепко.

Грохот взрывов немецких снарядов заглушал некоторые слова парторга Наумова и других выступавших.

Мне также захотелось сказать несколько слов. Помню, говорил, что в детстве меня, как и тысячи других моих сверстников в тогдашней Польше, воспитывали в духе ненависти к Советскому Союзу, что преследовали тех, кто боролся за справедливость и новую жизнь для трудящихся… Я говорил о том большом счете, который придется оплатить фашистам за оккупацию моей родины и за все то, что они делают на советской земле. Я говорил о своей борьбе в рядах Красной Армии…

Не слишком складной, вероятно, была моя речь, волнение мешало, но слова шли от сердца. Щеки мои пылали, и я испытывал чувство благодарности ко всем, кто выслушал мое сбивчивое выступление, за аплодисменты, которыми меня проводили.

На повестке дня был прием в партию и комсомол. Вступающие рассказывали свои биографии, председательствующий зачитывал заявления. Из всех выступлений одно запомнилось мне особо. Это была речь Мухамеда Исмаилова.

Вообще-то Мухамед сказал очень мало. Он вспомнил призыв партии о необходимости сражаться до последней капли крови.

— Эти слова священны для нас, — сказал Исмаилов. — Если мне придется отдать свою жизнь, то я хотел бы умереть коммунистом, как мой отец, который погиб в борьбе за Советскую власть в 1919 году.

В этот день я был одним из тех, кого приняли в комсомол. Стоит ли говорить, как велика была моя благодарность товарищам за оказанное мне доверие.

Так влился я в большую семью молодых людей в солдатских

мундирах, готовых пойти на любые жертвы и лишения ради победы. Вероятно, это и явилось основной причиной моего вступления в ряды комсомола осенью 1942 года, хотя моя политическая подкованность тогда еще оставляла желать лучшего. Но в течение этих лет, проведенных на советской земле, я многое понял. Я питал огромную ненависть к врагу, который сентябрьскими днями 1939 года на южных границах Польши, среди холмистых земель Бещад, утюжил танками наши окопы. Все никак не удавалось мне забыть треск пулеметных очередей и смех фашистской солдатни, выпускавшей в нас обойму за обоймой.

Горечь унижения рождает самую горячую ненависть к врагу. Это чувство на всю жизнь сроднило меня с советскими солдатами, ставшими моими товарищами по оружию. Я знал, что они все сделают, чтобы вышвырнуть гитлеровцев со своей земли. И я постоянно чувствовал их по-настоящему братское отношение к себе.

Что тут долго говорить? Да, у меня была почти полуторагодичная солдатская закалка, полученная в 21-й учебной роте, был и некоторый опыт боев в сентябре 1939 года, но положение здесь, на этом фронте, было куда более сложное и тяжелое. С первых дней пребывания в рядах Красной Армии я пережил то, что никогда не забудется… А так хотелось жить, вернуться на родину, в родной дом, к дорогим сердцу людям. И мои фронтовые друзья, как могли, поддерживали меня в самые тяжелые минуты.

Своим вступлением в комсомол мне хотелось еще раз им доказать, что я всем сердцем с ними.

Через несколько дней нас вызвали в политотдел полка, размещенный в одном из домиков горцев. В небольшой комнате уже дожидались несколько бойцов.

— Верим, что окажетесь достойными звания комсомольца, а вашей проверкой будут предстоящие бои, — говорил нам полковник, вручавший комсомольские билеты.

Каждый поочередно подходил к маленькому столику, накрытому красным сукном…

— Постараюсь оправдать оказанное мне доверие, — взволнованно прошептал я, получая маленькую книжечку. Я положил ее в левый карман гимнастерки, где носил сборник стихов Адама Мицкевича.

А потом нас угостили солдатским обедом. Был горячий суп и второе. Я ел с аппетитом, в избе было тепло и уютно, а за окнами — снежная метель заносила горные тропинки.

Возвращаясь на батарею, я с трудом пробирался по сугробам. Порывистый ветер пронизывал насквозь. Мороз усиливался.

Быстро опускались декабрьские сумерки. А над горами все ярче разгорались звезды. Я поднимал к ним глаза и почему-то вспоминал свою родную деревню…

Не знаю почему, но перед глазами вдруг возникли красные, дышащие жаром громады печей на бакинском судоремонтном заводе имени Парижской Коммуны, откуда я и ушел на фронт. Зарабатывал я там хорошо, однако матери помочь, конечно, ничем не мог. Да и как? Через линию фронта? Меня постоянно грызла тоска по дому. Как там? Я старался дольше находиться на заводе, работая по двенадцать — четырнадцать часов, перевыполнял норму и вообще чувствовал: я — не лишний. В Баку было безопасно, можно было ходить чисто одетым, сытым, но… в один прекрасный день я все-таки сбежал. Впоследствии я никогда не жалел об этом решении, принятом в далеком от фронта Баку.

Азербайджан! Экзотичен этот край, как и его столица, которая тогда насчитывала около миллиона жителей и занимала по числу жителей четвертое место в СССР — после Москвы, Ленинграда и Киева. Во второй половине прошлого столетия город стал одним из крупнейших в мире центров нефтяной промышленности.

Впервые я оказался в Баку в марте 1940 года. Южная весна была в полной красе. Я не мог тогда надивиться красоте этого города, амфитеатром расположенного вокруг залива. Восхищение вызывала и архитектура зданий, представлявшая собой смешение многих стилей и эпох. Я бродил по улицам Баку, среди светящихся окон и витрин магазинов, чайных и восточных ресторанов. Этот город шумел людскими голосами и пахнувшими нефтью волнами Каспийского моря. Глухое гудение волн этого самого большого в мире озера было слышно издалека, их гребни в любое время дня и ночи мерно разбивались о гранитную набережную.

По вечерам среди зеленых цветущих бульваров звучали в этом городе веселые голоса гуляющих, миллиарды звезд отражались в море. Я любил гулять и на окраине города, среди домов с глинобитными стенами и плоскими крышами.

«Баку! Как далеко, а в сущности близко ты отсюда», — думал я о городе, где познал столько доброты и сердечности, где мог работать и учиться. Теперь война угрожала и ему…

Я возвратился на батарею поздно. Опять поздравления, угощение чаем и махоркой. Я снова был среди своих…

Вскоре, кажется месяца два спустя, меня выбрали комсоргом батареи. В этот период организационно-воспитательная работа в подразделениях усиливалась с каждым днем. Росло и число

коммунистов и комсомольцев, что гарантировало повышение боеспособности частей. Этой работой занимались люди с большим опытом — коммунисты, закаленные в боях за Советскую власть, а затем в период социалистического строительства. Одним из них был полковник Леонид Ильич Брежнев, в то время начальник политотдела нашей 18-й армии.

А вот некоторые фрагменты воспоминаний об этой гигантской работе, которыми делится на страницах своей книги «Битва за Кавказ» А. А. Гречко:

«В трудных условиях оборонительных боев военные советы и политотделы армий, политорганы соединений, командиры и партийные организации вели большую работу по созданию полнокровных партийных и комсомольских организаций, которые укреплялись за счет правильной расстановки коммунистов и комсомольцев по подразделениям и за счет роста рядов партии и комсомола.

В те трудные дни велико было стремление советских воинов связать свою жизнь с Коммунистической партией. Достаточно сказать, что за период с сентября по декабрь 1942 г. в партийные организации частей и соединений только Северной группы войск Закавказского фронта поступило 24 951 заявление с просьбой о приеме в партию. А к началу октября 1942 г. в войсках Закавказского фронта было 165 тыс. коммунистов»[32].

Это была действительно огромная и очень полезная работа, проделанная партийными и политическими органами на всех уровнях. Последующие события на фронте подтвердили это. Коммунисты и комсомольцы составили авангард, на который можно было рассчитывать в самые тяжелые минуты, в самой трудной ситуации.

Мы оказались достойными доверия великой партии Ленина.

Наступал вечер.

Последние лучи солнца один за другим исчезали за заснеженной вершиной горы. Казавшиеся бледно-зелеными, горные плато утратили резкие очертания своих контуров, слившись в однотонную серую плоскость.

Вечерние цвета исчезли перед шагами незаметно подкрадывающейся ночи. В темноте растворялись вершины гор, возвышавшихся со всех сторон.

Уже несколько дней наша батарея занимала огневую позицию на склоне извилистого ущелья, ведущего в глубь заснеженного горного хребта.

На нашем правом фланге еще продолжался бой. Глухой отзвук его доносило до нас эхо, многократно отражаясь от скал.

Перед нами, далеко в северной части горизонта, вспыхивали молнии разноцветных ракет, а несколько ближе темноту прорезали огненные ленты пулеметных очередей нашей окопавшейся пехоты.

Из расположенной несколько позади наших позиций кухни принесли ужин. Открытые термосы пахнули густым горячим паром. Повар, рядовой Ваня Малашкевич, сосредоточенно отмерял ровные порции супа, осторожно наливал его в протянутые котелки. Рядом на разостланной плащ-палатке лежали аккуратно нарезанные ломти черного хлеба.

Еще не утихло вокруг термосов бряцание алюминиевых ложек, когда Мухамед Исмаилов, как всегда раньше других управившийся со своей порцией, начал, поглядывая на соседей, свои прибаутки.

— Ничего не понимай моя башка, — нарочно утрируя восточный акцент и корча в забавной гримасе черное от загара лицо, удивлялся он. — Винтовка большая-большая — один человек, а котелок маленький-маленький — два человека. Где справедливость? Скажите мне, джигиты…

Взрыв смеха, как обычно, вторил словам этого любимого всеми артиллеристами парня.

Но так было на самом деле. В нашей батарее котелок приходился на двоих бойцов, а автомат имел каждый.

— Закон войны, — разъяснял свою шутку Мухамед. — Целиться ложкой в котелок могут сразу несколько, а вот из автомата в противника — тут уж каждый должен отдельно.

Правда, нам, артиллеристам, возможность непосредственно встретиться с врагом и употребить по назначению наши автоматы выпадала не часто. Тем не менее каждый умел хорошо пользоваться личным оружием, а также ручными гранатами. Случались в нашей фронтовой жизни и встречи с врагом, так сказать, с глазу на глаз…

Теперь, вспоминая Мухамеда и его шутки, я совсем им не удивляюсь. Ему-то больше, чем другим, не хватало полагавшихся порций. Как сейчас вижу его, огромного, рослого, с могучими плечами, на которых, казалось, лопается гимнастерка. Это был человек крепкого телосложения и удивительной силы.

…Было это где-то уже за Ростовом. Сломав оборону наших войск на Дону, фашисты двигались вперед, бросая в бой все новые дивизии пехоты и танков.

Однажды во время переправы через какую-то речку заглох мотор трактора, тянувшего наше орудие. Положение было не из приятных: нас преследовало несколько фашистских танков, а за

ними двигалась цепь пехотинцев. Сейчас успех схватки мог решить каждый снаряд.

— Давай, давай, скорей вытаскивайте орудие! — кричал командир нашего расчета сержант Сорокин. Но все наши усилия были напрасны. Берег речки был скользким и довольно крутым, а 76-миллиметровка — вещь отнюдь не легкая: весит-то она более двух тонн…

Стоя по пояс в воде, мы напрягали все силы, нот градом катился с наших лиц, но все напрасно. А рядом по воде все чаще и чаще били снаряды, разрывались спереди и сзади, справа и слева. Немецкие танки все приближались.

— Скорей, скорей! — кричал наш командир, вместе со всеми тщетно пытаясь вытянуть злополучную пушку.

И тогда Мухамед выскочил из воды на берег, где лежал длинный и тяжелый обломок ствола дерева. Не обращая внимания ни на пули, ни на осколки, Мухамед вскинул бревно на свои могучие плечи. С этим огромным бревном он выглядел как символический богатырь, чья сила удесятерялась ненавистью к врагу.

— Эх, взяли! — прорезал шум боя наш согласный выкрик.

И через несколько минут наше орудие уже вступило в бой. Таким был наш Мухамед. В знак благодарности за помощь и смекалку командир батареи приказал повару выдавать ему добавочную порцию, которой тот, надо признать, всегда с кем-нибудь делился.

Находясь среди огромных гор и скал, полуокруженные, в течение нескольких месяцев мы были почти лишены продовольствия и боеприпасов. А того, что мы получали из полковой базы снабжения или что сбрасывалось нам с самолетов, едва хватало для больных и раненых.

В те дни ни у кого в котелке не было слишком густо, однако все мы сочувствовали нашему санинструктору Нине и самому молодому среди артиллеристов Ване Жукову. Ваня был сыном батареи, и все считали своим долгом заботиться о нем. Каждый хотел поделиться с Ваней и Ниночкой последним куском хлеба или щепотью ячменя, но заставить их принять эти дары было невозможно.

Наконец настали лучшие времена и для нас.

— В сражении на Волге наши войска одержали великую победу. Под Сталинградом окружено более трехсот тридцати тысяч солдат противника, — взволнованно и радостно говорил наш командир батареи. — Еще немного, товарищи, и мы тоже двинемся с этих гор в низину, вслед за врагом.

Так и случилось.

Двадцатого января 1943 года под натиском нашей 18-й армии гитлеровцы начали оставлять занимаемые позиции на Марухском, Клухорском, Санчарском и Аллаштроцком перевалах…

Итак, вперед, по пятам врага.

«Войска 18-й армии 25 января овладели Хадыженской и начали преследование отходившего противника. Преодолев многочисленные заграждения, 2 февраля они вышли к рекам Кубань и Псекупс… В ночь на 4 февраля на участке Старокорсунская, Шабанохабль приступила к форсированию р. Кубань 18-я армия. Форсирование осложнялось тем, что лед на реке был не очень прочным и во многих местах подорван противником. Поэтому части армии переправлялись на северный берег реки небольшими группами, где с ходу вступали в бой»[33].

И вот она, Кубань. Мы снова на ее прекрасной земле. Только теперь мы шли вперед, преследуя врага, — на север и северо-запад, туда, откуда несколько месяцев назад отступали к горам Кавказа.

Радость поселилась в наших солдатских сердцах. Сегодня мне трудно описать это чувство, не хватает слов, чтобы передать все то, что каждый из нас переживал в те дни.

День и ночь продолжались упорные бои. На своем пути мы встречали разбитые вражеские окопы, оставленные орудия, искореженные фашистские танки, склады с боеприпасами и питанием.

В яростных схватках с врагом все новые и новые советские села и города снова становились свободными. Вот оно, долгожданное чувство победы!

Однажды на одной из очередных стоянок, откуда горы были почти не видны, наш самый молодой в батарее боец Ваня Жуков открыл нам свою тщательно хранимую до сих пор тайну. Оказалось, что там, в горах, Ваня почти каждый день ел двойную порцию ячменной каши.

— Я не хотел, но Мухамед такой упрямый… — шепотом рассказывал паренек.

Разумеется, за раскрытие тайны Ваня получил нагоняй от Мухамеда, который к тому времени получил звание ефрейтора. И вообще Мухамед горячо отрицал все, одновременно грозя надрать Ване уши.

ПО ПЯТАМ ВРАГА

Наконец-то пришли долгожданные, незабываемые дни. От радостного волнения глаза многих из нас подозрительно блестели.

Мы двигались все дальше и дальше. За нами остались огромные кавказские вершины, в окружении которых мы пробыли пять месяцев. Мы покидали рубежи, где вели упорные оборонительные бои, где решался вопрос не только нашей жизни. Гитлеровским войскам не удался план «Эдельвейс» — захват Кавказа и Закавказья с последующим соединением войск Кавказского фронта с армией фельдмаршала Роммеля, действовавшей в Северной Африке. Рухнули планы захвата Индии… Войска нашего Закавказского фронта свое задание выполнили.

Уже стало известно о разгроме гитлеровцев под Сталинградом. Радость от победы в одном из самых важных сражений войны была огромна. Гитлеровские войска отступали с кавказских предгорий. Из информаций командира батареи мы знали, что с каждым днем линия фронта на Северном Кавказе сокращается, а неприятельские группировки все дальше и дальше оттесняются в сторону Таманского полуострова. Наша батарея также принимала участие в этом спихивании врага к морю: мы поддерживали огнем натиск пехоты, раскалывали колонны отступающих войск, разбивали переправы через бурные от весеннего половодья реки.

«За время полуторамесячного наступления от предгорий Кавказа до Краснодара войска Северо-Кавказского фронта, пройдя с ожесточенными боями большой путь, очистили от немецко-фашистских захватчиков богатейшие земли Северного Кавказа, Ставрополья и значительную часть Кубани. Они освободили около 2 тыс. населенных пунктов, в том числе 20 городов и 40 районных центров»[34].

Медленно, но настойчиво продвигались мы вперед. Трудные это были дни. Действовать приходилось в исключительно тяжелых условиях: весеннее бездорожье, дождь со снегом, сильные ветры, грязь но колено… А враг отчаянно сопротивлялся и часто переходил в контратаки.

«Партполитаппарат частей проводил беседы, митинги, посвященные успешному наступлению наших войск на фронтах Отечественной войны. В партийных и комсомольских организациях проходили совещания коммунистов и комсомольцев, на которых подводились итоги боев и намечались

задачи на предстоящий наступательный бой. С новым пополнением проводились беседы по вопросам воинской присяги…»[35]

Как комсорг батареи, я также принимал участие в этой работе. Наша батарея состояла в основном из молодежи. В комсомольской организации насчитывалось тогда свыше тридцати солдат и сержантов. Во время собраний и митингов или просто разговоров по душам всегда выражалась твердая вера в силу Советской Армии, непоколебимая убежденность в разгроме врага и нашей победе. Вместе с парторгом Наумовым мы систематически знакомили артиллеристов с обстановкой на других фронтах, читали газеты, обсуждали статьи. Состав партийной и комсомольской организаций постоянно увеличивался. Мы радовались этому, ибо это было доказательством роста политической сознательности беспартийных и высоких боевых качеств личного состава.

А это проявлялось в каждом бою. Не раз мне приходилось наблюдать результаты действий наших огневых расчетов, которые, экономя боеприпасы, стреляли наверняка. Кавказские горы многому нас научили, фашисты получали по заслугам.

«На пути отступления от Главного Кавказского хребта до Краснодара противник оставил десятки тысяч убитых солдат и офицеров. Он потерял разбитыми и уничтоженными огнем нашей артиллерии и авиации свыше 270 танков, более 260 орудий, 70 самолетов, до 250 пулеметов и свыше 2 тыс. автомашин. Преследуя врага, наши части захватили 400 танков, 827 орудий, 144 самолета, до 1750 пулеметов, около 10 тыс. автомашин, свыше 2 тыс. мотоциклов, десятки железнодорожных составов и складов с военным имуществом»[36].

Результаты своего воинского труда мы видели воочию: подбитые танки с черными крестами, сожженные автомашины и тягачи, всевозможное наспех брошенное военное снаряжение и, конечно, трупы гитлеровских вояк.

Такое зрелище радовало нас. Но одновременно сердца наши сжимались от боли. В них пылала огромная ненависть к врагу за совершенные им преступления. Преступления, к виду которых не могли привыкнуть наши все повидавшие на войне глаза. Такое не умещалось, не могло уместиться в нашем воображении…

«Однако поспешное отступление немецко-фашистских захватчиков с Кавказа не мешало им широко применять свои варварские методы «выжженной земли». Во всех войсках действовал приказ Гитлера № 4 «О порядке отхода и оставления местностей». Этот приказ требовал уничтожения всего оружия, автомашин и т. д., которые не могут быть взяты с собой;

разрушения всех объектов, зданий, представляющих ценность для противника; увоза всех мужчин в возрасте от 15 до 65 лет, если не всего гражданского населения.

Этот приказ своего фюрера гитлеровские вояки выполняли с особой охотой. Отступая, они в дикой злобе ко всему советскому беспощадно истребляли ни в чем не повинных мирных жителей — женщин, стариков, детей, разрушали города и станицы»[37].

В пути мы догнали наши моторизованные подразделения. Ехали вместе с ними несколько часов. Дорога была тяжелая — размокшая, вся в выбоинах и лужах ледяной воды.

День стоял погожий, в воздухе уже чувствовалось приближение весны. Косые солнечные лучи отражались в огромных лужах грязи, играли бликами на наших лицах. Вокруг расстилались кубанские степи, изредка попадались одинокие, словно заблудившиеся, деревья. Время от времени на пути встречались и казачьи станицы… Точнее, это были лишь названия, оставшиеся на штабных картах от населенных пунктов. Как же часто мы видели эти груды пепла и развалин, которые догорали на глазах немногочисленных жителей, оставшихся в живых! Воздух был насквозь пропитан дымом и чадом. Среди пепелищ торчали обгоревшие кирпичные трубы хат и стволы опаленных деревьев. Только колодцы со скрипящими, поднятыми вверх длинными журавлями чудом оставались почти везде в целости.

Вот она, вода из кубанских колодцев!.. Ее неповторимый вкус оценишь только тогда, когда коснешься губами края деревянной бадьи. Наши артиллеристы хорошо знали вкус кубанской водицы. Ведь летом прошлого года мы отступали именно этими дорогами.

— Уцелели колодцы! — радовались солдаты. Увы, на каждом из колодцев виднелась прибитая дощечка, на ней написанные мелом предостерегающие слова: «Пить воспрещается — вода отравлена».

Фашистские негодяи всюду оставили следы своих зверств. Мы и не предполагали, что чем дальше, тем более бесчеловечными станут эти следы.

Полдень. У какой-то сожженной почти дотла станицы командир батареи приказал остановиться на привал.

Вместе с поваром мы отправились на поиски колодца. Нужно было приготовить обед.

— Вода! Вода! — крикнул кто-то из солдат. На краю села среди пепелища действительно стоял колодец. Его деревянный сруб избежал языков недавно бушевавшего здесь пламени. Доски и бревна были только присыпаны пеплом и сажей, а на передней части сруба темнели какие-то пятна.

Предостерегающей таблички на колодце не было. Наконец-то есть вода. Сварим суп, напьемся вдоволь, умоемся, наберем драгоценной влаги во фляжки на дорогу.

Ваня Малашкевич быстро опустил в колодец ведро. Солдаты отвинчивали пробки фляг.

— Ну-ка, быстрей, Ваня! — покрикивал на повара старшина батареи Назимов. Стоявший рядом Грицко Панасюк рассказывал что-то группе слушателей, те громко хохотали.

— Стойте!.. Стойте, ребята! — откуда-то издалека послышался сдавленный крик.

Все обернулись. Ваня придержал веревку с ведром. В обгоревшей фуфайке, изодранных штанах ковылял к нам старик, опираясь на толстую суковатую палку. На покрытом морщинами лице выделялись глаза, глубокие, запавшие, покрасневшие от слез, воспаленные. Спутанные пряди седых волос спадали на шею.

— Нельзя пить эту воду, ребята…

— В чем дело, отец? Что случилось? — удивленно бросил парторг Наумов, который только что подошел к колодцу.

— Там ребятишки… Ребятишки, фашист потопил, — прерываемые спазмами плача, падали страшные слова.

Мы все смотрели на старика. Никто из нас не мог понять и поверить произнесенным словам.

— Какие ребятишки? — спросил я, не в состоянии понять, что имеет в виду этот дед.

— Еще одно преступление фашистов, — прошептал Наумов, кладя мне руку на плечо. Я чувствовал, что он весь дрожит. — Убийцы, убийцы детей… Трудно поверить, — продолжал шептать парторг.

— Они задержались в станице. Вечером уже были слышны далекие выстрелы из орудий. И тогда началось это… Матерь божья! — Седая голова старика тряслась. — Всех мужиков и баб вон туда, в церковь загнали… А ребятишек… здесь, в колодец побросали. А сначала нескольких — головами о сруб…

Я смотрел на вытянутую дрожащую руку старика, которая показывала на крест, обгоревший и почерневший.

— Там остальные… Все из станицы. Те, кто германца послушали и вошли туда.

— А те, кто не послушал? — спросил кто-то.

Старик не ответил. Возможно, он не расслышал вопроса. Опираясь на палку, он пошел в том направлении, куда только что показывал дрожащей рукой.

В гробовом молчании мы следовали за ним. Подошли. Груда сгоревших балок и досок. Изогнутые железные подсвечники,

рамки сожженных икон.

И тут же, рядом с тем, что еще недавно было красивой старинной церковью, — обгоревшие трупы.

— Вот те, кто не послушал фашистов, — шепотом произнес старик. — Бензином потом облили всех.

Бойцы стояли, обнажив головы.

Я держал в руке фуражку и чувствовал, как гимнастерка прилипает к телу.

Рядом со мной стоял парторг Петр Антонович Наумов. Его глаза были влажными. Этот видавший виды человек, который сражался в Испании, прошел финскую кампанию, человек, чья семья была целиком уничтожена фашистами, не стыдился своих слез.

— Смотрите, товарищи, запоминайте, на что способны фашисты, — тихо сказал он. — Не хочется верить, что эти преступления совершили люди из страны, которая дала миру столько замечательных людей, борцов за народное дело: Маркса, Энгельса, Тельмана.

— Немецкая земля родила также Гете, Шиллера и многих других всемирно известных гуманистов, — дополнил слова парторга капитан Сапёрский.

Тяжелое, гнетущее молчание. Все слушали болью звучавшие слова наших командиров, не в силах оторвать глаз от жертв преступлений фашистов.

— Запомните, товарищи, эти жертвы: детей, женщин, стариков, запомните все, что увидели. К сожалению, много подобного еще предстоит увидеть…

Я почувствовал слезы на глазах и не стыдился их.

И в самом деле, наш парторг, человек с большим жизненным опытом, не ошибался. Сколько еще раз на этих кубанских землях мы видели спаленные села и деревни со столбами виселиц.

Методично исполняли гитлеровские преступники и указания «Памятки для немецкого солдата», которой каждый из них был снабжен наряду с личным оружием, молитвенником и другим реквизитом. Вот отрывок из этой «Памятки», найденной у одного из пленных, который не успел ее выбросить, прежде чем был схвачен разведчиками нашего полка:

«Помни и исполняй: у тебя нет сердца, у тебя нет нервов. На войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай каждого русского, не колеблясь, если даже перед тобой окажется старик или женщина, девочка или мальчик. Действуя так, ты избежишь собственной гибели, обеспечишь будущее своей семье и добудешь вечную славу…»

Я сам держал в руках эти листки, читал, переводил друзьям каждое слово, не прибавляя и не убавляя.

Читая это, я знал, что оккупанты на территории Польши также снабжены подобными памятками, с той только разницей, что слова «убивай каждого русского» заменены на «убивай каждого поляка». И там убивали, вешали, душили газами по три тысячи человек ежедневно.

Адская машина фашистских преступлений в Польше работала уже на полных оборотах, с особым рвением выполнялась программа уничтожения польского народа в соответствии с планами Гитлера и Гиммлера. Смертельная угроза в течение продолжительного времени висела над моей родиной. Ведь еще 22 августа 1939 года на тайном совещании командующих армиями в Оберзальцберге прозвучал приказ Гитлера:

«Успешное решение восточного вопроса требует уничтожения Польши и полного истребления всей живой силы противника. Выполнение этого задания должно быть безжалостным и неукоснительным, ибо уничтожение Польши стоит на первом плане. Вермахт должен быть подготовлен в духе отсутствия всякой жалости. Должно быть совершено физическое истребление населения польского происхождения, благодаря чему Германия получит необходимое жизненное пространство…»

Я не мог тогда еще знать, что во время нападения фашистских войск на Польшу несколько десятков тысяч поляков, а среди них женщины и дети, были уничтожены вермахтом и гестапо, СС и специальными подразделениями полиции безопасности. Но это было только начало кровавой бойни, а уже вскоре на польских землях были созданы самые крупные лагеря смерти в Освенциме и Майданеке, в которых полностью раскрылось звериное обличье фашизма.

Впоследствии мне стала известна трагическая правда о пяти с лишним годах войны, в которой погибли свыше шести миллионов поляков.

Ранней весной 1943 года, преследуя врага, мы убедились воочию, что гитлеровские оккупанты буквально купались в человеческой крови.

Кровь погибших требовала отмщения.

«Прошли годы, наша страна залечила раны, нанесенные войной, но никогда не изгладится из памяти советских людей надпись, сделанная на стене лазарета слабой рукой умирающего бойца: «Товарищ, отомсти за нас…», и никогда не забудется земля, которая шевелилась на могиле заживо погребенных советских людей. Вот какая жестокость порождала у советских воинов жажду жестокой мести гитлеровским извергам»[38], —

написал позднее Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Эти слова — подтверждение тому, что живые не забывают о мертвых. А если бы они, погибшие, могли сказать?!. О, если бы могли!..

В молчании отходили мы от этого страшного места. Вместе с несколькими бойцами я вернулся к орудиям.

— Теперь вам с парторгом Наумовым, пожалуй, нет нужды напоминать солдатам о необходимости биться насмерть для скорейшего освобождения нашей земли, — сказал мне командир взвода лейтенант Заривный.

— Фашисты своими поступками сами разжигают ненависть в нас, — произнес шофер Яша Кочубей.

— Нам нужно торопиться, — напомнил я.

— По машинам! — раздалась команда.

Мы бросились к орудиям.

— Пусть будут прокляты убийцы!.. Не забудьте, братцы, отомстите! — услышали мы слабый крик. Шум моторов перекрывал этот призыв старика.

Если бы нам прийти немного раньше!..

«Не забудьте, братцы!..»

Можно ли такое забыть? Ведь погибшие оставили нам, живым, обязанность — помнить.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Итак, пришли долгожданные дни, когда после освобождения Краснодара и Ростова-на-Дону немецкие войска на Северном Кавказе были отброшены к Таманскому полуострову. А эти войска насчитывали около полумиллиона человек и десятки тысяч единиц различной боевой техники.

Враг был зажат на значительной площади между Азовским и Черным морями, отделенной от Большого Кавказа низиной старого русла реки Кубань. Это была местность с многочисленными заливами, изредка холмистая (самая высокая точка — 164 метра над уровнем моря), со степной растительностью, с редкими залежами нефти, природного газа и железной руды. На обрабатываемых участках земли летом растет пшеница и кукуруза, есть также фруктовые деревья. Воздух наполнен тучами назойливых комаров — носителей малярии. К сожалению, меня эта болезнь тоже не минула…

Прижатые к морю фашистские войска прикрылись с суши мощными оборонительными сооружениями, составлявшими так называемую Голубую линию. Сейчас эти редуты отстреливались тысячами снарядов, мин и пуль.

С середины апреля часть Голубой линии постоянно находилась у нас перед глазами. На этом рубеже захлебнулось наступление не только нашей дивизии… Он представлял собой оборонительную полосу до 5–6 километров в глубину с многочисленными узлами и опорными пунктами, подготовленными для ведения круговой обороны. Перед траншеями были сооружены железобетонные огневые точки, оцепленные густой и широкой сетью колючей проволоки, завалами из деревьев, рогатками и надолбами из железнодорожных рельсов, а между ними протянулись минные поля… По 2000 и больше мин на километр фронта, не считая противопехотных мин-ловушек натяжного действия.

Это все находилось, так сказать, только в поле нашего зрения. А что же вообще представляла собой эта Голубая линия?

«Еще в январе 1943 г., опасаясь, что стремительным наступлением советских войск кубанская группировка может быть прижата и опрокинута в море, немецкое командование приступило к строительству оборонительных рубежей в низовьях р. Кубань, на подступах к Таманскому полуострову.

На строительство этих рубежей гитлеровцы силой оружия согнали все местное население. Тысячи жителей из станиц и хуторов под конвоем немецких автоматчиков рыли траншеи,

противотанковые рвы, окопы. Саперные и специальные строительные части и полевые войска создавали прочные опорные пункты и узлы сопротивления. За четыре с лишним месяца было построено несколько оборонительных рубежей с промежутками между ними от 5 до 25 км. Основная оборонительная полоса, непосредственно Голубая линия, имела глубину до 6 км, но следом за ней на глубину 30–40 км простирались хорошо укрепленные рубежи…

Вторая линия огневых сооружений располагалась уступом сзади и прикрывала фронтальным огнем промежутки между сооружениями первой линии. К траншеям примыкали многочисленные стрелковые ячейки. В глубине каждого опорного пункта находились артиллерийские и минометные позиции, а также землянки и блиндажи для личного состава. Все сооружения опорных пунктов соединялись ходами сообщения с траншеями»[39].

Вот такой в общих чертах была эта оборонительная линия, в прочности которой мы убедились во время безуспешных попыток прорвать ее, а более детально имели возможность познакомиться с этим произведением инженерного искусства после его сокрушения.

Теперь в обороне находился противник. Роли переменились. Войска Красной Армии ломали врагу зубы не только на Тамани. Здесь, однако, была последняя зацепка немецких полчищ, действовавших на Кавказе, и, в свою очередь, последняя надежда Гитлера на возвращение Кавказа.

В этот период, перед выполнением сложного и ответственного боевого задания, в войсках по-прежнему проводилась большая партийно-политическая работа. В обращении Военного совета нашей армии к солдатам и офицерам говорилось: «Боевые товарищи! Приближается время освобождения Тамани от вражеских банд. Ваша роль в этом огромна, за вашими боевыми действиями с напряжением и надеждой будет следить весь народ». Военный совет подчеркивал, что наступление Красной Армии распространяется все шире и шире. Он выражал уверенность, что «левый фланг советско-германского фронта, верный своим боевым традициям, будет идти в ногу со всей Красной Армией к полной победе над врагом, к торжеству нашего правого дела»[40]. На левом фланге действовала и наша дивизия, а в ее составе и мы — одна из батарей 968-го артиллерийского полка.

Так что работы в области политической и учебной подготовки нам хватало.

В этот же период кроме обычных артиллерийских налетов на

вражеские позиции проводилась важная работа по заселению огневых точек противника, намечались подходы, пополнялись боеприпасы, продовольствие и горючее. Шла тщательная подготовка к предстоящему штурму.

Солдат на фронте живет не только сражениями. Каждую свободную минуту он использует, чтобы помечтать, вспомнить… А воспоминания были у каждого. Например, о станице Калинской…

Это была та самая памятная для нас всех станица Калинская, под которой мы вели бой однажды ночью в июле прошлого года. Наша батарея сейчас находилась в пятидесяти километрах к юго-востоку от нее.

Год назад в той станице, содрогавшейся от грохота орудий, освещенной взрывами снарядов и пламенем горящих построек, мы обещали себе, что вернемся. Обещание это дали мы и местным девчатам. Немало городов, сел, станиц и аулов встречалось нам на фронтовых дорогах. Станица же Калинская запомнилась особо. Здесь в течение почти часа мы вели упорный бой с вражескими танками и победили. А в те дни такое в жизни батареи случалось не часто. Так как же забыть об этом и о тех, кто в бою оказал нам неоценимую услугу: об отважных колхозных девчатах? И мы обещали им вернуться, вернуться победителями.

Этот наш разговор запомнили все.

— А где же наши девушки? — спросил командир батареи, когда мы собрались после того боя.

— Остались в станице, товарищ комбат. Обещали ждать нас, — ответил я лейтенанту Сапёрскому.

Со времени этого разговора прошло почти десять месяцев.

А сегодня? Увы, уже давно не было среди нас Вани Гришина, с которым мы тогда вместе подносили снаряды. Навсегда остался он на одной из дорог нашего прошлогоднего отхода… Не было и шофера нашего тягача Миши Малынина… Его солдатская могила осталась где-то в степи.

Совсем недавно, после очередного налета вражеской авиации, схоронили мы в этой кубанской земле и младшего сержанта Мухамеда Исмаилова, который так радовался, когда горные вершины с каждым днем пропадали из виду, а вместе с ними оставалась в тылу его свободная уже Кабардино-Балкария. Навсегда оставил Мухамед эти высоченные горы под безоблачным небом, вершину Эльбруса и «Приют одиннадцати», которые снова ожидали отважных альпинистов и их проводников…

Мы вчетвером стояли перед командиром.

— Куда? В Калинскую, говоришь, комсорг? Да, да, помню, как забыть эту станицу… и тех девушек… Ну что ж, бери машину,

поезжайте, разрешаю…

Нас провожали всей батареей. Улыбающийся Сапёрский вместе с другими помахал нам рукой на прощание: счастливо возвратиться! Только парторг Наумов был серьезен, как обычно.

— Ну, Станислав, смотри в оба… Гляди и запоминай, чтобы обо всем мог рассказать комсомольцам, нам всем… Помни, сынок, что на фронте буквы никогда не заменят живого слова. А слова-то могут стать самым сильным и грозным оружием, если идут от сердца…

Помнится, как однажды до поздней ночи проговорили мы, сидя в его землянке. Вернувшись к себе, я лег спать, зная, что он в эту минуту обходит позицию батареи, проверяет посты, и для каждого часового у него находится теплое слово.

— А не забыл капитан девчат, — шутили мы, радостные, что наконец едем.

Дорога была сухая. Мы обгоняли колонны автомашин, воинские части, направлявшиеся в сторону фронта. Солдаты шли по обочине подтянутые, несмотря на то что каждый нес кроме оружия вещмешок, скатку и плащ-палатку. Все были в чистых гимнастерках, отдохнувшие, выбритые…

— А помните прошлую весну и лето и наших бойцов, шедших навстречу солнцу? — задумчиво произнес сержант Сорокин.

— Ты, Мишка, спрашиваешь, как на экзаменах… Зачем вспоминать то, что как огнем обжигает все внутри? Главное, что такое уже не повторится! — Грицко Панасюк говорил с полной серьезностью, как никогда.

— Я сравниваю, Грицко, то, что было, с тем, что сейчас видим…

Но это были несравнимые вещи.

И опять в нашей машине зазвучали прибаутки.

Неожиданно впереди показалась длинная цепочка фигур, медленно двигавшихся справа от дороги.

— Как змея тянется, — пробормотал шофер, переключая скорость. Теперь стало ясно, что это была длинная колонна пленных. По бокам шли конвоиры с автоматами наперевес. Внутри колонны с небольшими интервалами ехали две-три повозки, везшие больных или изможденных дальней дорогой.

— Смирненькие теперь, как барашки… Отъелись на русском хлебе, на сале да цыплятах, — громко, со злостью проговорил шофер.

— Гитлер капут! — кричали мы со смехом.

— Капут, капут! — бормотали пленные. Некоторые из них даже махали нам руками.

«Улыбаются, а еще недавно… Наверно, если бы могли

теперь…» — думал я, глядя на тех, кто еще вчера считали себя высшей расой.

— Вот какая она, русская душа! Видите, товарищи?! — кричал шофер, перекрывая гул мотора. — Повозочки для уставших, кухня за ними. А когда их друзья гнали нас на Днепре, верите или нет, я за первый день перехода насчитал сто двадцать выстрелов по колонне. Даже воду запрещали пить… Ребята падали от усталости и жажды. Трупами, как телеграфными столбами, наш путь был отмечен. На второй день уже перестал считать те выстрелы. Одна мысль только была — как убежать, как спастись ог такой смерти. Эх, гады, если бы мне дали!..

А мне припомнились подобные рассказы моих старших братьев: Владека — артиллериста 11-го легкого артиллерийского полка и Мариана — улана 9-го полка. В конце 1939 года им также удалось бежать из немецкого плена. И мне хотелось тоже рассказать об этом шоферу, но я не мог говорить. Спазмы сдавили мне горло.

— Международная конвенция запрещает издеваться над пленными, — выручил меня Миша Сорокин.

— Пошел ты со своей конвенцией, если только мы должны соблюдать ее! — кричал шофер.

— Да, но ведь мы люди.

Мне не хотелось вмешиваться в их спор, потому что я чувствовал, что тоже не могу быть объективным. Слишком много тяжелых воспоминаний возникло при виде этих смиренных, обвешанных еще железными крестами вояк, которые теперь были, однако, без поясов и без оружия… Я смотрел на их нескончаемые ряды, и радость переполняла сердце.

Ну вот, довоевались наконец! — была у всех у нас только эта мысль.

Я не мог знать тогда, что многие из тех, на груди которых болтались эти кресты, получили их из рук своих генералов за преодоление карпатских и бещадских вершин сразу же после разгрома польского южного фронта в сентябре 1939 года.

Наконец мы миновали эту длинную ленту. В своем мерном движении она и впрямь напоминала змею, но не опасную: жало у нее было вырвано.

Примерно в ста метрах перед колонной на коне ехал старший сержант.

— Куда и откуда путешествуете? — поинтересовались мы, остановив машину.

Тог широко улыбнулся:

— Куда? А куда-нибудь подальше, чтобы их не беспокоила стрельба на фронте… Откуда идем, спрашиваете?.. Оттуда,

издалека, — он махнул рукой вправо. — Эти были послушные, сами спустились с гор… Как только поняли, что уже давно окружены. Ведь это и есть альпинисты с цветочками[41] из того корпуса, только цветочки свои уже потеряли.

Оказалось, что мы обогнали наших бывших «соседей», тех, кто несколько месяцев назад упрямо шел от Черкесска, Клухора и Теберды через долины, ущелья и горные реки в направлении Марухского, Санчарского, Клухорского перевалов… Может быть, кто-то из них лез на вершину Эльбруса?.. Тогда еще мы не знали, что эти солдаты из отборных частей горных стрелков под командованием генерала Конрада выполняли в горах Кавказа приказ Гитлера, действуя в рамках операции «Эдельвейс». Тогда, весной 1942 года, очень рассчитывал Гитлер на этих альпийских стрелков, многие из которых уже носили Железные кресты за победу в войне с Польшей, захват Нарвика, штурм острова Крит… Многие из них надеялись получить награды и за Кавказ, а затем и за Ирак, Индию…

Солнышко уже пригревало, но в открытом газике было прохладно. По обеим сторонам дороги было пустынно, над широкими полями пели жаворонки.

Весна уже вступила в свои права. Земля требовала плуга, бороны, зерна и человеческих рук. Но этих, последних, было немного: руки женщин, детей… Теперь по пути мы встречали их, шедших за плугами, которые с трудом тянули отощавшие коровенки или, изредка, хилые, давно отслужившие свое коняги. Но увидеть такую картину можно было только там, где сохранились станицы. Увы, немного их было на нашем пути к месту памятного нам боя — до станицы Калинской.

И вот наконец мы там.

Не доверяя своим глазам, мы еще раз посмотрели на карту.

— Это все-таки здесь, здесь, — шептал Коля Усиченко. — Вот с той высотки мы стреляли по танкам…

— А с той стороны выбежали наши девчата, — дополнил Миша Сорокин. — Ох, трудно глазам поверить!..

— Эх, паразиты, паразиты! — бормотал шофер.

Мы стояли молча. Ласковый ветер обдувал наши лица, ерошил волосы. В руках мы держали выгоревшие пилотки…

— Знаете, товарищи, — прервал это тягостное молчание сержант Усиченко, вытирая рукавом гимнастерки обветренное лицо, похудевшее за последний месяц. — Немало я наслушался от отца и начитался об ужасах войны. Но того, что мне довелось увидеть, пожалуй, еще никогда не было… Сколько же мы видели сожженных деревень и городов, изуродованных полей, вырубленных садов и уничтоженных лесов! Наверное, только

Чингисхан или хан Батый оставляли после своих набегов такое опустошение… Эх, негодяи, никаких прав не признают!

— Прав… — горько усмехнулся Сорокин. — Тоже от кого захотел признания прав! От поджигателей, от бандитов и убийц детей!

— Эх, паразиты! — продолжал бормотать про себя шофер.

Грицко вынул платок, вытер лоб, глаза…

Я стоял остолбенев, мутным взглядом обводя все вокруг. Где-то возле сердца чувствовалась нарастающая боль. По сей день я никогда не забуду этой картины…

На месте, где стояла в зелени садов станица — такой она запечатлелась в нашей памяти, — теперь росли кусты зелено-бурого бурьяна, а остатки опаленных печных труб торчали из груды руин и пепла.

Стая ворон долго каркала нам вслед…

НА ОТДЫХЕ

Ночь окутывала станицу.

На небе виднелась Большая Медведица, а рядом, вокруг нее, — рой звезд. Месяц, который ежеминутно выныривал из-за мелких облаков, освещал стены хат, солому на крышах. Ветки деревьев отбрасывали широкие тени. Воздух был пропитан запахом весны.

Наш 968-й артиллерийский полк отвели от Голубой линии на короткий отдых. Отдельные батареи разместились в уцелевших соседних станицах. Мы отдыхали уже пятый день — заслуженная передышка после стольких месяцев пребывания на фронте. Наконец-то мы жили в домах, среди людей и запаха весенних цветов, а фронт и бои остались, казалось, где-то далеко.

Нас встретили здесь, как родных: слезами радости, сердечными объятиями и всем, чем хата богата, хотя немного в этих домах осталось. Фашисты грабили все, что под руку попадалось, и вывозили в Германию русское добро. Пустые хлева, пустые амбары и кладовки, хлеба нет, а до нового урожая еще далеко. А весна только вступила в свои права на этой богатой кубанской земле. Но чего-чего, а гостеприимства здешним людям не занимать.

— А ну, ребята, поможем матерям и сестрам, — в первый же день нашего отдыха кратко распорядился капитан Сапёрский.

Повторять нам эти слова не было необходимости.

У артиллеристов, известно, руки сильные. Сколько ящиков со снарядами перенесено, сколько стальных гостинцев послано в стволы пушек, а сколько километров прошли эти орудия по бездорожью, по снегу при помощи этих же рук. Так что мускулы были крепкие. И сейчас их сила пригодилась, ну а желания было хоть отбавляй. Да и как не помочь этим одиноким женщинам, которым война принесла столько горя и бед! С радостью каждый из нас взял в руки пилу и молоток, топор и лопату, встал за плуг или боронил поле. В охотку шла работа, с которой каждого разлучила война и по которой все мы так тосковали…

А что по вечерам?

Даже на фронте выпадают минуты человеческого счастья, особенно если хочешь забыться, не думать о том, что пережито и что еще ожидает тебя завтра, послезавтра… И в такие вечера солдатская песня — верный товарищ как в радости, так и в печали. Далеко-далеко плывут голоса бойцов и, сливаясь с ними, девичьи голоса. Они звучат долго. Выгоревшие солдатские гимнастерки окружены белыми кофточками и цветастыми

платочками девушек.

Я часто вспоминаю несколько таких вечеров: веселый говор, запах деревенских цветов и весенней травы, улыбки и девичий шепот… Мысленно возвращаюсь к тем дням, которые в моей памяти в череде фронтовых лет сверкают, как алмазы, и такими останутся навсегда. Возможно, военные кошмары несколько сглаживаются в воспоминаниях, а то самое хорошее, с чем связаны самые трогательные человеческие чувства, не только не забывается, а бережно лелеется, обретая с годами все новые, волнующие черты…

Неясный месяц в эту нору
Сквозь тучи изредка светил,
Как будто челн на синем море
То утопал, то вновь скользил…[42]

Далеко неслась раздольная песня, одна из самых красивых думок великого Тараса Шевченко.

И, как по заказу, месяц показался из-за облаков и сквозь ветки деревьев серебром обсыпал девичьи косы и прильнул к их раскрытым в песне губам. А песня неслась далеко, куда-то за станицу, в мирные уже поля, и там таяла во влажной земле и ночном тумане. Но вот еще песня. И сегодня мне кажется, что я слышу ее ритм:

Распрягайте, хлопцы, коней,
Да ложитесь почивать…

Да и как забыть те счастливые минуты в моей солдатской жизни, о которых мечталось в холодных землянках, в часы дежурств, среди воя снарядов и грохота бомб, в бесконечные дни и ночи, во время изнурительных переходов, в минуты жаркого боя… И вот стали явью эти вечера из моих снов — среди вишневых садов, девичьих улыбок, а над головой было чистое небо… Сколько было бы их, таких вечеров, если бы не война?!

— Ждали, как вас ждали! — слышу я шепот ярких, полных, как вишни, губ. — Высматривали вас днями и ночами… Раскат грома — а думалось, что вы… И сейчас — ожидания, а письма только теперь приходят, и то не от всех…

Месяц медленно плывет над крышами хат. Ночной весенний туман бродит в садах меж деревьев. Неугомонный Коля Усиченко все играет на гармошке, задушевные мелодии так и хватают за сердце. Подпеваем. Поет с нами и командир батареи. Песни

льются средь ветвей и улетают куда-то в затерявшуюся в ночи степь.

Дайте в руки мне гармонь
Золотые планки!
Парень девушку домой
Провожал с гулянки…

Таким было мое солдатское счастье в те короткие ночные часы. Но как быстро бежит время! Послезавтра нам предстоит отъезд на фронт… Как хотелось, чтобы пришли по-настоящему спокойные вечера и ночи! Но конца моим фронтовым скитаниям еще не было видно. Очень далеко еще до родного дома среди полей с колосящейся пшеницей, рожью, ячменем, цветущей гречихой, полевыми маками и васильками… Там когда-то мальчишкой я поднимал плугом пласты чернозема, тяжелые, лоснящиеся, как будто отшлифованные, холодные под босыми ногами. А потом брал в руки лукошко, полное зерна. Зерно падало в землю вместе с каплями пота… Далеко теперь эти поля и луга, деревенские огороды, местечки и города, смутно рисующиеся в неясном завтрашнем дне…

— Опять задумался? Затужил? По Польше?..

— Да, по родине. Четыре года уже…

— Дождешься. Наверняка дождешься, как и мы дождались.

Верю всем сердцем. А тебе за твои слова — большое спасибо…

Глубокая ночь окутала хаты, станицу, а где-то по-прежнему лилась кровь, полыхали багровые языки пламени, взрывами бомб освещалось небо, стонала земля. И наше счастье было недолговечно среди горя и слез…

Невидимые с земли самолеты пролетали высоко-высоко. Урчание их моторов напоминало нам о нашем долге. На запад проторенным уже небесным путем летели наши эскадрильи. Счастливого возвращения!..

На востоке уже покрывался первым румянцем горизонт.

СНАЙПЕР

Слет отличных стрелков нашей дивизии проходил на опушке леса, у одинокого, наполовину разрушенного сарая. Изрешеченные пулями стены стояли на фоне полосы созревающей ржи, каким-то чудом уцелевшей.

Вокруг развалин и на краю недалекого леса чернело несколько глубоких воронок. Возможно, однажды в этом сарае нашел укрытие какой-нибудь взвод, пренебрегший законами маскировки, чем привлек к себе внимание противника. А может, фашистский летчик поохотился на работавших в поле женщин?..

Стояло чудесное утро. Высоко в небе невидимый жаворонок рассыпал свои радостные трели, а где-то за западным горизонтом глухо гудела артиллерийская канонада. Вдоль Голубой линии продолжались бои.

Гитлеровцы упорно обороняли эту линию, которая являлась серьезным препятствием для наших войск в дальнейшем наступлении и окончательном освобождении от противника западных районов Кубани и Таманского полуострова.

Правда, начавшиеся 29 апреля 1943 года ожесточенные бои в направлении станицы Крымская увенчались взятием этого ключевого опорного пункта в системе гитлеровской обороны. Войска 56-й армии под командованием генерала А. А. Гречко встретили яростное сопротивление гитлеровцев. Наша батарея огнем поддерживала наступающую пехоту. (С 11 февраля 395-я дивизия была выведена из состава 18-й армии и передана 56-й армии.) В станицу Крымская мы въехали со вторым эшелоном пехоты. Это было 4 мая. Хорошо помню тот безоблачный, погожий день и свист снарядов, который под этим голубым небом переполошил жаворонков…

Успешное наступление 56-й армии южнее и севернее Крымской создало для врага серьезную угрозу окружения его группировки, находившейся в этом районе. Это вынудило немецкое командование отвести отсюда свои войска.

Яростные бои продолжались до 26 мая, когда после мощной артиллерийской и авиационной подготовки началось новое наступление. Наша батарея — одна из многих на этом участке фронта — обрушила на врага сотни снарядов. Грохот орудий сливался в адское рычание…

Я находился тогда в своем родном втором расчете, где заменял заряжающего Грицко Панасюка, который несколько дней назад получил ранение во время артиллерийского обстрела нашей батареи и теперь лежал в санбате. Артиллерийская

подготовка продолжалась около часа. Снарядов не жалели. Соленый пот заливал глаза, я не слышал никаких команд, только сдавленные крики командира расчета сержанта Сорокина и заместителя командира батареи старшего лейтенанта Пономаренко. Быстро, очень быстро пустели ящики со снарядами, укрытые в специально выкопанных около каждого орудия нишах. Эти запасы пополнялись в течение нескольких последних ночей.

— Прекратить огонь! — послышалась наконец команда.

Стволы пушек еще дымились, а над нами дрожал воздух. До сих пор я никогда не видел столько самолетов с красными звездами. Они летели ровным строем. Да, прекрасное это было зрелище!.. Внезапно вся эта крылатая туча стала падать вниз, затем засверкали огни разрывов, а спустя мгновение раздался мощный грохот бомб… Бомбардировщики довершили дело, начатое артиллерией.

А потом мы стали поддерживать огнем атаку нашей пехоты. В течение шести часов труднейшего боя наши войска продвинулись до пяти километров в глубину этой дьявольски укрепленной обороны противника, захватив первую и вторую позиции.

Но враг располагал на этом участке особенно сильной авиацией, большими танковыми соединениями и свежими резервами. Гитлеровцы перешли в контратаку…

«До 7 июня на земле и в воздухе продолжались упорные бои. Но все попытки прорвать оборону противника не имели успеха. Вступивший в командование фронтом генерал-полковник И. Е. Петров решил прекратить эти безрезультатные атаки, закрепиться на достигнутых рубежах и подготовиться к решающим боям по прорыву Голубой линии врага и уничтожению его на Таманском полуострове. Ставка утвердила это решение и приказала: «Впредь до особых указаний Ставки от активных наступательных действий на участках 37, 56 и 18-й армий следует воздержаться. На всем фронте перейти к прочной обороне на занимаемых рубежах, пополнить войска, привести их в порядок и иметь резервы. Разрешается вести частные активные действия на отдельных участках, только для улучшения своего оборонительного положения. Особое внимание обратить на безусловное удержание за собой плацдарма в районе Мысхако»[43].

Интенсивность и напряжение боев несколько ослабли, что сразу же почувствовалось. Но неправильно было бы думать, что, укрепляясь на завоеванных позициях, паши войска просто засели в окопах. Мы не оставляли противника в покое, беспрестанно тревожа его и нанося ему потери огневыми налетами артиллерии. В этот период по-прежнему велико было значение каждого вида оружия, начиная от ствола орудия до автомата и снайперской

винтовки.

О снайперах не забывали и в нашей дивизии.

В начале мая были организованы курсы снайперов для лучших стрелков, отобранных в батальонах и артиллерийских батареях. Занятия продолжались несколько дней. Из нашей батареи на них были вызваны шесть человек. Меня, как комсорга, пригласили на торжественное окончание этой учебы.

Стоявшие в строю около ста снайперов внимательно слушали командира курсов капитана Медведева:

— Советская снайперская винтовка — это лучшее в мире огнестрельное оружие с оптическим прицелом. Я рад, товарищи, что передаю это прекрасное оружие в ваши надежные руки…

Каждому курсанту была в торжественной обстановке вручена снайперская винтовка. По выражению лиц, по глазам ребят видно было, что они взволнованы.

Винтовки были и впрямь чудесные. Да и как могло быть иначе? Марка тульских оружейных заводов известна во всем мире издавна. А трехлинейная винтовка Мосина, усовершенствованная советскими конструкторами, почти не имела себе равных. Сконструированный совместными усилиями оружейников и оптиков великолепный оптический прицел давал возможность с максимальной точностью поражать цель.

— Мечта, а не винтовка, — говорили мы, рассматривая ее со всех сторон.

— Прекрасное оружие, — восхищались офицеры, сержанты.

— Но и получить его нелегко, — добавил кто-то. — А жаль, не раз пригодилось бы…

Это правда. Чтобы получить снайперскую винтовку, необходимо было окончить специальные курсы.

Всем курсантам вручили снайперские книжки. С этой поры в них должны были заноситься все успехи, достигнутые огромным самопожертвованием, расчетливостью, терпением и, что тут скрывать, немалым риском для жизни.

Вместе с книжками каждому вручили по полевому биноклю.

— При помощи чудес оптики фашистские укрепления и окопы к вам приблизятся. Но не забывайте, товарищи, что враг хитер и коварен. Не предоставляйте ему возможности, которой бы он мог воспользоваться, не попадайтесь на его уловки, о которых вам здесь говорили… Советский снайпер — человек внимательный, выдержанный и прежде всего терпеливый. Никогда не забывайте суворовского принципа: «Делай то, что враг считает невозможным, чего он никогда не ожидает», — давал последние напутствия командир курсов.

А курсанты, теперь уже дипломированные снайперы, не

могли дождаться того часа, когда выйдут на «охоту». Каждый из них имел свои счеты с теми, кто сейчас укрывался за укреплениями Голубой линии.

Прошло несколько недель. И вот вторая встреча со снайперами, на которую я опять был приглашен.

«Уничтожая врага, ты приближаешь день освобождения Родины» — приветствовали нас слова лозунга, вывешенного над дверями барака, где проходила эта встреча.

Собрание открыл майор Задорожный, политработник дивизии. Это был пожилой мужчина без левой руки. Руку он потерял в одном из боев.

В этой тишине, изредка нарушаемой далеким глухим гулом орудий или взрывами бомб, офицер подвел итоги действий снайперов отдельных подразделений дивизии.

— Снайпер сержант Андрюшкин уничтожил девятнадцать фашистов, в том числе одного офицера; снайпер младший сержант Мурашвили — шестнадцать фашистов; снайпер… — перечислял майор, заглядывая в свой полевой блокнот.

Вначале я слушал внимательно, но через некоторое время звания, фамилии, цифры почти перестали доходить до моего сознания. Несколько бессонных ночей на передовой давали о себе знать. К тому же воздух после ночной грозы был душный, и сильно парило. Усталость постепенно смыкала мои глаза.

— …Вот обычная снайперская винтовка, — вывел меня вдруг из оцепенения голос манора. — От ее пуль погибло пять фашистов. — Я снова слушал внимательно. Офицер поднял вверх винтовку и, улыбаясь как-то особенно тепло, закончил: —А вот и снайпер, младший сержант Мураловский Володя.

С бревна поднялся щуплый, с загорелым лицом боец. Несмелая улыбка застыла в уголках его тонких губ, а голубые, как небо над нашими головами, глаза блуждали где-то по краю недалекого леса. Глядя на это почти детское лицо с озорно вздернутым носом, трудно было поверить, что паренек этот — грозный истребитель фашистских вояк.

— Снайпер Мураловский уничтожил уже несколько фашистов, но не это основное, — говорил майор. — Важно то, что этот шестнадцатилетний боец находится среди пас и сражается наряду со взрослыми мужчинами. Так мстит он врагу за растоптанное детство… Счет за все беды и несчастья, который мы предъявляем врагу, огромен, — продолжал майор. — Не только на советской земле стонут иод гнетом фашистов народы. Нас ожидают и за границами Советского Союза и верят, что мы придем с помощью…

Но, как я узнал позднее, беды и несчастья Володи Мураловского начались еще задолго до войны. В первомайское утро 1936 года во Львове арестовали его отца, который вместе с такими же, как и он, рабочими требовал хлеба и работы. Напрасно в семье ожидали его возвращения. Годом позже умерла Володина мать. Беззащитный десятилетний мальчишка остался один. Таких, как он, заброшенных, голодных и оборванных, много было в те годы на улицах города.

Когда пришла Красная Армия, Володю поместили в детский дом, окружили заботой, дали возможность учиться. Так изменилась жизнь многих подобных ему мальчишек и девчонок.

К сожалению, это продолжалось недолго. Война прервала учебу и детство, так недавно обретенное.

Вагоны катились по рельсам все дальше и дальше на восток. В глубь советской земли увозили детей, чтобы укрыть их от преступной вражеской руки. Но Володя убежал из эшелона. Прибившись к одной из частей Красной Армии, он дошел с ней до предгорий Кавказа, а затем сюда, на кубанскую землю. Так я встретил этого юного поляка. Стоит ли говорить, какая это была радость! Мы обнялись крепко, по-братски.

Обеденный перерыв длился долго. Времени для разговоров было достаточно. Говорили и о наших солдатских делах. Представилась возможность ознакомиться и с записями в снайперских книжках, хотя, сразу замечу, они были большей частью лаконичны. По всему было видно, что большинство авторов гораздо лучше владели винтовкой, чем пером. Но за сухими, краткими словами стояли поистине геройские дела. Куда интереснее было слушать самих снайперов.

— Само собой, на ничейную полосу по грибы или по ягоды не ходят, — слушали мы в перерыве рассказ сержанта Андрюшкина. — Ни того, ни другого там не найдешь, потому что на этих кочках с гнилым мохом ничего не вырастет. Но чуть подальше, на сухом месте, в окопах сидят фашисты… Два дня, от зари до поздней ночи, выжидал, но фриц теперь стал хитрый и трусливый. Наконец на третий день смотрю: блестит что-то… Приготовился, а когда другой раз блеснуло, я его на мушку и взял. Однако вовремя догадался, что это только приманка. Но меня, старого рыбака, на чем попало не проведешь, думаю. Подожди, я тебе тоже покажу… И поднимаю вверх на длинной палке зеркальце. Один раз, второй, и тут зеркальце — вдребезги. Ну, думаю, рыбка схватила приманку, а через несколько секунд фашистский снайпер снова увидел блеск. И выстрелил. Но это уж был его последний в жизни выстрел. А часа через два, когда я отдохнул немножко, еще один фриц попался на мою удочку…

Зеркалец, правда, жалко, да что делать, выпросил у старшины еще несколько… Но такая штука с приманкой не всегда получается, надо быть осторожным…

Слушавшие весело рассмеялись.

А в итоге этого события в книжечке Андрюшкина появилась следующая запись, сделанная рукой заместителя командира батареи Пономаренко: «20.06.43 сержант Иван Андрюшкин, находясь в нейтральной полосе, ликвидировал двух гитлеровских снайперов».

На самом же деле все произошло далеко не так спокойно и даже буднично, как это могло показаться со слов самого рассказчика или из записи в его книжке.

Я-то хорошо это понимал, поэтому попросил сержанта, чтобы тот поподробнее описал овражек, откуда он стрелял и в котором укрывался почти три дня… А дни в июне, как известно, длинные, особенно когда остаешься один на один с тучами безжалостных комаров, в духоте испарений, исходящих от мха, под палящими лучами солнца и… под огнем неприятельских снайперов. Мы со своей огневой позиции хорошо видели, как через минуту после удачного выстрела нашего снайпера земля вокруг него была сплошь взрыхлена пулеметными очередями. А после следующего выстрела?..

— То, что случается потом, все знают… Привычное дело, и… лучше об этом не думать, — несколько смущенно и даже как бы оправдываясь говорил Андрюшкин. Но с того времени, как наш «охотник» вышел на фашистов, ребятам-пехотинцам дышать стало гораздо легче. Фашистские стрелки, оставшиеся еще на этом участке, не могли уже спокойно и свободно хозяйничать, как прежде. А сколько крови может попортить один снайпер, хорошо знали наши бойцы, день и ночь сидевшие в окопах на передовой. Что такое отличный стрелок, теперь уже почувствовал противник.

Гораздо разговорчивее был другой наш снайпер, сержант Ваня Грицюк из третьей батареи. Это был украинец из-под Житомира, сорока с липшим лет, полный, со всегда улыбающимся, круглым, загорелым лицом. Окруженный плотным кольцом слушателей, он рассказывал свою очередную историю «охоты».

— Хитренький он был, да и стрелял тоже метко, бисов сын… Пехота наша от него страдала, а ему что? Маскировался он добре. Так получаю задание у тот район… Поговорил с разведчиками, командирами, солдатами. Якась хитра штука. Тут, брат, тоби не забава, говорят. А то я сам не знаю, шо не на забаве, а на фронте… Итак, ридненькие мои, провел я несколько дней на передовой, а потом выдвинулся уже в нейтральную полосу. Сам

один ничого не смогу, думаю, когда познакомился с этим бисовым сыном. Тут треба шо-то таке выдумать. Тут треба наверняка, соколы вы мои.

— Слушай, ты, ридненький, покороче, а то перерыв закончится! — весело крикнул кто-то из задних рядов слушателей.

— А ты, ридненький, слухай внимательно и на вус мотай, бо для тебе теж может придатися, — отпарировал снайпер. — Так я и придумав. Угадайте, шо я придумав? Ну, соколы вы мои?

— Наверно, фрицу курицу показал, как она яйцо несет, а он забылся и рожу свою высунул…

— Ха, ха! — покатывались все вокруг.

— Так угадал, угадал, ридненький. Показал я ему и вправду то, шо он, бисов сын, любит… Но на этот сеанс мы пошли уж вдвоем, с Володей Мураловским. И зараз, с самого утра, как только солнышко поднялось, фашист и побачил. Ну, угадайте, что…

— Кончай, болтун. Кончай, а то ужина не дам! — потеряв, видно, терпение, сердито закричал пухлый, маленький, в белом колпаке на голове повар батареи.

— Дашь, дашь, ридненький, дашь, ще и подякуешь, як все съем. — Грицюк был в отличном настроении. — Так никто не знает, шо увидел их снайпер? Придется сказать. Д увидел он русского снайпера, который полз среди кочек мха.

Воцарилась тишина.

— Бисов сын, — после короткой паузы продолжал сержант, — не поверил, видно, своим глазам и… решил удостовериться в бинокль. А тут солнышко — а оно еще стояло наискосок, с востока, — и отразилось от стеклышек. Ох как отразилось!.. Так я этого только и ждал, ридненькие. И на мушку. Но проворен был, чертяка, — ему секунда понадобилась, чтобы убедиться: то и правда, какой-то Иван ползет. И выстрелил…

— Как, в Володю выстрелил? — не выдержали нервы у кого-то из бойцов.

— Ой, молод ты, ридненький, молод еще… И выстрелил, — спокойно тянул Грицюк, — но ничего из этого не вышло, и я снова поймал его на мушку. «Тяни», — приказываю Володе. И он снова потянул макет снайпера. У меня аж дыхание перехватило. И тогда фашист свой прицел поправил…

— А товарищ сержант тут его пулей и приправил, — подвел итог Володя Мураловский.

— Ой-ой-ой, ну и хитрецы! — Общий смех был наградой рассказчикам.

— А шо там, ридненький, дашь хорошего нам повечерять? —

обратился Грицюк к повару, тоже смеющемуся.

— Украинский борщ та пироги с капустой и грибами, — в тон ему ответил повар.

— Молодцы, ребята, молодцы! Я знал, что в хорошие руки отдаю эти винтовки, — раздался голос. Это был капитан Медведев. Снайперы окружили его плотным кольцом.

С Владимиром Мураловским позднее я встречался дважды. На прикладе его снайперской винтовки появлялось все больше зарубок — счет убитым фашистам. Выгоревшую, чуть просторную для него гимнастерку уже украшали орден Славы и несколько медалей.

Помню, как вместе считали мы километры, отделявшие нас от Польши. В начале сентября, во время дивизионного слета комсомольцев, мы пожелали себе встретиться следующий раз уже на берегах Черного моря.

И это желание исполнилось.

Только встреча была не такой, как мы ее себе представляли. В середине октября 1943 года, когда наши войска вышли на берега Керченского пролива, а на Кубани и Таманском полуострове не осталось ни одного вражеского солдата, кроме взятых в плен, просматривая дивизионные многотиражки, я увидел в одной из них портрет в черной рамке. На меня смотрело мальчишеское лицо Володи…

Не суждено ему было вернуться в свой родной город.

ВЫСОТА

Мы отчетливо видели, как они делали длинные перебежки. Потом потеряли их из виду. Покрасневшими от недосыпания глазами осматривали высоту. А она угрюмо молчала, ощетинившись стволами. Высота, одна из наиболее укрепленных в центральном районе гитлеровской обороны Голубой линии, ждала…

Солдаты делали теперь короткие перебежки, топча остатки травы, посеребренной утренней росой. Рывками вскакивая, они бежали, падали и снова бежали вперед. За ними остались пустые траншеи.

— Вперед, вперед!.. Скорей, ребята! — раздавались голоса. Мы слышали эти команды даже здесь, на краю леса, куда эхо доносило эти короткие приказы командиров.

Они хорошо знали, что их ждет через минуту, может, секунду… Знали также, что должны захватить высоту во что бы то ни стало. Таков приказ. Не знали только эти простые солдаты, что у отметки высоты 114,1 на карте задержалась рука Главнокомандующего…

«Для обеспечения наиболее выгодного исходного положения для наступления Ставка приказала за пять дней до начала основной операции провести частную операцию по захвату высоты 114,1 (восточнее Молдаванское)»[44].

Туман понемногу рассеивался над близлежащими лиманами. Вокруг царила тишина. Восходящее солнце румянило горизонт, и светлые отблески освещали атакующих солдат. Они бежали пригнувшись. Хотели побыстрее преодолеть эти двести — триста метров луга — полоску ничейной земли — и добраться до укреплений врага.

А высота продолжала молчать. Враг ждал…

Пули из автоматов и ручных пулеметов атакующих, как град, стучали по высоте и отскакивали от бетонных укрытий. Застрочили станковые пулеметы с опушки леса, поддерживая атаку. Описывая в воздухе полукруг, на высоту падали красные ракеты, указывая скрытые вражеские цели.

Заговорила наша артиллерия. Из-за спин атакующих пехотинцев, из тени лесной поросли неожиданно разразились огнем молчавшие до сих пор орудия и минометы. Это была разведка боем высоты 114,1.

Я отчетливо видел, как солдаты добежали до нее. Прямо перед ними оказались витки колючей проволоки и ряды заграждений. Солдаты легли на спину, быстро разрезая

ножницами проволоку. Они подтягивались, лежа на спинах, все ближе к черным виткам проволоки, лежа стреляли в еще не видимого врага.

Но враг вдруг ожил…

Высота отозвалась треском пулеметов и гулом минометов. Пули, словно рой пчел, пролетали через перекрученные мотки проволоки, дырявя землю. Их свист проносился уже над нашими головами. Противник поставил плотный заградительный огонь.

Но бойцы продолжали атаковать. Перед ними были стволы пулеметов глубоко зарывшегося в землю врага и все еще не преодоленные проволочные заграждения и минные поля.

Высота теперь дрожала, выла, громыхала… А на краю леса все еще отдавалось эхо приказов:

— Вперед, за Родину!..

— Ура-а-а, ура-а-а!

— Вперед, ребята, скорей!..

— Ура-а-а!.. Ура-а-а!..

Бойцы стремительно поднялись и бросились к проволоке, чтобы резать ее ножницами, разрывать прикладами винтовок. Головыми шашками они подрывали деревянные и железные колья, накрывали соломенными и плетенными из ивовых прутьев матами и плащ-палатками острые шипы. Вскакивали ногами на проволоку, затем падали, приминая заграждения. Кровь сочилась из ободранных рук, пот застилал глаза, но они, забыв обо всем, прорывались через эти клубки проволоки, чтобы наконец-то оказаться там, перед амбразурами фашистских дотов. Я продолжал наблюдать, как они вскакивали, преодолевая проволочные заграждения. Рвущиеся мины поднимали столбы черной земли. Высота буквально вся покрылась огненными молниями. Издалека донеслись первые выстрелы фашистских орудий, и снаряды разорвались возле нашей пехоты.

А та продолжала рваться вперед, атакуя препятствия.

— Батарея, к бою! — подняла нас команда старшего лейтенанта Пономаренко.

— К бою! — повторили командиры взводов лейтенанты Шавтанадзе и Заривный.

— Орудие, к бою! — крикнули командиры расчетов. Пушки нашей батареи открыли огонь.

Сквозь пороховой дым наши артиллеристы смотрели в направлении высоты. А там артиллерийские снаряды продолжали тщетно долбить бетонные укрытия. Во все стороны разлетались раскаленные осколки и врезались в землю…

Враг был хорошо укрыт и стрелял метко.

Первая атака пехоты захлебнулась. Цепи наступающих

залегли. Стихли наши орудия. Мы продолжали внимательно наблюдать. Видели, как разгоряченные бойцы прижимаются к пахнущей порохом земле и спекшимися губами жадно хватают росу, оставшуюся на уцелевших еще пучках желтой травы. Стрелковые роты залегли, готовясь к новому броску… Высота замолкла. Среди наступившей тишины еще громче раздавались стопы раненых. К ним уже пробирались санитары.

А высота продолжала молчать.

Мы видели, как постепенно наши солдаты начали отползать. Их было уже немного. Это были скорее остатки подразделений… Отползали они медленно, прижимаясь к изуродованной взрывами земле. Некоторые из них на спине тащили раненых. Солдатская дружба сильнее смерти.

Июньское солнце, поднимаясь вверх, осветило бегущие фигуры на самой высоте. Очевидно, сменялись вражеские посты либо спешили на помощь новые подразделения.

— По высоте… огонь!..

Наши батареи опять заговорили. В ответ вражеские снаряды вновь начали вспахивать землю, разрываясь среди отступавших пехотинцев. Враг не жалел снарядов. Он вел огонь против солнца, но спины пехотинцев хорошо были видны. Те же все еще находились на открытом лугу, медленно удаляясь от высоты.

Вскоре возобновились атаки на высоту. Появились эскадрильи наших самолетов. Завязались воздушные бои, сверху сыпались бомбы…

— Урожай войны — урожай смерти, — шептали мы, прижавшись друг к другу в перерывах между атаками пехоты, которую поддерживали своим огнем. У пас были на исходе снаряды…

«Однако и эта операция успеха не имела. Тогда Ставка приказала командующему фронтом: «Проводимые Вами действия впредь до особых указаний приостановить, имея целью приведение войск в порядок, пополнение частей и соединений, накапливание материальных ресурсов, повышение боевой подготовки войск, а также непрерывной разведкой противника уточнять его расположения и намерения и готовить войска фронта к продолжению наступления. Одновременно с этим прочно оборонять ныне занимаемые рубежи».

С этого периода до сентября войска Северо-Кавказского фронта активных наступательных действий не вели, а готовились к решающим боям на Таманском полуострове»[45].

Успешные действия Красной Армии против немецкой группы армий «Юг» и освобождение значительной территории Украины

создали благоприятные условия для наступления советских войск на Таманском полуострове.

В начале сентября войска нашего Северо-Кавказского фронта совместно с Черноморским флотом и Азовской флотилией одновременными ударами с суши и моря приступили к прорыву обороны противника и разгрому его группировки на Таманском полуострове, чтобы затем приступить к освобождению всего Крыма.

Наконец наступил этот долгожданный день — 12 сентября.

В семь часов в воздухе задрожало, завыло, загудело…

Снаряды «катюш», орудий и минометов разного калибра обрушились на Голубую линию, наиболее укрепленную и самую сильную оборонительную полосу гитлеровцев на Кубани в 1943 году. Разлетающиеся осколки шпиговали землю. Повсюду только огонь и дым.

На каждом километре фронта гремели батареи, выбрасывая сотни снарядов. Опустели укрытые в лесной чаще штабеля с боеприпасами. Их складывали здесь и маскировали, чтобы сейчас, перед самым наступлением, сбросить на головы фашистов. На этот раз все должно было завершиться нашей победой.

Стоял непрерывный грохот. Вдоль позиций наших войск проносился гул, вились клубы порохового дыма. Казалось, что какая-то могучая гора сползает в пропасть.

Над нашими головами пролетали снаряды легендарных «катюш». С ревом неслись они на укрепления Голубой линии, ярко освещая всю местность.

Измученные, черные от дыма, обливаясь потом, мы вели огонь без передышки. Мы ждали этого момента и теперь не жалели сил…

— Огонь… Огонь!.. — звучали среди общего гула команды.

Командиры орудийных расчетов только махали руками: вверх — вниз, вверх — вниз… Действия каждого расчета были точны, без лишних движений. Артподготовка наступления велась по плану. Здесь были люди с большим опытом, и в выполнение приказа они вкладывали всю душу.

Проходили минуты, орудия все еще вспыхивали огнем, а впереди нас не стихал все сотрясающий гул.

— Огонь… Огонь! — раздавались команды.

— Снаряды… Заряжай! — повторяли наводчики.

В ушах шумело, едкий дым ел глаза, першило в пересохшем горле. Стоя около старшего лейтенанта Пономаренко, я видел, как отсвечивали в утреннем солнце обнаженные по пояс фигуры артиллеристов.

— Прекратить огонь!.. Прекратить! — крикнул вдруг старший

лейтенант, держа трубку телефона, соединяющего его с командным пунктом командира батареи. Артиллерийская подготовка прекратилась так же внезапно, как и началась час назад. Но над нашими головами уже нарастал гул. Воздух дрожал. Это эскадрильи наших бомбардировщиков летели к фашистским укреплениям. И вот вниз полетели бомбы…

Из рощиц выползли стальные громадины наших танков. Гусеницами кромсая землю, они с ревом двинулись на врага.

Еще вздрагивала от взрывов земля, когда перед позициями противника, оставив позади пустые окопы и укрытия, оказалась наша пехота. Она бежала теперь вслед за танками. Снаряды фашистских орудий рвались все реже. В течение непродолжительного времени оттуда доносился только треск пулеметных очередей, но постепенно все стихло. Нам казалось, что там не осталось в живых ни одного человека.

Позади нас опять заговорила артиллерия. Это тяжелые дальнобойные орудия огневым валом поддерживали атаку танков и пехоты. А та, овладев первой позицией, шла в атаку на следующую.

Самолеты волнами пролетали над полем боя.

Дальность стрельбы наших орудий уже не позволяла вести огонь. В ожидании приказов артиллеристы сидели на пустых ящиках из-под снарядов, вытирали вспотевшие лица. Задымили толстые самокрутки, начались разговоры. Однако отдых продолжался недолго.

Орудийные расчеты подняла команда старшего офицера батареи. Артиллеристы снова бросились к орудиям, прицепили их к передкам. Подъехали автомобили.

Вперед… Преследовать врага…

Мы ехали догонять пехоту, но она уже не нуждалась в артиллерийской поддержке. Враг отступал по всему фронту. Голубая линия, считавшаяся гитлеровцами неприступной, была прорвана, а вражеские войска понесли большой урон.

Мы проезжали мимо высоты 1.14,1. Сейчас она как будто вымерла. Только стена пыли и дыма все еще висела над ней, и даже солнечные лучи не были в состоянии ее пробить.

Мы увидели жуткую картину. Разбросанные куски бетона, разбитые бревна, страшно исковерканная, изодранная и обожженная земля. А среди этой груды железа и бетона повсюду лежали человеческие тела — десятки, сотни. В рваной одежде, окровавленные, без касок, оружия и ремней, шли с поднятыми руками пленные. Убитых подбирали санитары из похоронных команд.

Мы миновали высоту 114,1. Где-то далеко впереди

продвигалась наша пехота, а вокруг раскинулась кубанская земля, свободная от врага. Позади остались тошнотворный запах порохового дыма, политая кровью земля и тень памятной высоты.

Много лет спустя я прочитал:

«14 сентября в 7 часов утра после 40-минутной артподготовки перешла в наступление 56-я армия, нанося удар на Киевское и Молдаванское и Нижне-Баканский… Войска 56-й армии прорвали центральный участок Голубой линии и овладели основными узлами сопротивления противника…»[46]

Для нас наступили прекрасные дни. Я имею в виду не чудесную погоду и прозрачный осенний воздух. Погода действительно была на редкость хорошая. Она напоминала мне те сентябрьские безоблачные дни на далеких южных рубежах моей родины, когда остатки нашей польской армии «Юг» переходили румынскую границу…

Теперь для нас, солдат, это были прежде всего дни побед. Потому они были такими прекрасными и радостными, хотя и нелегкими.

Противник оказывал сильное сопротивление, стремясь любой ценой задержать наше наступление. Однако неожиданные атаки наших подразделений во фланги наносили большие потери гитлеровцам, которые в спешке подрывали свои орудия, бросали оружие, склады с боеприпасами и продовольствием. Где уж тут было до планомерной эвакуации, если сам начальник штаба 17-й армии доносил в ставку Гитлера: «…придется восточнее Кубани уничтожить около 40 тысяч тонн имущества»[47].

Наступление продолжалось. Завершалась очистка от фашистов кубанской земли. А перед нами простирались таманские плавни и лиманы, приазовские разливы. Однако наступал период холодных осенних дождей. Но это было ничто по сравнению с тем, что чувствовали мы. Наши сердца были переполнены радостью побед и встреч со счастливыми жителями этой освобожденной земли. Радовались мы все вместе. Я же, разделяя счастье других, постепенно, с каждым метром фронтовой дороги, приближался к заветной цели — родным землям Польши, где нас так ждали.

А между тем мы гнали врага к водам Керченского пролива.

В ТОТ ОКТЯБРЬ

Вперед!

Мы снова гоним врага!

Помню те радостные, хотя необычайно трудные и тяжелые, дни. Враг отступал, но освобождать землю приходилось дорогой ценой. На многочисленных опорных пунктах он ожесточенно защищался, стремясь задержать наступление наших частей. Нелегко было овладевать этими укреплениями на промежуточных рубежах, тем более что сама местность была удобной для ведения противником оборонительных боев.

Однако мы продолжали без остановки продвигаться вперед.

«Преследуя врага и не давая ему задержаться на промежуточных рубежах, войска 56-й армии гнали врага с Таманского полуострова»[48].

Прочитав воспоминания Маршала Советского Союза А. А. Гречко, который описывает эти бои, и познакомившись с рельефом таманской местности по картам, я ныне более полно вижу и оцениваю ту местность с многочисленными лиманами и плавнями, которые мы должны были преодолеть. Хорошо помню, как мы по-фронтовому, с досадой ругали бесконечное бездорожье, по которому двигались орудийные расчеты нашей батареи.

«Черт побери, неужели здесь действительно нет лучшей дороги, а только эти болота, кишащие комарами, полные ила, липнущего к сапогам», — думали мы, с трудом выдерживая зловонный запах, вызывавший тошноту.

Но только по этим «дорогам» и можно было подойти к возведенным здесь многочисленным опорным пунктам врага. Нелегкими были эти «дороги», они стоили нам много сил и крови.

Мы знали, что в штабе дивизии и даже выше наверняка было хорошо известно наше положение. Впрочем, однажды нам сказали, о чем мы сами, старые, закаленные фронтовики, хорошо уже знали, что «легче идти по этим болотам и обходить гитлеровские укрепления, чем атаковать их в лоб…» Несомненно, мудрым и правильным было это решение. Благодаря ему мы избежали лишних потерь в людях и технике.

Для многих солдат здешний климат оказался тяжелым. Особенно мучила малярия. Многие солдаты и офицеры перенесли эту болезнь еще весной, во время распутицы. Я был одним из тех, кого малярия не обошла. По нескольку раз в день запивал я чаем желтый порошок… До сегодняшнего дня испытываю отвращение при одном воспоминании о нем. От него шумело в голове,

притуплялся слух, но лихорадка все же изводила… Трясло так, что никакой полушубок не мог согреть.

Каждое утро батарею поднимали по команде:

— За врагом, вперед!..

Привалы были преимущественно короткими, как и огневые налеты наших орудий, которыми мы поддерживали продвигавшиеся впереди нас подразделения пехоты. Мы продолжали гнать врага, несмотря на бездорожье, от которого особенно страдала наша тяжелая артиллерийская техника. Сколько же раз, сменяя огневые позиции, мы вынуждены были передвигать наши орудия на каких-то плотах, какому огромному риску здесь подвергался даже самый опытный водитель автомашины! Предательской была эта местность.

Но мы продолжали гнать врага. Немцы отступали на всем Таманском полуострове. Они очень боялись окружения и второго Сталинграда.

Враг бросался на нас с воздуха, поливал пулеметным огнем с флангов, забрасывал минами. Однако ничто не могло пас остановить. По вечерам мы подсчитывали километры пройденного пути. Мы приближались к берегам Черного моря и Керченского пролива. Комары уже не так досаждали нам, а может, это просто так казалось.

Помню, как после форсирования реки Старая Кубань мы вышли в тыл вражеских частей и начались ожесточенные бои. Наши самолеты разбрасывали тысячи листовок, призывавших немецких солдат сдаваться в плен и гарантировавших им жизнь. Но только немногие выбирали плен и жизнь, настолько огромен был груз их преступлений. Гитлеровские солдаты боялись ответственности и правосудия, поэтому пытались найти спасение… в таманских лиманах и плавнях…

— Дождались своего, — говорили солдаты, обходя вздувшиеся трупы.

Ударом во фронт был преодолен еще один оборонительный рубеж фашистов между Кизилташским и Ахтанизовским лиманами. Оттуда наконец мы вышли на западную часть Таманского полуострова. Перед нами на несколько десятков километров вправо простирался Таманский залив, прямо — воды Керченского пролива, а дальше — на юге — Черное море.

— Ну, ребята, уже недалеко, — подбадривал нас парторг Наумов.

— Это еще ничего по сравнению с тем, что мы пережили, — коротко отвечали солдаты. А в действительности каждый из них держался из последних сил, так как позади остались многие километры этой липкой, вязкой, болотистой почвы.

Если бы таманская земля могла говорить!.. Ведь она была свидетелем многих исторических событий. Здесь летом 1918 года разыгрались драматические сражения первого периода борьбы Красной Армии против Деникина. Большой отряд рабоче-крестьянской армии, так называемая Таманская армия, был тогда отрезан от основных сил войсками Деникина. Чтобы соединиться с ними, Таманская армия вместе с тысячами беженцев, спасавшихся от террора белых, прорвалась вдоль берегов Черного моря до Туапсе, а затем, ведя непрерывные бои с преобладающими силами врага, в исключительно трудных условиях пробилась через горы в Армавир. Нелегкими были бои на этом более чем пятисоткилометровом пути, который Таманская армия должна была преодолеть, чтобы в конце сентября соединиться с Красной Армией на Кавказе.

Проходя теперь невдалеке от тех мест, где вели когда-то героические сражения воины новой, Советской власти, я как бы вновь переживал события, описанные в книге Серафимовича «Железный поток», которую читал в Баку. Тогда я не мог предвидеть, что и меня солдатская судьба забросит в эти же края — на таманскую землю, к морю…

Прекрасное это чувство, если ты ощущаешь приближающееся мгновение исполнения заветной мечты, когда силы твои на исходе. Хочется жить, чтобы видеть плоды своего труда…

Из пота и крови рождаются фронтовые успехи и победы. А ведь насколько легче солдату переносить самый тяжкий труд и самую страшную опасность, если он уверен, что дороги, по которым идет, ведут к желанной цели. Мы были именно в таком положении. Я переживал это вместе с другими. Все мы видели и понимали, что наконец и нам улыбнулось фронтовое счастье.

С запада тянуло запахом моря, пропитанным йодом. Казалось, близок конец пути.

К сожалению, части нашей 45-й армии вынуждены были еще вести кровавые бои, преодолевая последние рубежи сопротивления гитлеровцев в районе кордона Ильич и в северной части побережья Керченского пролива. Бои по ликвидации этого последнего бастиона сопротивления немецких войск на Таманском полуострове продолжались с первых дней октября. Гитлеровцы оборонялись отчаянно. Отступать им было некуда — за их спиной шумели волны Азовского моря и Таманского залива. Любой ценой противник стремился удержаться на этом клочке суши. Гитлеровское командование категорически запретило своим войскам сдаваться в плен, как это, впрочем, было и зимой сорок третьего года под Сталинградом.

В тот день с самого рассвета несколько автомашин непрерывно подвозили снаряды для наших орудий.

— Будет чем накормить фрицев перед купанием в морских волнах, — шутили мы, сгружая тяжелые ящики.

— Скорей, ребята! — покрикивали водители, внимательно поглядывая на голубое безоблачное осеннее небо.

Где-то над головой раздавался рокот моторов «рамы» — фашистского самолета-разведчика. Он назойливо кружил высоко в небе, стараясь что-то высмотреть. Однако вскоре наши истребители отогнали его.

Ужин нам в тот вечер выдали более обильный и раньше обычного, к тому же каждый получил еще по сто граммов спирта… Мы тогда не знали, что в этот октябрьский день время вечернего приема пищи было нарушено не только в нашей батарее. Мы не знали, что приближается момент выполнения замысла командования нашей армии.

«Части армии вечером 8 октября после 30-минутной артиллерийской подготовки перешли в решительное наступление. К рассвету 9 октября они прорвали последний рубеж, прикрывавший подступы к косе Чушка, заняли кордон Ильич и вышли к берегам Керченского пролива. Разгромленные части противника были прижаты к морю и уничтожены… В 8 часов утра командующий 56-й армией доложил Военному совету Северо-Кавказского фронта: «…Таманский полуостров частями 56-й армии к 7.00 9 октября 1943 года полностью очищен от немецких оккупантов»[49].

Я не берусь воспроизвести здесь подробно картину напряженных боев, продолжавшихся свыше десяти часов, и описываю свои личные чувства, которые тогда испытывал вместе с товарищами по оружию, когда мы вышли к берегу моря. Правда, труднее всего мне вспоминать те моменты, при которых испытываешь глубокое волнение, будто только вчера это было. Одним из них я считаю именно финал боев на Таманском полуострове. Ведь тогда я уже знал, что мы вскоре будем форсировать Керченский пролив и вступим на крымскую землю или нас перебросят на Украинский фронт… Каждый из этих двух вариантов значительно приближал меня к родине, которую я продолжал видеть в мечтах и по которой сильно тосковал.

Ну, а потом?

В один из дней состоялось торжественное построение всей батареи. После доклада наш командир батареи, недавно получивший звание майора, приступил к чтению приказа командующего Северо-Кавказским фронтом. Помню, как внимательно слушал я слова майора Сапёрского. В приказе

командующего фронтом были такие слова: «В зимнюю стужу, в снежную пургу и метель, в степях Ставропольщины, в горах Кавказа, в сырой изнурительной духоте таманских плавней, под палящим солнцем, в едкой и душной пыли разрывов вражеских бомб и снарядов, под смертоносным пулеметным огнем скромно и просто шли бойцы и офицеры, горя желанием разбить и уничтожить врага, освободить землю от вражеской нечисти. Солдаты и офицеры Северо-Кавказского фронта проявили беспримерный героизм, мужество и боевую доблесть»[50].

В конце приказа командующий фронтом поздравил весь личный состав с одержанной победой.

Затаив дыхание, мы слушали слова приказа.

«Там, за узким проливом, находится Керчь, а дальше — Крым… Где-то там вздымаются вверх скалы Чатырдага, — думал я, глядя вдаль. — Увижу ли те места, где Адам Мицкевич создал прекрасные «Крымские сонеты»?» Так хотелось мне дотронуться руками до серой обложки тоненькой книжечки, лежащей в кармане гимнастерки. Спутник моих фронтовых дорог по-прежнему лежал у самого сердца. С первого дня того трагического польского сентября сопровождала меня эта книжечка. Мог ли я ожидать, что от Бещадских гор и лугов, а потом через кубанские степи, предгорья Кавказа и таманские плавни мы дойдем наконец сюда, к берегам моря, так близко к местам, где в тоскующем сердце нашего великого земляка родились эти стихи?

— Через Керченский пролив успела удрать часть войск врага. Мы будем их преследовать и догоним. Полностью очистим нашу советскую землю. Однако мы должны, товарищи, спешить, ибо нас ждут не только там, за этими морскими просторами… — сказал после зачтения приказа командир нашей батареи.

«Из моего сердца берешь ты эти слова», — думал я, с благодарностью глядя на статную фигуру молодого советского офицера.

Сквозь белую мглу проглянуло солнце.

Начался солдатский митинг.

А в это самое время…

На далеких влажных лугах, под местечком Ленино, Могилевской области, рождались первые главы истории польско-советского братства по оружию. Оно родилось в огне боев и побед, а совместно пролитая кровь польского и советского солдата навечно сцементировала наши народы.

Не знал я тогда, что 12 октября 1943 года, в такое же туманное утро, более четырнадцати тысяч костюшковцев поднялись по команде: «Вперед, за Польшу!»

И они пошли… На запад вела их дорога, к этим изрезанным узкими полосками полям, к пахнущим смолой лесам, обширным мазовецким равнинам, родным домам…

Митинг продолжался.

Командир батареи все еще говорил. Это были простые солдатские слова и вместе с тем пламенные, полные любви к Родине. О трудностях и надеждах своей родной земли говорил майор. Потом слово взял парторг Наумов. Он обращался к присутствующим, как к сыновьям. Большая человеческая забота звучала в каждом слове этого коммуниста, ибо, как всегда, он подчеркивал: жизнь человека бесценна, и ею надо дорожить.

Я, как комсорг батареи, тоже выступил. Помню, что говорил о трудностях и невзгодах солдатской жизни, о радости побед, о братстве по оружию и о тех, кто все еще ждет нас, в частности, в далекой отсюда Польше.

В то время, когда я выступал, костюшковцы уже шли в атаку на окопы врага, преодолевали минные поля и проволочные заграждения, укрепленные огневые точки, шли под огнем орудий, минометов, винтовок и пулеметов… Не взирая ни на что они шли только вперед.

Известие об этом первом историческом сражении польской 1-й пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко дошло до нас несколько позже.

Спокойно я глядел на волны Керченского пролива. Они продолжали шуметь, а воздух, пропитанный запахом йода, был сейчас удивительно неподвижен.

Будет шторм, предчувствовали мы.

— Разойдись! — раздалась команда.

Окончились торжественное построение и короткий митинг. Мы пошли на отдых, и сразу же на морском берегу стало многолюдно. Несмотря на холод, многие артиллеристы бросились в соленую воду выкупаться.

Через много лет, в октябре 1967 года, при посещении исторических мест боев под Ленино экскурсовод, седовласый старичок, сказал мне:

— Помню вас, поляков, и бой за нашу деревню. Очень спешили вы. Многие погибли. Потом я помогал их хоронить в этой братской могиле. Больше пятисот…

Я слушал его слова о героях, которые остались здесь навсегда, и о тех, кто, залечив раны, пошел дальше на запад.

«Военная судьба была ко мне, пожалуй, благосклонной», — думал я, осматривая исторические места боев моих братьев, солдат-костюшковцев.

Сопровождавший меня старик полагал, видимо, что я один из

тех, кто был здесь в 1943 году. Я не стал рассеивать его заблуждения. Не сказал ему, что именно в это время мы сидели на берегу Азовского моря, жадно курили цигарки, рассказывали солдатские анекдоты. Одним словом — отдыхали. Но это был отдых перед дальней дорогой…

Мой собеседник восхищался мужеством костюшковцев. Рассказывал, что тысячи людей посещают эти памятные места боев… Слушал я его внимательно. А кругом раскинулись плодородные поля. Здесь вырос красивый город Ленино, и в самом центре его, в этом исторически важном для польского народа месте, воздвигнут прекрасный памятник в честь погибших здесь братьев-поляков. Каждый, кто приходит сюда, на эту прекрасную землю, обильно политую кровью польских и советских воинов, испытывает глубокое волнение.

Нет, не сказал я своему проводнику, что впервые в жизни в этих местах. Я колебался, стоило ли сказать ему, что в то время, когда здесь проходило сражение, я был отсюда более чем за тысячу километров по прямой на юго-восток и носил тогда фуражку с красной звездочкой. «Впрочем, так ли это существенно: орел или звездочка на фуражке? — подумалось мне. — Ведь мы были в одних рядах, независимо от национальности, и боролись за общую цель: «За Вашу и Нашу свободу»…»[51].

НА БЕРЕГУ МОРЯ

Я стоял на берегу моря и смотрел в синюю даль горизонта, где пенились в вечном танце бушующие гребни волн. Темно-зеленая вода шумела монотонным бесконечным гулом.

Море!

Как жаждал я его увидеть! И наконец…

Еще в Польше мечтал увидеть когда-нибудь крутые Крымские горы, сохранившие память о земляке-скитальце — великом поэте-пророке Адаме Мицкевиче.

> Мне любо, Аюдаг, следить с твоих камней,
> Как черный вал идет, клубясь и нарастая,
> Обрушится, вскипит и, серебром блистая,
> Рассыплет крупный дождь из радужных огней[52].

Я знал, что Адам Мицкевич, бродя по светло-коричневому хребту Медведь-горы, восхищался отдаленными вершинами Демерджи и Чатырдага… И, глядя вниз, в далекую долину у моря, любовался красотой Алушты…

> Чернеют гребни гор, в долинах ночь глухая,
> Как будто в полусне журчат ручьи впотьмах;
> Ночная песнь цветов — дыханье роз в садах —
> Беззвучной музыкой плывет, благоухая[53].

Нескончаемая голубизна морских вод напоминала поэту вьющуюся ленту голубого Немана, затерявшегося в литовских пущах.

> Дугою к северу мильоны звезд взошли.
> Кто мог в одну стезю их слить волшебной силой?
> Не ты ль огнем очей, потушенных могилой,
> На Польшу яркий путь зажгла в ночной дали?[54].

Я просто не мог поверить, что нахожусь так недалеко от тех мест, где родились эти прекрасные стихи. Я был одним из тех, кто дошел сюда. Передо мной земля моей юношеской мечты. Достаточно только преодолеть эту преграду из морских волн — и очутишься среди голых высоких скал Керчи, откуда до Крыма уже совсем недалеко.

Крымская земля…

Я читал об этой волшебной земле, которая восстанавливает здоровье и силы, которая славится зелеными садами и золотистыми черноморскими пляжами, которая богата сокровищами культуры разных времен и многих народов. Земля эта, растоптанная сейчас сапогом захватчика и зверски терзаемая, ждала избавления и свободы — ждала своих сыновей, солдат Красной Армии.

Где-то далеко справа, острым и изогнутым клином врезаясь в пролив, растянулась коса Чушка. Спустя много лет начальник Объединенного штаба Вооруженных Сил Варшавского Договора генерал армии С. М. Штеменко, вспоминая те времена, писал: «Когда-то, еще в мирное время, мне не раз доводилось наблюдать, как вот этим же путем колхозники Кубани транспортировали на лодках неправдоподобно огромные арбузы. Гребцы медленно, будто бы даже лениво, опускали и поднимали весла. Ритмично постукивали уключины. Ярко сияло солнце. Все дышало покоем и благополучием. Хотелось самому лечь на дно лодки и без конца смотреть в ласковую голубизну неба. Не то было теперь»[55].

Действительно, там, где когда-то проходил этот водный путь, еще не было покоя и мира. Вода и земля взлетали теперь от взрывов снарядов. Враг систематически обстреливал пролив, а его самолеты охотились за нашими судами и кораблями, заходили в глубь территории освобожденной уже таманской земли.

И не за горами была уже зима, которая в том году на Керченском полуострове обещала быть очень суровой. Уже теперь по ночам над проливом постоянно поднимался густой, как молоко, туман, который только на рассвете лениво уплывал вдаль.

Я не знал, что в скором времени эта коса станет трамплином для Отдельной Приморской армии, которая захватит на другом берегу небольшой плацдарм. После почти семи месяцев ожесточенных боев, в 1944 году, эти войска будут торжествовать, полностью освободив Крым…

А пока…

Небо над нами чернело от густой тучи дыма после ожесточенных сражений. Мы получили передышку. Недалеко у пристани стояли полузатопленные суда. Врагу не удалось уйти от возмездия. На берегу валялись трупы гитлеровцев, некоторые из них были выброшены на берег морскими волнами.

Но фашисты продолжали оказывать упорное сопротивление.

Всюду виднелись доты, дзоты, глубокие зигзагообразные траншеи. Мощные прибрежные укрепления были разрушены снарядами нашей артиллерии, бомбами. В глубоких воронках

блестела вода. Консервные банки, немецкие автоматы, гранаты — все это валялось у нас под ногами. Поперек траншей еще лежали пешеходные мостки, а перед траншеями шла бесконечная, длинная шеренга надолб, обвитых колючей проволокой.

— И это им не помогло…

— Все побросали, чтобы легче было унести ноги…

— Мало кому это удалось…

— Чего заслужили, того и дождались, — разговаривали между собой солдаты.

Враг пожинал плоды посеянной им бури.

С первых дней января по 9 октября 1943 года, ведя наступательные действия на Северном Кавказе, наши войска прошли с боями около восьмисот километров.

Теперь за нами оставалась освобожденная от гитлеровских оккупантов огромная территория — площадью около двухсот тысяч квадратных километров. Здесь с января по 9 октября враг понес огромные потери. О них стоит напомнить.

«Советские войска за этот период уничтожили около 275 тыс. и захватили в плен свыше 6 тыс. солдат и офицеров противника, уничтожили и подбили 890 танков, свыше 2 тыс. самолетов, 2127 орудий, 1394 миномета, около 500 пулеметов, свыше 7 тыс. автомашин; авиация и корабли Черноморского флота потопили более 600 различных судов противника. За это же время советские войска захватили 458 танков, 1392 орудия, 1533 миномета, 35 414 винтовок и автоматов, свыше 15 тыс. автомашин, большое количество паровозов и вагонов и много другого военного имущества»[56].

Разгром гитлеровцев явился неоспоримым свидетельством полного провала операции «Эдельвейс». Подобная участь постигла также операцию, получившую условное наименование «Брунгильда», — ускоренная эвакуация в Керчь 17-й гитлеровской армии с Таманского полуострова. Лишь немногим из этой армии удалось спастись. «Кто посеет ветер, тот пожнет бурю» — говорит русская пословица. Это мудрое предсказание сбывалось на наших глазах. Немцы дорого платили за свое варварское нашествие на советскую землю.

Нашей радости не было предела. Она была у каждого из нас в сердце, во взгляде, в выражении лица. Видели мы, как на юго-востоке сверкали, отражая лучи солнца, далекие вершины Кавказских гор. Впереди, на западе, над высокими голыми скалами Керчи, повис огромный красный солнечный шар. Из-за этих скал иногда долетали снаряды немецкой дальнобойной артиллерии, но мы на них уже не обращали внимания. Мы теперь

жили планами нового наступления. После стольких месяцев тяжелых боев мы наконец могли любоваться темно-голубыми волнами моря. Временами даже казалось, что война где-то далеко-далеко от нас…

Однако действительность была иной. Страна еще не была освобождена от врага. Нас ожидал еще длинный и трудный путь сражений.

— За Керченским проливом полно фашистов. От нас зависит, сократятся ли дни неволи родной земли. Нас ждут не только там, за этими волнами, — постоянно напоминал нам парторг батареи.

В один из дней командир батареи зачитал нам воззвание Военного совета Северо-Кавказского фронта к войскам, в котором говорилось: «Вы одержали огромную победу, очистив полностью Кавказ и Кубань от проклятого и подлого врага. В борьбе с фашистскими палачами вы показали чудеса храбрости, героизма и самоотверженности. На долгие годы не померкнет ваша слава, слава героев битвы за Кавказ и Кубань. Вы честно и храбро выполнили одну боевую задачу. Перед нами стоит вторая, не менее ответственная и не менее важная задача — ворваться в Крым и очистить его от немецко-фашистских захватчиков… В данный момент самое главное и важное — форсировать и преодолеть Керченский пролив»[57].

С этого времени вместе с другими частями мы стали готовиться к высадке десанта на тот, невидимый берег пролива, отгороженный от нас полосой бурлящей воды шириной в несколько километров. Но ночам мы наблюдали за далекой розовой лентой зарева, словно там постоянно всходило, но никак не могло подняться солнце.

Вторая половина октября выдалась непогожей. Дули сильные ветры, шли проливные холодные дожди, а по уграм висел густой туман. К сожалению, той осенью не было так называемого бабьего лета. В мелко выкопанных землянках хлюпала под ногами вода.

А бурные волны беспрерывно шумели, яростно ударяясь о скалистые берега. За этими разъяренными морскими волнами скрывались изрезанные окопами крутые восточные берега Керченского полуострова, лес стволов вражеской артиллерии, тысячи глаз зорко ощупывали пенистые воды пролива.

Там находилась цель нашего наступления…

В рыбачьем поселке, в невысоких домах, крытых черепицей, расположились штабные части и санитарные подразделения. Разъяренный вихрь срывал с каменистой земли колючий песок. В этом поселке также стояли саперные подразделения, которые днем и ночью сколачивали плоты, конопатили старые лодки. Десятки просмоленных лодок были уже укрыты в прибрежных

песках.

Через несколько дней мы переправляли орудия нашей батареи. На сколоченных из досок плотах с прикрепленными под ними бочками из-под бензина предстояло перевезти орудия и артиллеристов на другой берег. Рыболовные катера должны были отбуксировать нас через пролив.

— Эх, только бы добраться до того берега! Только до того берега! — говорили мы, глядя на бушующие волны и ожидая, когда утренним рассветом или ночью поднимут нас и бросят в пенящуюся воду.

В эти дни большую часть светлого времени мы проводили у моря, обучаясь быстро грузить орудия на плоты, отплывать от берега. Мы бросались в одежде и с оружием в студеную воду, с криком «ура» штурмовали берег. Но это был пока наш берег, а не тот…

— Прежде чем попадем на крымскую землю, вволю наглотаемся воды, — говорили мы командиру батареи в короткие минуты отдыха.

— Там вода еще солонее, поэтому привыкайте к этому постепенно, — отвечал он, улыбаясь, и, видя наши озябшие лица, громко подавал команду:

— За мной, бегом!

Ночью солдаты чихали, давились от кашля, но наш командир был неумолим.

— При подготовке к десанту никакой поблажки себе давать нельзя, — говорил он офицерскому и старшинскому составу. — Все это потом окупится с лихвой, — добавлял он, видя наши похудевшие и почерневшие лица.

Мы знали, что наш молодой, но опытный командир батареи прав. Мы уже привыкли к тому, что ожидало нас завтра, послезавтра, самое позднее — через несколько дней. Кстати, я именно тогда научился плавать. Впрочем, не только я. Необходимость плюс приказ многих заставили научиться этому.

Знали мы также, что у командования фронтом наверняка были серьезные основания спешить с высадкой десанта, ибо враг мог использовать каждый день, каждый час, чтобы укрепиться на восточном берегу полуострова. Приближался конец октября, наступало время штормов.

Тянулись хмурые дни. Все чаще налетал ураганный ветер. Но ведь никакой катер, никакая рыбачья лодка не выйдет в такую погоду в море. А оно было грозным. Вздыбленные двухметровые волны обрушивались на берег с оглушительным ревом, густая водяная пыль искрилась в лучах заходящего солнца. Ночи стояли безлунные. С моря продолжали наплывать черно-фиолетовые

тучи. Как же выходить в море на наших катерах и плотах?.. Если поднимется шторм, он разобьет их в щепки. Однако мы знали также, что нет силы, способной удержать нас от выполнения приказа: «Вперед, за Родину!..» Мы понимали, что нас ждет еще одна задача — не дать врагу времени правильно оценить обстановку.

Тогда, помнится мне, командир батареи начал опять напевать любимую песню «Лизавета»:

Приеду весною,
Ворота открою,
Я с тобой, ты со мною —
Неразлучны навек…
Эх, как бы дожить бы
До свадьбы-женитьбы
И обнять любимую свою!

В свободные минуты отдыха, днем и вечером, пели мы эту песенку. Она успокаивала наши измотанные солдатские нервы, снимала беспокойство. Однако напряжение возрастало.

В тот день над проливом появились красивые кудрявые облака, озаренные лучами восходящего солнца. У берега неспокойно кричали чайки. Тяжелые волны омывали прибрежные каменные глыбы, пенились и с шумом откатывались, чтобы вновь вернуться, и так без конца.

В утренней серо-голубой дымке вырисовывались далекие лиловые контуры Крымских гор…

— Ну, начинается, ребята? — беспокойно обменивались вопросами артиллеристы батареи. Только командир и офицеры молчали. Может, они уже что-то знали?

А на следующее утро вдруг последовал приказ приготовиться к маршу. Мы прощались с берегами Керченского пролива. Впереди нас ожидали беспокойные дни и ночи.

Спустя годы в мемуарах моего командующего армией я прочитал такие слова:

«Успешное завершение битвы за Кавказ дало возможность высвободить крупные силы Красной Армии и использовать их на других участках советско-германского фронта»[58]. Приятно сознавать, что в этой битве принимал участие и я.

Наша 395-я гвардейская Таманская дивизия была направлена под Киев, где мы вошли в состав 1-го Украинского фронта.

Что же происходило на берегах Керченского пролива?

Ночью 3 ноября первые наши подразделения высадились на полуострове. Неясные очертания крымского берега открылись перед нами в сумерках. Гора Митридат, волнистые контуры скал… С косы Чушка наших поддерживали огнем несколько сот орудий.

Однако враг не спал. Гитлеровцы открыли ураганный заградительный огонь. Разлетались в щепки плоты, горели катера, солдаты бросались в ледяную воду, чтобы вплавь добраться до берега, где окопался враг. Яркие дрожащие лучи прожекторов освещали пенящиеся волны, корму кораблей, каски и бледные лица десантников… Но по суше, стреляя на ходу, уже бежали первые автоматчики. Расчеты устанавливали пулеметы, над берегом неслись клубы дымовой завесы.

Потом над клочком земли, за который зацепились моряки и пехотинцы, бесконечно летали фашистские бомбардировщики, днем и ночью бушевал огонь, враг продолжал контратаки. Он располагал танками, противотанковыми орудиями, артиллерией крупного калибра, большим количеством живой силы. Он имел возможность в любой момент подбросить подкрепление, боеприпасы…

Но мы выдержали.

В начале апреля войска 4-го Украинского фронта — со стороны Перекопа — и Отдельная Приморская армия — со стороны Керчи — начали решительные бои за освобождение Крыма. Они захватили Феодосию и, преследуя немецкие и румынские части, вступили в горно-лесистый район в направлении Старый Крым, Карасубазар, Симферополь.

Командующий гитлеровской группой армий «Южная Украина» генерал-полковник Шёрнер 20 апреля 1944 года издал приказ подчиненным ему войскам, в котором писал:

«В ходе боев мы вынуждены были покинуть обширную территорию. В настоящее время мы стоим на границе района, который имеет решающее значение для дальнейшего хода войны и для окончательной победы. Теперь мы должны ожесточенно, с величайшим фанатизмом защищать каждый метр земли; Стиснув зубы, должны вгрызаться в землю и не отдать ни одной позиции. Наш фатерланд смотрит на нас с напряженным вниманием. Он знает, что вы, солдаты группы армий «Южная Украина», держите теперь в своих руках судьбы всего нашего народа…»

Предвидел судьбу своих солдат генерал Шёрнер. Они действительно вгрызлись в эту землю и остались в ней навсегда.

А потом были бои за небольшой район мыса Херсонес. И он также был усеян трупами вражеских солдат. На вспаханной снарядами, пахнущей порохом и дымом земле осталась масса

разбитой гитлеровской военной техники.

Весь Крым в то время расцветал яркими майскими цветами, и люди могли наконец радоваться красоте весны и так долго ожидаемому счастью свободы.

ЧЕРЕЗ ЗЕМЛИ УКРАИНЫ В ПОЛЬСКИЕ БЕЩАДЫ

МИШКА

Я был на Украине.

Больше недели ехали мы по железной дороге. И здесь не обошлось без боев. Трижды наш эшелон атаковала фашистская авиация. Были убитые и раненые. После каждого налета врага эшелон останавливался. Мы хоронили тех, кто навсегда был вырван из наших рядов. И но сей день не могу забыть глубокой скорби, какую я испытал, когда в наскоро выкопанную могилу положили санинструктора нашей батареи сержанта Нину Андреевну Полапову. Ее обернули в широкую плащ-палатку, и из-под нее видны были ее длинные светлые косы, слипшиеся от застывшей крови… Нина Андреевна была родом из-под Киева. Помню, как она тосковала по родным местам и как она обрадовалась, когда мы грузились в эшелон, который должен был везти нас в те края. Увы!.. Слезы подступали к горлу, когда я бросал горсточку мерзлой и твердой как камень земли на тот одинокий могильный холмик. Сколько их мы оставили на нашем пути, освобождая украинскую землю!

По этой земле войска 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов победоносно продвигались вперед. Через обширную территорию Правобережной Украины вел их на запад боевой путь.

И вот мы в предместьях Киева. Наши войска с боями оттесняли врага на запад. Сразу же после выгрузки батарею направили на фронт.

Фашистское рабство и фронтовые бои изменили вид украинской земли. Вишневые сады, белые стены домов, высокие соломенные крыши, стройные березы и развесистые ивы, так прекрасно описанные в думах Шевченко, выглядели сейчас как после землетрясения. Руины, развалины, пепелища. Бомбами, артиллерийскими снарядами, сетью траншей и окопов искалечена эта земля. Кое-где среди пепелищ торчали уцелевшие трубы, как отчаянно вытянутые руки, взывающие к возмездию…

С радостью встречали нас женщины, дети, старики… По их исхудалым лицам текли слезы.

— Вернулись, миленькие, вернулись, наши соколы!..

— Ждали мы, все время ждали вашего возвращения!..

Незабываемые это были дни.

Я принимал участие во встречах на этой земле, растоптанной войной. Однако мысли мои постоянно возвращались к далекой польской деревеньке, где огромные липы и белые березы заслоняли покосившуюся, крытую соломой избу…

«Когда-нибудь и туда дойдем», — думал я.

Друзья понимали мое состояние.

— Подожди, друг, подожди, и из твоей страны прогоним врага, — утешали они меня. Это были простые, очень сердечные люди. Во время боев, постоянно находясь на волоске от смерти, никто из них не думал только о себе. Там, в Кавказских горах, делились мы щепоткой горького жмыха и печеными на огне каштанами. Солдатская дружба крепла с каждым пройденным километром фронтовых дорог, которые вели нашу батарею через растоптанные и разоренные степи Кубани, таманские плавни, по берегам Азовского и Черного морей, а затем среди этих широких полей Украины… Каждый клочок освобожденной родной земли радовал моих боевых товарищей, но они не забывали, что их ждут и в других странах.

— Дойдем обязательно… Уже недалеко.

Прекрасной была эта солдатская дружба. Печаль и радость были общим достоянием. Победа — единодушным желанием.

— Придем, Станислав, в Польшу, конечно, придем. Прогоним врага, посмотрим на девчат в твоей стране… Красавицы, наверное… — часто говорил Миша Сорокин, угощая махоркой из своего потертого кожаного кисета.

— А пригласишь нас? Угостишь польской горькой и яичницей с колбасой? — часто шутили старшина Андрей Назимов, повар Ваня Малашкевич и многие другие, чьи фамилии я просто не смог запомнить и прошу простить меня за это.

— Ну что, комсорг, недалеко уже до границы… Скоро увидим польскую землю! — Командир батареи но привычке похлопал меня по плечу. — Не забыл ли ты того разговора во время нашей первой встречи там, под Ростовом?

— Разве возможно забыть?.. Ведь я знал, верил, что сбудутся ваши слова, товарищ майор. Они ведь отвечали моему заветному желанию…

— Не только твоему желанию, не только твоему, Сташек, — добавил по-польски майор Сапёрский каким-то сердечным, тихим голосом.

Я был благодарен моему командиру и друзьям-артиллеристам за их внимание ко мне. Я тоже никогда не забуду тот вечер, один из последних дней июля 1942 года, когда около могилы Казика Червиньского командир и политрук утешали меня, говорили, что я среди них не останусь одиноким, найду здесь семью, прежде чем возвращусь в родную… Так и произошло.

За теплоту и сердечность я полюбил этих людей, которые хотели увидеть польские деревни и города, леса и поля, где их ожидали так же горячо и давно.

Однако долго, очень долго тянется фронтовое время, и самые горячие желания не в состоянии сократить его. Враг предчувствовал свою гибель и боялся расплаты за содеянные преступления. За каждый метр земли шли ожесточенные бои. Медленно продвигались мы по фронтовым дорогам на запад… в Польшу.

В предместьях Киева нас встретила настоящая украинская зима. Большие снежные завалы затрудняли движение автомашин, которые тащили наши орудия. Иногда их приходилось переносить чуть ли не на руках. Земля промерзла, затвердела. Часто мы ночевали в «землянках», вырытых в снегу. Одежда наша тоже порядком поизносилась: уже потертые шинели и фуфайки и далеко не новые сапоги…

Однажды, когда мы ехали с несколькими артиллеристами на грузовике, нам повстречался военный эшелон со снаряжением, который бомбили фашистские самолеты. Горели вагоны, а в них полушубки, валенки, ватные брюки… Не обращая внимания на осколки от бомб и огонь, мы бросились спасать ценное имущество. Ребята мигом справились, и мы нагрузили полную машину. Фашистский летчик, сбросивший две бомбы, к счастью, промахнулся…

Командир батареи, узнав, каким образом мы раздобыли имущество, похвалил нас. С этого дня почти половина личного состава батареи щеголяла в валенках и теплых полушубках.

…Однажды утром батарея заняла позиции на западном краю леса напротив хутора Вишнивка. Пехота была остановлена среди заснеженных полей сильным огнем фашистов.

Подавить пункты сопротивления, проложить проход для пехоты — получила задачу батарея.

Фашисты, скрывшись в бункерах и за стенами домов, отчаянно оборонялись.

Командир батареи быстро нащупал пулеметные гнезда врага.

— Цель — дома, станковые пулеметы в окнах… Осколочным!.. — раздавались команды старшего лейтенанта Пономаренко.

Позиции пашей батареи, несмотря на то что мы неплохо замаскировались, очевидно, были обнаружены врагом. Вначале нас обстреливали пулеметы, а вскоре мы оказались в кольце разрывов вражеских мин. Свист и грохот все усиливался, но не было времени обращать на это внимание. Исполняя тогда обязанности химинструктора батареи, я во время боев всегда помогал орудийному расчету, заменял раненых или больных. Сейчас я находился при втором орудийном расчете. Его командир старший сержант Сорокин до сих пор почти беспрерывно

рассматривал в бинокль пылающий перед нами хутор. После приказа командира батареи открыть огонь он опустил бинокль и схватился руками за голову.

— Мишка, что с тобой? — крикнул наводчик Коля Усиленно.

Я подскочил к командиру орудийного расчета, тронул его за плечо.

— Тебя ранило? — спросил я с тревогой.

— Ничего, ничего. — Мишка выпрямился. Он был очень бледный, губы его дрожали. Подбежал к орудию.

— А ну, Коля, разреши… Я за наводчика…

Наводчик Коля Усиченко с удивлением посмотрел на своего командира, потом на меня, но, ничего не сказав, отступил назад, чтобы передавать дальнейшие команды.

— Четыре снаряда… — слышались голоса среди воя и разрывов вражеских снарядов. По команде «Огонь» Мишка снял ушанку и отбросил ее в сторону. Потянул за шнур. Нас окутал запах сожженного пороха.

— Залпом — огонь!.. Огонь!.. — Коля продолжал передавать команды.

Снаряды наших 76-миллиметровых орудий били по домам, хозяйственным постройкам и дальше, в глубь хутора. Через мгновение дым и огонь все заслонили.

— Прекратить огонь!..

Грохот орудий внезапно утих, только в ушах все еще стоял звон да откуда-то со стороны хутора доносились приглушенные крики.

Пехота двинулась вперед.

Для артиллеристов наступила минута отдыха. Они садились на пустые ящики от снарядов, вынимали махорку, делали из газет козьи ножки и долго, жадно затягивались этим удушающим ароматом. От разбросанных вокруг гильз пахло едким дымом.

Я пошел к Мишке. Я любил этого седоватого, рассудительного товарища, с которым, бывало, мы делились крохами хлеба или скудным содержимым котелка. Он все еще стоял без ушанки, прислонясь к орудию, а волосы спадали на его бледное лицо. Он не прятал глаз, и я впервые увидел в них слезы.

Рукавом гимнастерки Мишка долго, медленно утирал щеки.

— Это, ребята, моя деревня…

— Вперед!.. — подхватила нас команда старшего лейтенанта Пономаренко.

Фашисты отошли за разрушенный хутор, чтобы закрепиться в лесу, темневшем на западном горизонте. Паша пехота перешла к преследованию, чтобы не дать противнику возможности организовать оборону.

Хутор Вишнивка обволакивал дым от догорающих домов. Спасать уже было нечего. Жители выходили из подвалов, многие из которых были засыпаны и завалены рухнувшим перекрытием.

Здесь мы задержались на несколько минут. Командир батареи только сейчас узнал всю правду о переживаниях командира второго орудийного расчета.

— Мой дом стоял почти посредине хутора, — шептал Миша. — Вот где-то здесь, — показал он рукой водителю машины. Яша Кочубей кивнул головой и повернул машину немного в сторону.

— Это здесь, здесь, — услыхал я дрожащий голос.

Грузовик остановился, мы спрыгнули на черный от сажи и гари снег.

У груды дымящихся еще развалин, в том месте, где так недавно белели стены одного из домов, одиноко стояла женщина. На ее изборожденное морщинами лицо спадали пряди редких седых волос. Глаза были сухими, очевидно, остатки слез она давно уже выплакала… И вот сержант Миша Сорокин обнимает ее — муж, который покинул этот хутор два года назад, чтобы защищать Родину. Он вернулся… Ненадолго… Он должен спешить на запад, чтобы снарядами прокладывать путь нашей пехоте и где-то найти вывезенную фашистами единственную дочь.

А я… Что я мог сказать Мише? В такой момент трудно найти слова утешения. Я подошел к нему со щепоткой припрятанной махорки.

— Закури, Миша, мы им отплатим за это…

Батарея продолжала путь.

Около сорока километров западнее хутора Вишнивка, после очередного боя, мы прощались с одинокой могилой, в которой вместе с двумя другими артиллеристами остался и сержант Миша Сорокин…

ВЫЛАЗКА

Мороз, снежная метель и пурга. Настоящая украинская зима. Широкая, бескрайняя степь лежала под толстым слоем снега. В солнечные дни переливался он массами радужных искорок, а ослепительная белизна до боли резала глаза.

По ночам небо искрилось множеством звезд и освещалось ракетами, а морозный воздух разрезался свистом пуль и снарядов. Война шла своим чередом. Сейчас на фронте наступило затишье, и мы не знали тогда, что это было затишье перед бурей.

Последняя декада декабря 1943 года встретила нас славными морозами. За нами остался освобожденный уже Киев, впереди нас ждал Житомир, находившийся все еще в руках врага.

А мы, укрывшись в снежных землянках, ждали сигнала.

Это фронтовое затишье на нашем и других участках фронта было только кажущимся. Советские войска опять готовились к наступлению. В последних числах января войска всех четырех Украинских фронтов обрушили на противника мощные удары, в результате которых в корсунь-шевченковском котле нашла свою гибель крупная вражеская группировка: 55 тысяч гитлеровских солдат и офицеров были убиты и ранены, более 18 тысяч попало в плен; вся боевая техника и вооружение остались на поле сражения. Через много лет германские историки, бывшие участники этой войны, вынуждены будут признать, что результатом этой операции оказался новый Сталинград, правда, размеры катастрофы на этот раз были меньше, но потери, особенно в артиллерии, — огромны.

В конце января фронт должен был двинуться и на нашем участке. С этого времени расстояние до границ Полыни я считал уже десятками километров.

А пока наша батарея, одно из немногочисленных подразделений, входивших в состав 1-й гвардейской армии под командованием генерал-полковника А. А. Гречко, занимала огневые позиции, готовая в любой момент к отражению танковой атаки. В полукилометре от нас находились траншеи нашей пехоты, за ними, на двести — триста метров дальше, — ничейная полоса, а за ней в дотах, дзотах, блиндажах, в глубоких окопах притаились фашисты.

В течение трех ночей мы оборудовали огневые позиции и рыли землянки для орудийных расчетов. Мерзлая земля поддавалась с трудом. Но кирки и ломы сделали свое. На четвертую ночь мы установили наши окрашенные в белый цвет пушки. Орудийная прислуга замаскировала их белыми сетками и

только тогда отправилась на отдых в землянки. Там мы проводили целые дни и лишь по ночам выходили на воздух, чтобы размяться. Мы проклинали такой отдых, потому что все рвались вперед, на запад. Ждали только приказа…

Настроение у артиллеристов было прекрасное. Большие победы наших войск над гитлеровской армией еще больше подняли и укрепили моральный дух каждого из пас. Немалая заслуга в том принадлежала высшему и нашему непосредственному командованию, а также политическим органам, партийным и комсомольским организациям. Политбеседы, партийные и комсомольские собрания, вся подготовка к дальнейшим боевым действиям велись с большой серьезностью. Был канун двадцатой годовщины смерти основателя Коммунистической партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина. Мы получили специальные номера газет и боевые листки, в которых широко пропагандировались идеи Ленина, его высказывания о Красной Армии, о задачах по защите социалистической родины. С большой радостью мы встречали вести об успешных действиях войск Ленинградского и Волховского фронтов. Любые новые сообщения об их успехах вселяли в каждого из нас надежду и уверенность, воодушевляли на новые боевые подвиги.

…Торжественное собрание нашей комсомольской организации закончилось на рассвете. Комсомольцы расходились по землянкам. Я знал, что не смогу уснуть. Обтерев лицо снегом и накинув белый маскировочный халат, я пошел на наблюдательный пункт командира батареи. Он находился метрах в трехстах впереди огневых позиций, на небольшой высотке среди заснеженной степи. Отсюда открывался широкий обзор всей впереди лежащей местности.

Затвердевший снег тихо поскрипывал под валенками. Восточный горизонт постепенно окрашивался, предвещая погожий солнечный день. А в такие дни, известно…

«Снова будет хорошая перестрелка», — подумал я.

Пока же все было довольно спокойно.

Наблюдательный пункт командира батареи размещался в блиндаже, довольно просторном для полевых условий, так как майор Сапёрский придерживался принципа: отличная стрельба, маскировка и отдых — это главные заповеди хорошего солдата. Как я и ожидал, командир бодрствовал. Он сидел сейчас с каким-то капитаном-пехотинцем и, весело беседуя, попивал горячий чай. Старший сержант Горийчик, прильнув к стереотрубе, осматривал заснеженные поля и остатки того, что еще несколько дней назад называлось Красным Хутором.

— Смотри, и комсорг здесь! Здорово, здорово, сержант! Садись и рассказывай, что решили на собрании, — приветствовал меня майор.

Я в двух словах рассказал о ходе собрания комсомольской организации батареи и представил ему предложения, которые он, как командир, должен был утвердить.

— Что вы опять решили? Нападение на минометную батарею? Нет… Нет, не разрешаю. Это не так просто, как вам кажется, — сказал командир после того, как выслушал принятое комсомольцами решение.

— Товарищ майор, мы подробно все обсудили. Есть же разработанный план действий. — Я вынул из полевой сумки свернутую бумагу.

— План… Ну, смотри, — обратился он к офицеру-пехотинцу, — видишь, уже и план готов… Ну, давай, посмотрим, что…

Взрыв фашистской мины раздался где-то поблизости За ним второй, третий, а после короткого перерыва сразу несколько… Мы посмотрели через щели в блиндаже. Недалеко от нас слева поднимался вверх густой дым. Через мгновение снег взлетал уже широким фонтаном среди извилистых окопов нашей пехоты. На этот раз обстрел продолжался, однако, недолго, и на предполье снова установилась тишина.

Сержант Горийчик угостил меня горячим чаем. Попивая чай, я наблюдал за хмурившимся лицом командира, который быстрыми движениями что-то чертил и изменял красным карандашом в представленном ему плане.

«Фрицы невольно оказали мне услугу, — подумал я. — Подлили масла в огонь и в нем сгорят, если только командир даст свое согласие…»

А речь шла именно об этой фашистской минометной батарее. Скрытая где-то за развалинами сожженного Красного Хутора, опа постоянно меняла свои огневые позиции и, несмотря на усилия дивизионных артиллеристов, продолжала плеваться минами, обстреливая укрытую в траншеях нашу пехоту. Многие мины долетали также до позиций нашей батареи. У нас уже несколько человек было ранено.

Именно этой ночью мы, комсомольцы, долго ломали голову, как избавиться от этого беспокойства. План наших действий лежал сейчас перед командиром батареи. После внесения поправок он взглянул на меня своими черными глазами и улыбнулся.

— Мысль хорошая, хвалю за такую инициативу. Отдай это лейтенанту Заривному, пусть обсудит с кем надо в полку. От нас

для этой операции достаточно одного отделения, а ввиду того, что желают принять участие все комсомольцы, приказываю тянуть жребий, чтобы никто не чувствовал себя обиженным. — На лице майора я опять заметил улыбку. — Миша, — обратился он к телефонисту, — соедини меня с «хозяином», попросим у него разрешения…

Прошло несколько дней.

Эта ночь была беспокойной. Резкий ветер попеременно выл, свистел и стонал в поле. Метель гнала тучи снега, образовывая сугробы и ямы. Небо скрылось под низким и толстым слоем серых туч, в которые врезались яркие вспышки ракет.

— Не спят, паразиты, боятся! — крикнул Коля Усиченко, наклонившись к моему уху.

Батарея была готова огнем из всех орудий прикрыть наших товарищей. Под командованием сержанта Трабунова, бывалого разведчика, хорошо разбиравшегося в минометах, восемь комсомольцев нашей батареи скрылись во тьме. Вместе с ними пошли еще четыре разведчика из нашего полка.

Ракеты разрывали низкие тучи, подгоняемые порывами ветра, описывая крутую дугу, скользили куда-то на засыпанные снегом траншеи пехоты. Приглушенные вьюгой, трещали автоматные очереди. Наша пехота тоже была готова к броску.

Холодный ветер пробирал до костей, несмотря на теплую одежду, а острый колючий снег бил в глаза. Орудийная прислуга находилась на своих постах.

А ночь все гудела и стонала ветром, вьюгой.

В это время перед нами темный горизонт вдруг осветился вспышками разрывов. Стреляли из минометов. Фашистская батарея осыпала минами, как нам показалось, передний край нашей обороны.

Отблески взрывов непрерывно разрезали темноту ночи. Ракеты врага хаотично секли хмурое небо. Вдоль линии фронта усилился, как обычно в таких случаях, оживленный треск пулеметов, а где-то далеко впереди нас отозвалась гитлеровская артиллерия. Знакомый свист раздался над головой.

Через несколько минут заговорили и наши дивизионные орудия. Началась артиллерийская дуэль. Мы завидовали артиллеристам, вступившим в поединок. Нам пока оставалось лишь ждать.

Через несколько минут стихли выстрелы орудий и свист снарядов над нашими головами. Минуты тянулись долго. Снег таял на разгоряченных лицах. «Как они там?» — тревожила меня сейчас только эта мысль. Я переходил от одного расчета к другому. Все были на своих местах, в ожидании сигнала курили,

пряча в рукавах полушубков цигарки. Обменивались короткими, лаконичными фразами. Волнение охватило всех.

Когда же наконец мы сменим огневые позиции? Я старался направить мысль в другое русло, только бы отвлечься от того, что волновало сейчас всю нашу батарею.

Среди заснеженных полей и оврагов, где-то впереди нас, появлялись и пропадали отблески ракет. Треск вражеских пулеметов смешивался с воем ветра.

Так мы прождали до рассвета, по никакой команды не поступило. Метель все не унималась.

Они явились к нам, как духи.

Вернулась вся группа, все, кто ушел ночью. Только трое из них легко ранены. Украинская зимняя ночь оказалась хорошим союзником.

Сержант Трабунов был по натуре молчаливым. Даже во время занятий, когда рассказывал о тактико-технических данных какого-либо оружия, говорил только самое необходимое. На политзанятиях или собраниях комсомольской организации просто сидел и слушал, а отвечал только тогда, когда его о чем-то спрашивали. Так было и сейчас.

— Рассказывать? А что рассказывать? — отвечал он на вопросы артиллеристов, когда вместе с разведчиками пришел к командиру батареи.

— Как это нечего рассказывать? Где были всю ночь, что делали на переднем крае?.. Почему столько шума наделала гитлеровская минометная батарея? И что, наконец, с ней стало? — не отступали друзья.

— Где мы были целую ночь? Но ведь вы знаете… Шли с визитом, непрошеным. Шли не спеша. На наше счастье, ветер дул с их стороны. А они думали, что мы тоже замерзли и будем отдыхать… Накрыли мы их, когда они отлеживались, ну и все. Кто стрелял из минометов? А что мы должны были делать с минами? Оставить или с собой забрать в карманах?..

— Значит, сначала свернули прицелы и по фашистам, а потом и стволы подорвали. Молодцы, ребята, эх, молодцы! — смеялся кто-то из полковых разведчиков, прислушиваясь к скупым словам сержанта. — С такими и на свадьбе не пропадешь!..

Эта фашистская минометная батарея с тех пор ужо больше никому не досаждала.

КОМАНДИР

Мы опять наступали.

Далеко позади остались районы боев за Радомышль, Коростышев и Житомир, на подступах к большому железнодорожному узлу Шепетовка. Позже войска нашей 1-й гвардейской армии свернули на юго-запад в направлении Черного Острова, а оттуда на Гусятин…

Сражения велись за каждый метр освобождаемой земли. Наступление войск Красной Армии на южном участке советско-германского фронта занимало особенно важное место в разработанных Советским Верховным Главнокомандованием планах зимней кампании 1944 года, ибо освобождение Правобережной Украины и выход советских войск на юго-западную границу СССР открывали перспективы нанесения ударов через Румынию по Балканам, в сторону Польши, а также по флангам и тылам группы армий «Центр», защищавшейся в Белоруссии.

Таким образом, в стратегических планах Советского Верховного Главнокомандования появилось направление — Польша, обозначенное на штабных картах красными стрелами…

Позади уже были почти два месяца боев, а теперь нам предстояло новое наступление по раскисшей земле, среди глубоких оврагов, многочисленных балок и разлившихся весенними водами рек.

В 1944 году весна на Украине наступила раньше обычного. Уже в конце января начал таять снег, часто шел дождь, реки вздулись и вышли из берегов. Дороги сделались непроходимыми. Распутица чрезвычайно затруднила маневр подвижных войск, действия артиллерии. Трудно стало подвозить боеприпасы, поэтому на счету был каждый снаряд.

— Если стреляешь, попадай наверняка во врага, боеприпасы сейчас дороже золота, — постоянно напоминал нам командир батареи.

Каждый из нас уставал в эти дни неимоверно. Мы постоянно находились в боевой готовности. Продолжительные бои, марши, сближения с противником или обходы его с флангов. И так бесконечно. Случалось, хотя теперь и редко, что приходилось немного отступать под натиском переброшенных на наш участок фронта свежих гитлеровских частей. Однако было что-то такое, что во сто крат увеличивало силы каждого солдата, укрепляло желание оплатить врагу за его зверства.

Все, свидетелями чего мы были, взывало к отмщению

Украина, до гитлеровского нашествия богатая и цветущая земля, встречала 1944 год в огне и пожарищах, ограбленная и залитая кровью. На территории Украины оккупанты проводили преступную политику массового уничтожения советских людей, применяя подлейшие, наиболее изощренные методы. Например, в Славуте, Каменец-Подольской области, они создали «гросслазарет» для военнопленных, где телесные истязания, пытки и преднамеренное распространение инфекционных заболеваний привели к тому, что смерть косила там ежедневно до трехсот человек. Во второй половине 1944 года я был направлен в тот район на курсы младших лейтенантов и, таким образом, имел возможность лично видеть длинные, широкие и глубокие рвы, в которых живые искали останки своих близких…

И теперь, когда мы продвигались на запад, я видел много подобных противотанковых рвов, заполненных трупами женщин, детей, стариков. В одном только городе Ровно гитлеровцы расстреляли 102 тысячи человек.

Во многих книгах описываются сейчас эти чудовищные злодеяния гитлеровцев не только на советской земле. Множатся доказательства их зверств. Окровавленная земля продолжает открывать старательно скрытые фашистами тайны.

В то время мы шли по свежим следам этих злодеяний. И сегодня, спустя много лет, я не в состоянии описать ужаса и переживаний от виденного. В моей памяти и сердце на всю жизнь осталась никогда не заживающая рана и… одновременно обыкновенный человеческий стыд за виновников преступления, которые называли себя людьми.

Мы были до предела изнурены боями и этими картинами ужасов… Однако каждый из нас непреклонно стремился вперед. И не только желание отомстить врагу удесятеряло наши силы. Ведь мы знали, что уже близко граница…

— Наконец-то исполнятся наши мечты, мы увидим Польшу. Скоро туда придем, должны прийти, — подбадривал меня командир батареи. Как я был ему благодарен за эти слова! Что и говорить, мы оба радовались предстоящим встречам, имели на это причины… И не только мы…

«Личный состав воодушевляла великая цель, ставшая после двух с половиной лет войны близкой и реальной, — выйти на государственную границу, выбросить фашистских захватчиков за пределы Советского Союза. 23 февраля в частях прошли митинги, посвященные 26-й годовщине Красной Армии. Политические органы по-прежнему уделяли большое внимание росту партийных организаций и их укреплению. В феврале 1944 г. на 1-м Украинском фронте в ряды ВКП(б) было принято 13 546 человек,

а к 1 марта на учете парторганизаций имелось 181 603 коммуниста»[59].

3 февраля в батарее состоялось общее собрание партийной и комсомольской организаций. В тот памятный день вместе с несколькими друзьями артиллеристами я был принят кандидатом в члены ВКП(б). Я стал одним из кандидатов в члены великой партии Ленина и с этого времени мог уже гордиться званием коммуниста.

— Помните, товарищи, что принадлежность к партии — это большая обязанность. Коммунисты не имеют никаких привилегий, кроме одной — больше других посвящать себя общему делу, лучше других бороться и работать для победы. Коммунисты не имеют никаких особых прав, кроме одного — всегда быть впереди, быть там, где труднее всего, — закончил собрание этими словами парторг Наумов. А потом он поздравил нас и крепко пожал нам руки.

— Служим Советскому Союзу и для победы не пожалеем ничего!

Я помню, как вместе с другими шептал эти слова, глубоко взволнованный. Для каждого из нас это было событие огромной важности.

Все артиллеристы тепло поздравляли нас. Особенно горячие поздравления высказал командир батареи майор Сапёрский, человек, которого я уважал и любил как очень близкого и дорогого мне человека с первого момента пашей встречи.

А такие встречи неизгладимы в памяти, они остаются навсегда в сердце. Доброжелательность, какую я встречал со стороны этого человека и его подчиненных, породила в моем сердце огромную благодарность и большую привязанность к ним. Наученный печальным опытом свыше полуторагодичной службы в польских молодежных военизированных трудовых отрядах, я не предполагал, что есть такая армия, где так высоко ценится достоинство человека, и неважно, генерал он, офицер или просто рядовой.

Сколько раз в казармах в Хрубешуве, и даже уже в 21-й учебной роте в Сталёвой Воле, над нами, юнцами, командиры издевались. Не забуду высокого рябого командира роты, излюбленным занятием которого были так называемые налеты на казарму, после которых постель, матрацы — все было разбросано. Однако развлечение командира на этом не кончалось. Через несколько минут после возвращения с занятий каждый из нас должен был стоять в строю со своим матрацем и котелком. Старший сержант любил смотреть и смеяться над тем, как мы ползли с матрацем, держа котелок в зубах… Или так называемые

«лягушки» (прыжки на корточках с табуреткой над головой), стояние с винтовкой на солнце или на морозе, форсированные марши но воскресеньям и, наконец, грубое отчитывание, когда мы возвращались из костела. Помню случаи самоубийства, умышленного нанесения себе увечья, дезертирства… А ведь каждый из нас был приучен к трудностям повседневной жизни, с которыми встречался уже в родном доме, где родители не могли себе позволить лишних нежностей с ребенком.

К сожалению, такие методы в армии буржуазной Польши были обычным явлением. Кое-что об этом могут сказать бывшие пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы. Да и могло ли быть иначе, если в офицерском составе было 90 процентов выходцев из помещиков, буржуазии, а кадровые подофицеры просто лезли из кожи, только бы принадлежать к этой высокооплачиваемой касте…

И вот с июля 1942 года я имел возможность сравнить отношение человека к человеку там, в армии помещичьей Польши, и здесь, в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Впрочем, какое могло быть сравнение между унижением, с которым я там столкнулся, и уважением и братством, объединявшими всех, с кем я встретился здесь. А ведь это было крайне тяжелое время, когда даже к самым резким словам командира любой солдат отнесся бы наверняка с пониманием.

Помнятся мне те первые недели войны. Отступали по пыльным дорогам, а вокруг были воронки от бомб, разбитые в щепки машины и повозки с телами убитых.

Километры дорог отступления удлинялись…

— Мы возвратимся, ребята, возвратимся, — в перерывах между боями, на привалах, во время каждой беседы повторял командир батареи. Черные взлохмаченные волосы, улыбка на лице, мечтательные глаза и по-отечески доброе сердце — таким он был. Получил батарею после краткосрочных курсов, куда был направлен прямо из университета, где изучал математику, поэтому артиллерийские расчеты не представляли для него никакой трудности. Когда я впервые с ним встретился, ему было неполных двадцать четыре года.

В перерывах между боями, когда он возвращался с наблюдательного пункта, усталый, но, как всегда, улыбающийся, он садился с нами побеседовать. Говорил увлеченно, хотя умел и слушать других, хвалил за инициативу и рассудительную отвагу в бою. Иногда у кого-нибудь случались незначительные провинности. Кто из солдат их не допускает? Он тогда смотрел долго, проницательно, потом улыбался как-то грустно и говорил:

— Пожалуй, больше не встретимся по такому делу, а?.. Если

любишь свою Советскую Родину, то знай, что она требует от тебя, от всех нас дисциплины сегодня больше, чем когда-либо прежде. Они требуют — Родина и советский народ, — а не я, — повторял он часто.

Какими же человеческими, мудрыми и необходимыми были эти методы воспитания! В их эффективности я мог убедиться и позже, когда по примеру командира сам применял их в подчиненном мне батальоне, а впоследствии как заместитель командира полка народного Войска Польского.

В Красной Армии я узнал настоящую солдатскую дружбу и сильно полюбил своих товарищей по оружию — людей простых, обыкновенных, сердечных. Таким был и наш командир батареи, который даже в самые трудные моменты забывал о себе, а видел только нас, артиллеристов, и технику, которой мы вместе били врага. Такими же были офицеры и младшие командиры батареи, которые делились с солдатами последней щепоткой махорки, ложкой супа.

А пример подавал командир батареи.

Во время оборонительных боев в предгорьях и в горах Кавказа, в широких степях Кубани и на Таманском полуострове, на берегу Азовского моря, а сейчас среди садов и крытых соломой украинских хат улыбка, приветливые слова, песенка командира батареи придавали нам бодрость и силы для борьбы.

Эх, как бы дожить бы
До свадьбы-женитьбы
И обнять любимую свою!

Слова песенки «Лизавета» почти не сходили с его уст. Маша, невеста, ожидала его на далеком Урале. Там же остались его родные: мать, сестра и отец — инвалид со времен борьбы за Советскую власть с бандами Антонова и Махно.

— Я приближаюсь к родине моих предков, — делился он со мной. — Увижу ли я ту землю, за свободу которой пролили они свою кровь?

И грезилась командиру земля, знакомая по рассказам, которую он хотел увидеть свободной.

— Увижу ли Вислу и ту Келецкую землю, где на деревьях много птичьих гнезд и елки вечнозеленые… Земля, которая впитала кровь повстанцев 1863 года. Знаю, что не все из них дождались свободы. Мой дед тоже умер…

Командир погружался в раздумья, а мы смотрели на постоянно пылающий западный горизонт. Там, уже совсем недалеко, проходила государственная граница Советского Союза,

а за ней Польша, моя родная земля, а для командира батареи — родина предков.

В первые дни марта советские войска, действовавшие на Правобережной Украине, перешли в наступление. Мощный удар, нанесенный по врагу, потряс его оборону. В ходе боев мы оставляли позади сожженные деревни и города чудесной украинской земли. За нами оставались новые километры дорог и люди, освобожденные от неволи. В лицо нам веял мягкий юго-западный ветер. Мы прошли реку Збруч.

Однако и здесь противник оказывал ожесточенное сопротивление, пытаясь остановить дальнейшее продвижение советских войск на юг. Еще в конце февраля, обнаружив подготовку 1-го Украинского фронта к наступлению, он начал перебрасывать на этот участок из района Умани пять танковых дивизий. Между Тарнополем и Проскуровом он сосредоточил до девяти танковых и шести пехотных дивизий, которые предприняли ряд сильных контрударов.

Это несколько снизило темны нашего наступления. В особо тяжелом положении находились пехотные подразделения. В трудных условиях весенней распутицы они вынуждены были отбивать яростные атаки моторизованных войск врага. День и ночь гремели орудия нашей артиллерии, прямой наводкой уничтожая гитлеровские танки.

…Наступил вечер, один из тех в моей фронтовой жизни, которые навсегда останутся в памяти. Вокруг гремела канонада. Трассирующие пули рассекали воздух. В отдалении, метров за пятьсот от позиций батареи, горела какая-то деревня, а дальше находились подразделения нашей дивизии. Они вели бой, как нам казалось, успешно. Мы уже нетерпеливо ждали команду «Отбой», чтобы опять двинуться вперед, на запад.

Но боевая обстановка всегда таит в себе неожиданности…

Среди развалин догорающей деревеньки вдруг показались танки. Двигались они в нашем направлении. В вечерних сумерках «тигры» выглядели, как чудовища, угрожая ревом моторов, грохотом орудий.

Итак, схватка не на жизнь, а на смерть. Только так всегда заканчивались эти сражения. Танки приближались.

— К бою! — раздалась команда майора Сапёрского. — Бронебойным, прямой наводкой!..

Вой снарядов рассекал воздух над нашими головами. Первые снаряды разорвались сзади, где-то за позициями наших орудий. Следующие рвались уже перед нами… Резкие вспышки взрывов ослепляли нас.

— Огонь… Огонь! — кричал командир орудийного расчета сержант Коля Усиченко. Я устанавливал прицел. Ефрейтор Ахмет Мусукаев щелкал замком орудия после каждого выстрела.

Снаряд за снарядом летели навстречу танкам врага. Схватка была беспощадной, а ее ставкой была не только наша жизнь, а прежде всего свобода людей, уже спасенных от неволи, и тех, кто еще этого ждал. Для меня лично это был этан на пути к родной деревне, которую я покинул четыре года назад.

Текли минуты, а нам они казались вечностью.

Грохот орудий, крики команд, стоны раненых, взрывы снарядов и фонтаны грязи… Санинструктор Соня бегала между позициями орудий. Среди вспышек взрывов блестели ее длинные вьющиеся волосы. Была она без ушанки, без шинели…

Вдруг где-то сзади, за нами, небо окрасилось огнем. Раздался страшный грохот и вой. Что-то с ревом пролетело над нашими головами.

— «Катюши»! — радостно закричали мы. Там, откуда только что неслись смертоносные снаряды из пушек вражеских танков, пылала сейчас земля. Рукавом я вытер мокрое от пота лицо.

— Ребята, скорей сюда!.. Ребята! — сквозь гул, шум, грохот и стоны раненых пробивался отчаянный крик Сони. Я почувствовал, как деревенеют ноги. Боялся за эту девушку, которая была мне так дорога… Опережая других, я бросился к ней.

Соня стояла у орудия четвертого расчета.

«Не проклятая ли эта цифра: «четыре», — думал я, снимая с головы ушанку. — Опять четвертый расчет…»

Орудие лежало на боку, а перед ним зияли две темные и плоские ямы. Здесь же рядом лежали четыре уже безразличных ко всему человека, а пятый артиллерист умирал: осколок снаряда попал ему в живот… Здесь же, около разбитого орудия, мы увидели командира батареи. Кровь текла по его лицу. Широко открытые глаза майора были обращены на запад. Туда, откуда мы ждали знакомого дуновения с недалеких уже мазовецких равнин…

«За время наступления с 4 марта по 17 апреля войска 1-го Украинского фронта продвинулись вперед на 80— 350 километров, освободили значительную часть Правобережной Украины, ее областные центры Винницу, Каменец-Подольск, Тарнополь и Черновицы, а также свыше 700 крупных населенных пунктов. Войска фронта вышли в предгорья Карпат и совместно с войсками 2-го Украинского фронта разрезали фронт немецко-фашистских войск на две части»[60].

И опять мы шли вперед… Шли на запад, но без тех, кого

смерть вырвала из наших рядов после пройденных почти полутора тысяч километров фронтовых дорог и бездорожья.

С ранней распутицей ушла зима 1944 года. С пологих и крутых холмов, где все еще белели лоскутки снега, текли ручьи и, сверкая на солнце, неслись вниз, в долины. На полях зеленели хлеба, на горных лугах пробивались иголки травы. Кроны деревьев одевались в листву и цветы. Теплом повеял южный ветер, и живительные соки пустила многострадальная украинская земля. Весну мы встретили в предгорьях Карпат.

1-я гвардейская армия, а в ее составе и наша батарея, приближалась к моей родине. Я радовался, а вместе с тем боль и сердечная скорбь по убитым товарищам сжимали сердце…

После очередного боя меня опять увезли в полевой госпиталь. На этот раз я там находился несколько дольше. Однако не очень долго, так как я сориентировался, что госпиталь находится в Копычинцах… Да, да, в моем уездном городке, откуда до родной деревни было всего лишь 20 километров…

— Крепкий организм у тебя, парень! После такого воспаления легких, потери крови… Ну, ну, — помню приветливые слова начальника полевого госпиталя, очень милого доктора в звании майора.

Что я мог ей ответить? Сказать, что через открытое окно вижу кусочек знакомой улицы, слышу разговоры на моем родном языке?..

Сколько доброты и сердечности было в словах и делах этих людей в белых халатах — врачей, сестер, обслуживающего персонала!

После войны у меня было достаточно времени, чтобы прочитать много книг, посмотреть спектакли, фильмы, прослушать много радиопередач и… как редко мы слышим о людях в белых халатах, не воздвигаем им памятников. По роду своей работы моя жизнь так складывалась, что я побывал во многих странах мира. В некоторых из них, горькая это правда, я видел памятники людям, которых еще при их жизни следовало бы утопить в слезах и крови тех, кто пал от их рук. Людям в белых халатах не сооружают памятников, а ведь как часто они спасают самое дорогое для человека — жизнь.

Пусть мне простят эти немного неловкие слова, восславляющие неприметный героизм, любовь и преданность людям.

Сердечное им спасибо за их благородный труд!

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

Мы застыли двумя ровными шеренгами. Первомайский приказ Верховного Главнокомандующего читал офицер батареи старший лейтенант Алексей Пономаренко.

«…Очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю и восстановить государственные границы Советского Союза по всей линии, от Черного до Баренцева моря… вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии».

В этом приказе отражались политические цели наступления Советских Вооруженных Сил в летне-осенней кампании 1944 года.

Это было 1 мая, а уже 13 июля, используя успех Красной Армии в Белоруссии, пошли в наступление войска нашего 1-го Украинского фронта, нанося врагу новые сокрушительные удары. На рассвете 17 июля конно-механизированная группа, действовавшая на рава-русском направлении, форсировала Западный Буг…

И вот долгожданная родина…

В своем воображении я ее видел в течение многих последних месяцев, на бесконечных фронтовых дорогах. Она слышалась мне в шелесте листьев придорожных деревьев, постоянно приближалась панорамой родных полей, ветром доносилась из далеких родимых сторон…

Родина моя, Польша. Наконец я увидел ее наяву. Она встретила соломенными крышами деревенских изб, радостными приветственными возгласами детей, женщин и мужчин. Мы пожимали натруженные руки, вдыхали воздух, пахнущий смолой и хлебом, горячие лучи солнца грели наши спины. Мы пили холодную воду из деревенских колодцев и теплое молоко, которое подносили нам радостные девчата, и продолжали путь вперед. И здесь для долгих встреч и солдатского отдыха не хватало времени. Из дивизионной газеты мы тогда узнали, что быстрый выход войск 1-го Украинского фронта к Висле, форсирование реки и захват плацдарма в районе Сандомира имели большое стратегическое значение: противник потерял очень удобную оборонительную позицию, а советские войска получили возможность дальнейшего развития наступления в Польше. Дождался я счастливых дней. Исполнились мои мечты. Возвратился я в те места, где в сентябре 1939 года оставил дорогих товарищей по оружию из 21-й учебной роты и землю,

перепаханную гусеницами фашистских танков. Незабываемые места тогдашних трагических боев были где-то правее нас. Я находился на родной земле.

— Ну, вот и дождался, — говорили, улыбаясь, мои боевые друзья.

Я молча крепко пожимал солдатские руки, а спазмы от волнения сжимали горло, не давали отвечать и выговаривать слова благодарности.

Что я переживал, невозможно описать…

После стольких фронтовых дорог я дошел наконец до страны волнистых возвышенностей, горных лугов, пологих оврагов, чистых водных потоков и быстрых рек, обширных лесов. Мы были на Дыновско-Перемышльской возвышенности. Перед нами и вокруг простиралась польская земля.

Занимался рассвет одного из августовских дней.

Орудия нашей батареи стояли замаскированные на опушке леса. На переднем крае беспрерывно стучали станковые пулеметы. Не умолкал грохот орудий. Проносившиеся над головой снаряды противника напоминали мне, что до полного счастья еще далеко.

На сером небе медленно таяли звезды. На востоке, словно отблеск далекого пожара, румянился розовой мглистой дымкой далекий горизонт.

Наступал новый фронтовой день на польской земле.

Небо продолжало белеть. Трава становилась серой от свежей ранней росы, и каждый наш шаг обозначался отчетливым, как в снегу отпечатанным, следом… Сапоги совсем намокли.

Маскируясь среди деревьев, но краю леса мы втроем вошли в деревню и направились к выдвинутому вперед наблюдательному пункту командира батареи. Дым тоненькими струйками поднимался из труб деревенских изб. Слышались чьи-то разговоры, гомон голосов. В деревне, как и прежде, поднимались с петухами.

Мы подходили к последним постройкам, как вдруг гул моторов заставил нас остановиться. Со стороны высоты появилось несколько бомбардировщиков с черными крестами. Где-то сбоку отозвались очередями пулеметы, а у леса застучала зенитка.

Самолеты сделали широкий круг и, зайдя с востока, словно голодные ястребы, начали падать вниз. Один, второй, третий…

Бомбы летели, завывая. Задрожала земля, лопались стекла в окнах, покрывались трещинами стены домов. Ужасающий гул, густой дым и свист летящих осколков.

Из-под крыльев с черными крестами летела смерть, а самолеты круто взмывали вверх, делали следующий заход, чтобы

снова разрушать и убивать.

Жители скрывались в подвалах, канавах, некоторые бежали на огороды и в поля.

— Сволочи… Бомбят мирное население. В деревне нет никаких наших воинских частей, — ругался побледневший старший лейтенант Пономаренко.

— Гады… Это им не впервые, — цедил сквозь зубы старший сержант Коля Усиченко.

Я молчал. Мы лежали в какой-то яме, рядом со старой избой. Перед нами уже загорелся коровник. Одна из бомб упала недалеко от нас. Огонь охватил соломенную крышу. Внутри ревела корова.

Самолеты, сбросив часть смертоносного груза, набирали высоту, чтобы вновь возвратиться. Мы глазами искали какое-нибудь укрытие, как вдруг… Из избы выбежала женщина в клетчатой юбке и белой блузке. Ни на что не обращая внимания, она влетела в пылающий коровник.

— Сержанты, надо помочь! — коротко бросил старший лейтенант. Мы с Колей побежали. Я перерезал веревку, а Коля выгнал корову во двор. А там!.. Рядом с избой лежал наш офицер, своим телом прикрывая двоих маленьких ребятишек: мальчика и девочку. Над ними низко пронесся самолет и, выпустив пулеметную очередь, скрылся за деревьями.

Уже догорал коровник, с треском рухнула крыша. В деревне пылали постройки, слышались стопы и крики. В глубине леса умолкало эхо разрывов последних бомб, стук зенитки. Я стоял и смотрел во двор. Там худенькая, тонконогая девочка склонилась над лежащим офицером, а мальчик играл с шапкой, трогал маленькую красную звездочку.

Коля сильно схватил меня за плечо… Я шел, а ноги мои отказывались идти. К детям бежала перепуганная мать, чтобы расцеловать своих невредимых малюток и поблагодарить офицера за их спасение. Подбежала и… остановилась, как окаменевшая.

Молча мы сняли фуражки.

Много раз видел я на фронтовых дорогах, когда люди благодарили за спасение. Однако не всегда можно было сделать это. Сейчас был один из таких случаев.

«Многие тысячи советских воинов отдали свою жизнь за освобождение польского народа. Потери 1-го Белорусского фронта убитыми и ранеными на польской территории за август и первую половину сентября 1944 г. составили 166 808 человек, а потери 1-го Украинского фронта только за август — 122 578»[61].

Навсегда остался в Польше старший лейтенант Алеша Пономаренко. Лежит он в одной из двадцати шести братских могил на кладбище советских солдат, на северо-восточной окраине Бжозува.

А мы вместе с ним шли сюда от самых Кавказских гор.

ЛЕТО СБЫВШИХСЯ НАДЕЖД

Конец лета 1944 года застал нашу батарею на подступах к Карпатам. Помню, на рубеже июня — июля мы форсировали Днестр, а уже в конце августа наша пехота дошла до Сана — самой длинной реки польских Бещад.

И фронт опять остановился. Начались упорные позиционные бои, от которых, по правде говоря, мы в то время уже несколько отвыкли.

Тогда мы еще не знали, что войска 4-го Украинского фронта, в составе которого теперь находилась и наша дивизия, встретили здесь особенно ожесточенное сопротивление войск немецкой группы армий «Северная Украина». Как позже выяснилось, Гитлер придавал особое значение этому оперативному направлению, являвшемуся воротами в Чехословакию. Немецкое командование не считалось с потерями техники и тысяч солдат, которые своими трупами теперь устилали бещадскую землю. В Красной Армии же человек составлял наибольшую ценность, поэтому командование частей стремилось к достижению результатов в боях при минимальных потерях. К каждому новому сражению подготовка велась очень старательно. Поскольку ведение наступления в горах требовало специальной подготовки войск и особых методов управления ими, Ставка Верховного Главнокомандования 5 августа образовала новый, 4-й Украинский фронт, а в его состав вошли войска левого крыла 1-го Украинского фронта: 1-я гвардейская и 18-я армии, а также управления 8-й воздушной армии.

По распоряжению Ставки Верховного Главнокомандования с 15 августа войска 4-го Украинского фронта перешли к обороне, чтобы, после того как будут подтянуты силы и проведена подготовка, возобновить наступательные действия в направлении Карпатских гор.

А между тем мы уже вели бои на участке юго-восточного района польской земли. За нами остались полностью освобожденные от фашистских войск районы советской Западной Украины.

Но не только! Работники партийно-политического аппарата работали оперативно, и благодаря этому мы неплохо ориентировались в действиях наших войск на других участках фронтов. А поэтому мы уже знали, что 18 июля несколько армий 1-го Белорусского фронта прорвали немецкую оборону западнее Ковеля, форсировали Западный Буг и вступили на территорию Польши, а уже через пять дней боев освободили Люблин. В этих

боях участвовали также артиллеристы 1-й Польской армии. Сражаясь в составе советской 69-й армии, они внесли свой вклад в освобождение польской земли от оккупантов: свыше 26 000 снарядов выпустили из 260 орудий и минометов на позиции гитлеровских войск. 20 июля 7000 польских солдат-артиллеристов первыми перешли вместе с советскими войсками реку Западный Буг. Спустя два дня остальные соединения 1-й армии Войска Польского, уже как второй эшелон 1-го Белорусского фронта, также вступили на родную землю. 100-тысячная армия, хорошо оснащенная, обученная и сплоченная, боевой путь которой на советской земле начался от белорусского местечка Ленино, наконец дошла до своих родных мест. И произошло это благодаря помощи братского советского народа и великой Коммунистической партии Советского Союза. 25 июля советская 2-я танковая армия достигла Вислы в районе Демблина и, передав через два дня подошедшей сюда 1-й армии Войска Польского свой участок, повернула на северо-запад в направлении Варшавы.

Трудным было лето 1944 года.

Уже по всей ширине фронта на территории Польши сражались воины Красной Армии, чтобы освободить измученный братский народ.

«Польский народ, преданный своими профашистскими правителями, — читали мы в те дни на страницах газет «Правда» и «Красная звезда», — пять лет жил под ярмом гитлеровских оккупантов. Немцы бесчеловечно терзали живое тело Польши. Они превратили ее деревни в пепелище, а города в руины, залили ее потоками крови. Теперь пробил час возмездия».

До конца августа почти четвертая часть территории Польши, на которой проживало в то время свыше пяти миллионов человек, была уже свободной. Мы, советские воины, имели теперь возможность наглядно убедиться, чем была эта пятилетняя гитлеровская оккупация для польского народа. Страшный террор и многочисленные концентрационные лагеря, массовое уничтожение людей, грабеж и нищета — вот чем столько лет жила эта жестоко истерзанная страна — моя родина.

Но мы видели только часть этого чудовищного зла. Мы не знали еще тогда, что около шести миллионов польских граждан было уже истреблено, а сотни тысяч вывезено на каторжные работы в гитлеровскую Германию. Тогда мы не знали еще и о том, что уцелевшим от пули или газа людям фашисты уготовили незавидную судьбу.

«Мы добьемся того, чтобы стерлось навеки самое понятие Польша. Никогда уже не возродится Речь Посполитая или какое-

либо иное польское государство», — так цинично уверял гитлеровский наместник в Польше военный преступник Ганс Франк. Но он не только говорил, а и осуществлял это на деле. О том, какие размеры получил немецкий террор в оккупированной Польше уже в начале 1940 года, дают представление слова того же Франка, сказанные 6 февраля 1940 года по поводу сообщения, что Нейрат (наместник Гитлера в Чехословакии) приказал развесить в Праге объявления о казни семи чешских студентов: «Польских лесов не хватило бы на бумагу для объявлений, если бы я отдал приказ оповестить о казни каждых семи поляков».

Ганс Франк усердно выполнял приказ Гитлера, отданный 22 августа 1939 года (то есть перед нападением на Польшу) на секретном совещании командующих армиями в Оберзальцберге:

«…решение восточного вопроса требует уничтожения Польши и истребления живой силы противника, а выполнять эту задачу необходимо безжалостно и беспощадно, ибо уничтожение Польши стоит на первом плане. Вермахт должен избавиться от проявления какой-либо жалости. Должно быть проведено физическое истребление населения польского происхождения, благодаря чему Германия получит жизненное пространство…»

Нет, тогда мы еще не знали этих высказываний Гитлера, Ганса Франка, основных положений программы Гиммлера, известной ныне как генеральный план «Ост» («Восток»), который был разработан в имперском управлении СС и полиции в начале 1940 года.

Да, тогда, во время боев на польских землях, мы, воины Красной Армии, и жители уже освобожденных земель не знали многих человеконенавистнических планов гитлеровских преступников. Не знали мы, что поляки должны были навсегда покинуть польскую землю. В соответствии с генеральным планом «Ост» выселению со своих мест подлежали 80–85 процентов поляков, то есть 16–20 миллионов человек, 75 процентов белорусов, 65 процентов западных украинцев; а остальное польское, украинское и белорусское население просто должно быть истреблено; и только его небольшая часть онемечена и превращена в рабов. В отношении русского населения рекомендовалось проводить такую политику, которая привела бы к ослаблению всего русского народа.

Но и то, о чем мы знали, было ужасным, взывало к борьбе и отмщению.

В свободные между боями минуты, затаив дыхание, мы слушали беседы парторга и наших офицеров. Они рассказывали о вновь обнаруживаемых лагерях смерти на освобожденных польских землях. С каждым днем этих данных становилось

больше. К известному уже нам лагерю смерти в Майданеке под Люблином, где гитлеровцы замучили свыше 360) тысяч человек, прибавились обнаруженные концентрационные лагеря в Освенциме, Бжезинке, в районе Хелма, а несколько позже лагеря в Белжеце, который поглотил свыше 600 тысяч человек, в Сосибуже —.250 тысяч, в Треблинке — 730 тысяч. А немного позже мы узнали о подобных лагерях смерти в Штуттгофе под Гданьском, в Дзялдове, в Форте VII в Познани, о Павяке в Варшаве, о Замке в Люблине.

«Пробил час возмездия», — писала «Правда», призывали наши армейские и дивизионные газеты. Мы слушали полные негодования призывы наших командиров. Жители освобожденных польских земель на каждом митинге, при каждой встрече с нами просили приблизить час победы.

Это не могло остаться без следа.

Я видел, как мои боевые товарищи не считались с тем, что каждое сражение с врагом может стоить им жизни. А ведь их родные края были уже свободными, восстанавливались, залечивали фронтовые раны, ожидали возвращения своих избавителей…

26 июля на польской земле под деревней Герасимовиче 1021-го стрелкового полка 307-й стрелковой дивизии, коммунист ефрейтор Г. Л. Кунавин повторил подвиг Александра Матросова: своим телом закрыл амбразуру фашистского дзота, преграждавшего путь наступлению его роты. Геройски погиб этот воин, но задание выполнил. Немцы отступили, не успев уничтожить деревню и ее жителей. Спустя несколько дней жители деревни Герасимовиче на общем собрании приняли решение:

«Учителям каждый год начинать первый урок в первом классе с рассказа о воине-герое и его соратниках, чьей кровью для польских детей добыто право на счастье и свободу. Пусть прослушают дети рассказ стоя. Пусть их сердца наполняются гордостью за русского брата, воина-славянина. Пусть их понимание жизни начинается с мысли о братстве польского и русского народов».

Подобные слова благодарности и клятвы моих земляков и слышал много, очень много раз. Знаю, что эти клятвы продолжают выполняться ныне уже детьми и внуками тех, кто тогда их произносил. Верю, что эта традиция станет святым долгом и перейдет к следующим польским поколениям, которые будут чтить и хранить в памяти те события и имена тех людей, которые своим подвигом дали возможность людям радостно жить на свободной земле.

Прекрасным было то лето на польской земле. Всюду я видел

улыбки веселья и счастья. Жители польских деревень и городов тепло встречали нас. Так можно приветствовать родного брата после долгого отсутствия. И часто слезы волнения невольно появлялись на наших глазах. Стихийно на каждом шагу возникали митинги в честь польско-советской дружбы. Везде принимали нас по правилам старого польского гостеприимства с хлебом и солью. В только что покинутых гитлеровцами деревнях и городах нас встречали триумфальные арки из ярких цветов и флажков, на которых были дорогие сердцу слова: «Приветствуем освободителей!», «Да здравствует Красная Армия!», «Советские воины — братья поляков!». Лозунги, которые писали люди по зову сердца, можно было увидеть на стенах деревенских изб и городских домов… Так польская земля встречала нас, солдат рабоче-крестьянской армии, армии великой Страны Советов. Особенно волнующим было отношение населения к нашим раненым и больным воинам. Для них ничего не жалели: ни молока, ни меда, ни фруктов. Несмотря на то что людям самим не хватало хлеба, они делились последним куском с советским солдатом. Со слезами скорби на впавших щеках женщины, дети и мужчины вместе с нами отдавали последние почести тем, кто погиб в боях «За Вашу и Нашу свободу».

Эти люди знали истинную цену свободы, которую принесла на их землю Красная Армия. Трудовой народ Польши — крестьяне и рабочие — знали, что солдаты с красными звездочками на пилотках несут не только освобождение от жестокой гитлеровской оккупации, но и от классовых угнетателей, которые многие века притесняли население.

— Бещады! Какие красивые здесь места!.. Бескрайние и богатые леса, ручьи с прозрачной как слеза водой и здоровый воздух, как на Кавказе, — восхищались мои боевые товарищи.

— Чем дальше на юго-восток, тем прекраснее места, тем красивее девушки, — уверял я, входя в роль экскурсовода. Ведь я знал эти края не только по картам, как мои командиры и товарищи.

— Ну, теперь понимаю тебя, Станислав, понимаю, — улыбался сержант Коля Усиченко. — Было тебе по чему тосковать даже при виде той превосходной панорамы, которая открывалась с вершин Кавказских гор…

— А разве ты при виде этого красивого пейзажа не тоскуешь по своей родной деревне, по близким сердцу людям, по Украине? — в свою очередь говорил я Коле.

— Однако тяжко тут было жить людям. Земля раздроблена на маленькие загоны и куски… Редко кто имеет корову, иногда козу или несколько овец, а лошадей и в помине нет… — удивлялись

советские бойцы, осматривая бедные, с подпорками избы и постройки, покосившиеся сараи.

— К сожалению, Бещады сегодня такие: прекрасные и в то же время убогие. — Это все, что я мог ответить моим друзьям. Я знал, что Бещады — страна контрастов, постоянных изменений, необычного сосуществования природы и человека.

— Бещады — один из самых красивых уголков Польши, — соглашались местные жители.

Природа, как хорошая мать, испокон веков была щедра к этой земле… Да, но только к земле, а не к людям. С ними она с незапамятных времен была всегда сурова…

Тогда мы узнали правду об этой земле и ее людях. Жители рассказали нам интересную историю этого прекрасного уголка Польши, и мы поняли, что Бещады — страна очень печального прошлого. Приход освободителей наполнял этот край огромной радостью и надеждой на светлое будущее.

Положение трудящихся в Бещадах и вообще в Прикарпатье было всегда нелегким. Очень тяжелой была жизнь здесь у людей, особенно трагично положение крестьян. До первой мировой войны они фактически находились в крепостной зависимости, были рабами князей, графов и помещиков, богатых землевладельцев и фабрикантов. Еще хуже было положение крестьян в глубине страны. С течением времени в народе росло недовольство несправедливостью. Постепенно крестьяне Прикарпатья переходили к активному сопротивлению. Так было в Кросьценко, Бялобжегах, Суходоле и многих, многих других местах, где летом 1944 года нам пришлось вести тяжелые бои.

Крестьянам действительно нечего было терять. Они не могли найти работы, даже самой тяжелой и мизерно оплачиваемой, ни в господских усадьбах, ни на немногочисленных тогда промышленных предприятиях в Цисне, Рабе, Волновые, Устшиках, Чарной… Только на лесопилках еще можно было получить работу за нищенскую плату. Для тысяч этих жестоко притесняемых людей оставалось только одно — борьба. Окрестности Бещад в течение многих лет славились борьбой с несправедливостью, а боевой дух всегда был присущ этому народу, проживающему на холмах, горных лугах, пологих и крутых склонах. Бещад и Прикарпатья.

С сердечной теплотой и грустью вспоминали местные жители крестьянского вождя Якуба Шелю и те далекие времена, когда здесь пылали помещичьи дома и постройки и зарево алело до самого горизонта. Так крестьяне платили господам за несправедливость и унижения, за крепостные оковы…

Но избавились они от нужды и после первой мировой войны. И в межвоенное время не уменьшилась нищета этого народа.

Работы и хлеба требовали люди городов и деревень всего Жешувского воеводства. В остальных районах помещичьей Польши тоже было не лучше. Могучие волны забастовок и демонстраций прокатывались через всю страну. Они захлестывали и голодные села Прикарпатья.

1929-й, а потом 1932 год явились грозным обвинением правителям помещичьей Польши, навечно вошли в историю польского рабоче-крестьянского движения. В тот период с полной силой вспыхнули новые восстания, особенно среди крестьянских масс. Подразделения войск и полиции со всей жестокостью усмиряли восставших. Сотни и тысячи вооруженных вилами, кольями, косами и ломами крестьян требовали работы, хлеба, освобождения арестованных. Крестьяне-повстанцы многих районов вели бои с войсками и полицией. Безоружные, бросались они на огонь пулеметов. В безграничной ненависти к своим угнетателям и эксплуататорам они не щадили жизни — только бы вырваться из ярма социальной неволи.

Но правительство помещиков и магнатов располагало большими вооруженными силами. Все новые и новые части полиции и войск бросали они против восставших…

— А потом начались репрессии. Этого следовало ожидать от этих кровопийц, — рассказывали нам местные крестьяне. — Много деревень было полностью уничтожено. О, это они умели делать… Более 800 крестьян было арестовано, в том числе и женщины. Несколько сот повстанцев полегло на поле сражения. Свыше 15 тысяч человек принимало участие в крестьянских волнениях. Несколько десятков деревень были настоящими крепостями. Мы боролись плечом к плечу с нашими соседями, крестьянами-украинцами. Всех нас в одинаковой степени сжимали тиски неволи и гнета помещиков и капиталистов…

Мы слушали эти полные горечи крестьянские рассказы о временах, которые они пережили и возврата к которым нет. Мои боевые товарищи, особенно старшего поколения, с сединой, сочувственно кивали головой. Им ведь тоже все это было знакомо, прежде чем Октябрьская революция открыла эру новой жизни для трудящихся городов и сел советской земли.

— Прошлое уже никогда не вернется в ваши дома. Времена рабства и социального гнета окончились безвозвратно. Теперь вы сами будете создавать свою судьбу и историю своей родины. Только народная Польша принесет светлое будущее трудящимся городов и деревень, — говорили мои советские товарищи — бойцы и офицеры. А польские и украинские крестьяне с

огромным вниманием и интересом слушали их слова. Они знали, что это говорят представители первой социалистической страны, о которой буржуазная, а позже фашистская пропаганда сеяла только ложь.

— Вы сами убедитесь, что такое социализм! — говорил наш парторг Наумов на встречах с населением. — Впрочем, вы сами, дорогие братья, будете его строить в своей стране, в ваших городах и деревнях. Только такой строй может гарантировать социальную справедливость для вас и ваших поколений…

Я всегда с большим вниманием слушал эти выступления нашего «отца», как в шутку мы называли Петра Антоновича Наумова. Этот человек говорил страстно и, имея огромный жизненный опыт, умел сразу завладеть сердцами слушателей. Ему всегда громко аплодировали. Но он был также и хорошим организатором… Он ведь знал, что я поляк и родом из этих мест.

— А ну-ка, Станислав, ты ведь у нас агитатор, хорошо справлялся со своей задачей, как и подобает комсомольцу. — Говоря это, он дружески хлопал меня по плечу. — А сейчас мы пришли в твои родные места, о чем ты так мечтал. Возвратился ты сюда, старший сержант, не только как командир орудийного расчета… Ты уже являешься коммунистом и принадлежишь к великой партии Ленина, а это обязывает ко многому. Настало твое время. Слова искренние, правдивые и полностью понятные, сказанные по-польски, здесь сейчас очень нужны. Там, где народ отравлен ядом вражеской пропаганды, строительство социализма проходит нелегко. Классовый враг сразу не отступит… Господа так просто не сдадут свои позиции' будут бороться. Знаю, прольется еще кровь на этой земле, хотя пушки уже и умолкнут… — с грустью говорил Петр Антонович. — И чтобы народ хорошо знал, что он будет защищать, к чему будет стремиться страна, необходимо ему сейчас разъяснять и идеологически его вооружить, понимаешь?..

Таким образом я получил дополнительное партийное поручение. В свободные от боев или выполнения служебных обязанностей время я выступал на митингах во время встреч с жителями. Делился своими впечатлениями, особенно о жизни братских советских народов. Я хорошо знал местный диалект, часто мне приходилось говорить по-украински, особенно когда знал, что моими слушателями являются граждане украинской национальности. Доходили ли эти слова до моих слушателей? Кажется, да. Впрочем, я в этом убеждался не только по сияющим и довольным глазам нашего парторга. Объятия, которыми одаривали меня жители после таких выступлений, были доказательством того, что я хорошо выполнил обязанности

агитатора-коммуниста.

Впрочем, вскоре нашу агитацию словом поддержал конкретными делами сам польский народ.

В Хелме, только что освобожденном польском городе, 22 июля был обнародован Манифест первого польского правительства — Польского Комитета Национального Освобождения. Он наметил программу деятельности народной власти в области внутренней и внешней политики, призывал продолжать борьбу за победоносное завершение войны и осуществление основных социально-политических реформ.

Через несколько дней, 26 июля, Народный комиссариат иностранных дел СССР опубликовал официальное заявление, в котором признал суверенные права польского государства на земли, освобожденные Красной Армией. Этот документ разоблачал врага, который пытался вызвать раздор между польским и советским народами, пытался внушить, что Польша из-под немецкой оккупации попадет под русскую. Но просчитались помещики и капиталисты и все те, кто, сбежав в 1939 году из Польши, теперь хотели возвратиться. Им не удалось посеять сумятицу среди польского народа. Он был уже достаточно сознателен и чувствовал себя связанным кровными узами вечной дружбы с народами Советского Союза, сыновья которого героически боролись за освобождение Польши. И теперь правительство Страны Советов гарантировало полную свободу и суверенитет своему соседу, братскому польскому народу. Из рук реакции было выбито отравленное ядом и ложью оружие.

И наконец настало время, когда исполнились вековые мечты польского крестьянства, столетиями смотревшего голодным взором на обширные господские поля…

6 сентября 1944 года Польский Комитет Национального Освобождения принял декрет об аграрной реформе. Крестьяне получили землю…

После шести лет опять зазвенели звонки в польских школах: и в тех, что закрыли оккупанты, и в новых, в стенах бывших господских дворцов и поместий. С каждым годом создавались новые школы. Всеобщее обучение было закреплено законом и стало обязательным.

На освобожденной польской земле приступили к осуществлению мечты многих поколений — установлению социальной справедливости. Народ этой земли хорошо знал, кому обязан своим счастьем…

Прекрасным было лето 1944 года. Бещадскую землю заливали горячие лучи солнца. Испокон веков, рассказывали нам

местные жители, бещадское лето знойное, горячий ветер с юга усиливает жару. Только грозы приносят прохладу усталым от работы людям. В те дни мы, солдаты, могли бы любоваться действительно красивой местностью юго-восточных пограничных районов Польши. А эти районы обширные. Бесконечные волнистые холмы, покрытые высокими лесами, полны уединенных уголков и своеобразной экзотики…

Но не было времени восхищаться красотой Бещад. Для нас, солдат, это был только район беспощадных и жестоких боев. Это было наше повседневное занятие.

Миллионы расстрелянных фашистами и отравленных газом взывали к возмездию. Живые страстно желали, чтобы в этой жестокой войне это лето было последним. И мы, воины, должны были все сделать для этого.

МАМАША

Именно так называли мы ее, просто — мамаша…

Соответствовало ли это обращение се возрасту? А кстати, сколько ей могло быть тогда лет? Не знаю, удобно ли было так обращаться к ней ефрейторам: седому как лунь Данилову и лысому Ване Бойко, рядовому Черпаку и младшему сержанту Борисову, которые по возрасту ненамного уступали им…

Мне кажется, что только двоим из нашего орудийного расчета можно было так называть ее, учитывая их возраст. Я имею в виду наводчика орудия сержанта Колю Орлова и себя. Только мы двое из всего расчета не перешагнули еще рубежа четверти века.

Я прекрасно помню мамашу даже сегодня, спустя столько лет. Впрочем, как я могу забыть ее и все, что связано с ней?

Это была невысокого роста худенькая женщина, на которую тяжелая жизнь и особенно годы войны наложили свой отпечаток.

Она стояла возле калитки, как будто поджидая нас. Раскидистый куст черной смородины, росший у входа, шумел опаленными на солнце листьями, когда поднимался ветер. Седые волосы спадали на ее тощую согнутую шею. Черные, глубоко запавшие, слегка покрасневшие глаза, окруженные лучами тонких морщин, смотрели на нас доброжелательно и, как мне показалось, с какой-то задумчивой грустью.

— Я ждала вас, сыночки! — Голос у нее был мягким и усталым.

Калитка из давно не крашенных и местами уже прогнивших досок болталась на ржавых осевших петлях.

— Ребята! Это как раз для меня! — вырвалось у Вани Бойко. От удовольствия он широкой, как лопата, ладонью даже хлопнул себя по колену.

Ефрейтор Данилов толкнул его сзади.

— Миша! Что ты? Я же имел в виду калитку! — Ваня скривился от боли и что-то тихо и неразборчиво добавил.

— Ваня, брось свои шутки! — сердито оборвал его кто-то из артиллеристов.

«Они не правы», — подумал я, мельком взглянув на дисциплинированного, серьезного и смелого подносчика снарядов. Я знал, что Ваня своим хозяйским глазом заметил плачевное состояние калитки и всей ограды домика — ведь он же был плотником…

Вечер фиолетовыми тенями ложился на землю. Откуда-то с гор — Дворника, Халича, а может быть, и с Ветлинской Полонины

или даже с самой высокой вершины Бещад Тарницы — тянуло приятным холодком. Мы жадно вдыхали этот свежий, бодрящий воздух. Только теперь каждый из пас почувствовал, что отдыхает. Более трех часов возились мы с нашей 76-миллиметровой пушкой. Сверху немилосердно пекло жаркое августовское солнце, а под ногами — твердая раскаленная земля. Она с трудом поддавалась киркам и ломам. Мы не жалели крепких солдатских выражений в ее адрес. Когда огневая позиция для орудия была уже готова, наступила очередь рыть укрытия и ниши для снарядов. Затем мы помогли водителю замаскировать ЗИС. И только после этого задымили козьи ножки. Наконец-то мы справились с этой тяжелой работой и могли теперь отправиться отдыхать.

— Я ждала вас, сыночки! — приветствовала нас женщина, прижав свои маленькие худые руки с тонкими пальцами к груди возле сердца. Она кого-то напоминала мне, и я думал об этом с тревогой и какой-то щемящей тоской.

Старшина батареи Доробин, выделяя нам под постой ее дом, сказал, улыбаясь:

— Вон там, — он показал рукой в направлении стоявшего возле высокого тополя домика, — там расположится четвертый расчет. Дом хороший, просторный, а хозяйка, ребята, чудо-мамаша…

— Ну и молодец же наш командир батареи! — обрадовался Степа Борисов, приглаживая пальцами свою непослушную, курчавую, подернутую уже сединой шевелюру. На его продолговатом тонком лице лежал загар. Ему было уже около пятидесяти, но он выглядел значительно моложе.

— Чего радуешься, герой? — удивился Данилов. — Разве ты не знаешь, что старшина любит все приукрасить? И уж особенно, когда хочет что-то всучить. Он же работал в торговой сети, там и научился…

И вот мы стояли теперь перед этой чудо-мамашей!

От усталости мы все едва держались на ногах. Я чувствовал себя неловко в своей гимнастерке с мокрыми пятнами пота на спине и груди. Сапоги мои тоже были все в пыли. Остальные выглядели не лучше. Мы мечтали лишь о том, чтобы скорее разместиться и привести себя в порядок.

Мамаша стояла возле распахнутой калитки, и я видел, как тонкие бороздки морщин расправились на ее худом лице.

Никто из нас не пошутил, как не раз бывало до этого, не улыбнулся, когда женщина, обращаясь ко всем без исключения, сказала: «Сыночки мои!..»

Комок подступил к моему горлу. Правда, мне очень хотелось

пить. Остальным тоже — я знал об этом. Чтобы в столь короткий срок окопать орудие и проделать весь этот «ритуал» — подготовить орудие к бою, обеспечить охранение и маскировку, — необходим огромный физический труд. Эта работа требовала полной отдачи сил. Иногда мне хотелось дать ребятам да и себе хотя бы немного поблажки, но… не получалось — уж очень придирчивым был наш лейтенант Шавтанадзе.

Мамаша смотрела на нас добрыми, слегка покрасневшими глазами.

Я стоял перед ней первым, остальные — позади меня. Такова привилегия командира, когда тот ведет свое подразделение, скажем, в баню, на обед, на экскурсию, во время парада или к месту расквартирования. В период боев бывает обычно наоборот… Однако это было оправдано, отвечало требованиям устава и не подлежало обсуждению.

Я с трудом проглотил слюну. Во рту было сухо. Да, чертовски тяжело долбить землю под знойным августовским солнцем. Мы изнывали от жары, прежде чем добрались вслед за нашей пехотой до реки Сан. Здесь нас встретил грохот рвущихся снарядов. Командир батареи приказал остановиться и занять огневые позиции. Он наверняка получил такой приказ из штаба дивизиона или полка. Мы обрадовались, что представилась наконец возможность отдохнуть.

У каждого в глазах и во рту было полно пыли. Позади остались несколько часов утомительной езды и многие километры пути.

— Скажи ей что-нибудь в ответ, — почувствовал я толчок в спину. — Ты командир, — добавил с какой-то насмешкой в голосе ефрейтор Бойко. В то время мне всегда казалось, что он никак не мог примириться с тем, что я, командир, гожусь ему в сыновья… Хотя, может быть, я и ошибался. Это был честный, порядочный человек, хороший друг и товарищ, отличный заряжающий нашего расчета.

— Ну, давай!.. — услышал я шепот Вани.

— Здравствуйте! Спасибо, мамаша! — выпалил я одним духом эти три слова солдатского приветствия и одновременно благодарности.

Я произнес их громко, акцентируя каждое слово, и особенно «мамаша»… И тут же пожалел, что именно так, а не иначе назвал ее. Я уже вспомнил, кого она напоминает мне. Так говорила моя мать, встречая моих старших братьев.

…После смерти отца она каждое воскресенье ждала их возле калитки. В те годы я был еще подростком. Братья возвращались всегда вместе. Они шли узкой полевой дорогой, которая вилась

среди высоких хлебов. Зимой ее заметало снегом, а весной и осенью она покрывалась сплошными лужами и грязью. Из деревни братья направлялись в сторону одинокого домика, стоявшего на пригорке среди полей. Они были рослыми и плечистыми, словно обступавшие со всех сторон наш дом огромные ясени. Братья не жаловались на здоровье, и поэтому всех их взяли служить в артиллерию. Я часто выбегал им навстречу. Они шли впятером, не спеша, тяжело ступая, слегка ссутулившись, словно несли на своих плечах всю тяжесть прошедших шести рабочих дней.

«Я ждала вас, сыночки», — говорила мать, когда они были уже в нескольких шагах от калитки. Тогда самый старший из них, Петрек, а иногда Янек (пока он не выехал в Аргентину в поисках лучшей жизни) или Владек отвечал: «Привет, мама, мамаша, маменька»… Каждый из них по-своему выговаривал это короткое, но такое родное слово.

Я называл ее маменькой. Так продолжалось до тех пор, пока мне не исполнилось семнадцать лет. После этого я два года служил в 21-й учебной роте. Этим обращением я начинал каждое свое письмо. А затем, со второй половины сентября, столь трагичного для дальнейших судеб моей родины, я еще несколько месяцев находился возле своей поседевшей, худенькой, но дорогой мне старушки. А потом почти полтора года я писал ей письма из далекого Баку. И вот теперь, спустя три года, я дождался наконец момента, чтобы послать свое первое после столь длительного перерыва письмо — небольшой треугольник мелко исписанного клочка бумаги — своей маменьке…

Именно эта женщина напомнила мне мою маменьку, так она была похожа на нее — внешностью, манерой поведения и этими словами приветствия. «Почему я не назвал ее тоже «маменька», — думал я теперь, злясь на себя.

— Здравствуй, мамаша! — приветствовали ее артиллеристы. И обращение «мамаша» сразу же привилось. Теперь я знаю и понимаю, что иначе называть мы ее не могли — только «мамаша»… Самое богатое по содержанию слово в русском языке, впрочем, и на других языках мира. Для пас, солдат, в те грозные годы это слово имело особое звучание и значение. Оно было для всех нас как бы грустным воспоминанием о родных местах и том времени, когда каждый из нас мог чувствовать себя сыном, сыночком…

Домик мамаши, построенный из сосновых бревен, ничем не отличался от соседних, где расположились другие расчеты нашей батареи. Бревна кое-где уже потрескались и подгнили. Годами их хлестали дожди, жгло знойное солнце. Стены кое-где глубоко

осели в землю, как бы согнувшись под тяжестью времени. В окошках блестели кусочки аккуратно склеенного стекла. Белые полоски бумаги образовывали какие-то таинственные геометрические узоры. Отсюда открывалась широкая панорама. Вдалеке были видны горные цепи, которые своими вершинами как бы подпирали голубое небо. Ближе тянулись волнистые поля, балки и овраги, склоны которых были покрыты деревьями, главным образом горной сосной. Леса манили своей очаровательной зеленью. Запах травы, смолы, лесных ягод доносили оттуда порывы ветра. Однако смерть подстерегала каждого, кто в тени этих деревьев искал прохлады от летнего зноя, укрытия во время дождя или вкусные лесные ягоды. Разбросанные гитлеровскими саперами среди деревьев и высокой травы, между серо-золотистыми листьями папоротника мины подстерегали на каждом шагу.

Где-то на полпути между домиком мамаши и юго-западным горизонтом, когда солнце поднималось вверх, — отливала серебром тонкая полоска зеркальной поверхности вод Сана. Эта река стала теперь линией соприкосновения сторон на временно остановившемся здесь фронте — между нашей 1-й гвардейской армией и гитлеровскими дивизиями. Именно там в любое время дня и ночи то и дело сверкали огненные вспышки, а отдельные снаряды или мины проносились над остроконечной крышей домика мамаши и соседними домами. Некоторые из них, словно обессилев от тяжести, вдруг резко обрывали свой свистящий полет, и тогда начинала глухо стонать твердая, высохшая от летнего зноя земля, а сотни осколков рассекали воздух, впивались в стены и крыши домов, сдирали кору с уцелевших плодовых деревьев… Несколько раз эти осколки не щадили и домика мамаши, который вот уже несколько дней был и нашим домом…

Своим мы считали его с первого же вечера, когда мамаша встретила нас у покосившейся калитки, и с нашего первого совместного ужина…

Круглый стол был накрыт белой скатертью, а на нем стояли хлеб, соль, кувшин молока и вареные яйца. Ребят не надо было долго упрашивать. На отсутствие аппетита они не жаловались. Кто-то достал из вещевого мешка «горючее» — действенное лекарство против грусти и тоски. Данилов налил немного жидкости в свою жестяную кружку и протянул ее мамаше. Сержант Борисов, улыбаясь, пододвинул ближе к ней ломоть хлеба, которого почти не было видно под толстым слоем тушенки.

Мамаша отказалась сначала, но Данилов не уступал.

— Ну хотя бы немножко, — уговаривал он до тех пор, пока она не взяла кружку обеими слегка дрожащими руками.

— За ваше здоровье, сыночки! — сказала она, глядя на нас чуть покрасневшими глазами. — И за ваших матерей, чтобы они дождались вашего возвращения, — добавила она и поднесла к губам кружку.

И тогда в едином порыве, без чьей-либо команды или хотя бы намека, все поднялись с широкой деревянной скамьи. Заскрипели под ногами доски пола.

— И тебе, мамаша, мы желаем, чтобы вернулись твои сыновья, — сказал я взволнованно. Эх, если бы я раньше знал!.. Но она не подала и виду. Только глаза ее заблестели в свете керосиновой лампы, а маленькие губы задрожали, словно на что-то жалуясь. Это длилось всего минуту. Маленькая комната наполнилась нашими шумными голосами…

Все пили по очереди. Никто не имел нрава отказаться. Таков был обычай. В нашем расчете его тоже строго придерживались.

— Не забудьте оставить Соколову, — проявил заботу о товарище Данилов.

— Обязательно. Хорошо, что напомнил. Через полчаса сменишь его возле орудия, — сказал я.

Артиллеристы разразились громким хохотом.

— Значит, вас семеро, сыночки? — спросила, услышав это, мамаша.

— Семеро детей было у матери, — ответил с улыбкой рядовой Черпак и, глядя на лысую голову Бойко, добавил: — Да вот беда, не все получились удачными…

— Некоторые даже очень неудачными, — понял намек ефрейтор и схватился за нос.

— Ну что, съел, дружок? — засмеялся Данилов, хлопнув по спине Черпака, крепко сложенного широколицего пария с огромным носищем коричневатого цвета. Его нос был постоянным объектом различного рода шуток и колкостей со стороны артиллеристов не только нашего расчета.

Однако Володя не обижался, но, когда его упрекали в чрезмерном пристрастии к «горючему», бормотал себе под нос:

— Эх, друзья, если бы у вас так сложилась жизнь!

А теперь он весело смеялся вместе со всеми.

— А я, ребята, чувствую себя за этим столом, как у себя дома… Мне даже кажется, что война уже закончилась… и вот сижу и жду девушку, — вслух размечтался Орлов.

— Зачем ждешь, Коля? Лучше выйди ей навстречу, а то еще кто-нибудь тебя опередит, — обнял его рукой за шею сидевший

рядом с ним Борисов.

— Я, парень, в твоем возрасте… — начал Данилов.

Висевшая в углу лампа бросала тусклый свет. Он отражался на раскрасневшихся лицах моих боевых товарищей и блуждал по пустым стенам, пробивался через зелень плащ-палаток, которыми были завешены окна. В комнате было жарко, но никому не хотелось выходить во двор, хотя оттуда и доносился ароматный запах сена и зерна, освещенного серебряным светом луны, которая медленно выкатывалась из-за пологого холма. И только гомон человеческих голосов и задушевный смех долго слышались в ту августовскую ночь, проникая между бревнами стен домика мамаши наружу.

И последующие вечера мы проводили таким же образом. Присутствие мамаши придавало им особую прелесть. Она принимала участие в наших шутках, не пропускала «своей очереди»… Мы чувствовали, что и она радуется вместе с нами этому короткому отдыху, который выпал на нашу долю после стольких дней и ночей, проведенных вдали от дома, в огне и дыму фронтовых сражений… Нам было хорошо у мамаши. Мы жили этими вечерами. Вряд ли кто из нас мог похвастаться, что имел много таких вечеров в своей жизни. Мне, например, было тяжело вспоминать о них. В батарее почти не осталось фронтовых друзей, с которыми я делился в Кавказских горах последним куском хлеба или щепоткой едкой махорки… Личный состав моего расчета состоял теперь из нового пополнения. Ведь фронтовая судьба беспощадна. Затяжные оборонительные, а затем наступательные бои стоили немалых жертв… Однако каждый из нас понимал цену свободы, за которую мы сражались. А она была и будет бесценным сокровищем для миллионов людей и целых поколений.

Вечера мы проводили теперь за общим столом. Никто из нас не хотел думать о том, сколько это будет еще продолжаться. Солдат никогда не знает, что его ожидает завтра, даже в мирное время, не говоря уже о войне, и поэтому пользуется каждой свободной минуткой. Наш расчет радовался вечерам, проведенным у мамаши. Ночи казались нам короткими, хотя сон у нас был крепким, здоровым, как всегда после тяжелой работы. Пьянил запах свежего сена и пахнущих смолой стен. Мы спали вповалку, один возле другого. Места на деревянном полу хватало всем. Мамаша же ложилась на гуральской печной лежанке и долго-долго что-то шептала…

Рассвет мы встречали уже на ногах. Вытирали орудие от росы и подвергали его необходимому утреннему «туалету»… Наши сердца наполнялись радостью, когда команды старшего офицера

батареи, словно эхо, повторялись командирами расчетов. Сверкала вспышка, раздавался грохот выстрела, содрогался воздух. Мы радовались, зная, что наши снаряды накрывают в это время гитлеровскую батарею, колонну автомашин или пехоту. Мы всегда с нетерпением ждали команды «Огонь!».

Но в те дни мы ждали и другого, а именно… времени обеда. Нет, я имею в виду не те минуты, когда повар Ваня Малашкевич разливал одинаковые порции горохового супа, щей или еще чего-нибудь в наши котелки… Конечно, этой минуты мы тоже ждали, иногда даже с нетерпением. Но в те дни на бещадской земле мы ждали времени обеда и по другой причине: в это время пас навещала мамаша… Она появлялась всегда со стороны опушки леса. Шла мелкими шажками, медленно, осторожно, держа в руках глиняные кувшинчики. Мы молча стояли и смотрели в ее сторону. От яркого солнца резало глаза. Каждый был занят своими мыслями, которые уводили нас в далекое, незабываемое царство воспоминаний и сыновних грез…

Мы понимали друг друга без слов.

Затем мамаша опускалась на пустой ящик из-под снарядов и рукавом белой льняной рубашки вытирала капли пота с загоревшего лба, худого лица, тонкой шеи… и улыбалась, видя, с каким наслаждением пьем мы холодную родниковую воду и поглощаем сочные лесные ягоды.

— Не ходите больше в лес. Это опасно… Можно наскочить на мину. Ведь саперы не успели еще как следует прочесать лес, — беспокоились мы о ней.

В эти минуты лицо ее озарялось улыбкой, разглаживались морщинки на лбу и вокруг глаз.

— Я знаю здесь каждый камешек и кустик, все лесные поляны и даже растущую на них траву… Многие годы эта земля ласкает мои босые ноги… Мне ли ее бояться? То, что я делаю, напоминает мне о моей прежней жизни, сыночки!.. Так не лишайте меня этой радости…

Мамашу трудно было вызвать на откровенность. Однако все мы были взрослыми людьми, а некоторые имели даже большой жизненный опыт. Поэтому мы догадывались, что она понимала под этими радостями, которые развеялись, словно туман на рассвете. Мужа привезли на крестьянской телеге. Он лежал на влажном, забрызганном кровью сене. Глаза его были уже закрыты, как будто бы он не хотел больше видеть этого неба над бещадской землей, которое в 1932 году не помогло крестьянам-повстанцам в их борьбе за работу, хлеб и уважение человеческого достоинства. Семь лет спустя под этим небом умирал от ран ее старший сын. 16 сентября 1939 года рядовой Войцех Грабец был в

числе оставшихся в живых двухсот солдат разбитой 21-й дивизии, которые прорвали кольцо немецкого окружения. Их вел генерал Кустронь. И все они — остатки третьего, и последнего по счету, большого соединения армии «Карпаты» — остались лежать на лесной поляне под Улазовом…

Лес оказался для нее жестоким. Четыре года спустя средний сын Янек ушел в партизаны и вскоре был схвачен немцами. Гитлеровцы приказали соорудить несколько виселиц. На одной из них рядом с Янеком был повешен и младший сын мамаши… последняя радость ее жизни. С тех пор она почти каждый день приходила в лес. Летом собирала малину и чернику, а зимой кормила голодных птиц.

Мы боялись за мамашу, по запретить ей ходить туда не имели права. Эти ягоды были для нее воспоминанием о тех далеких годах материнского счастья и радости. Медленно тянулось время в ожидании вечеров за общим столом, родниковой воды в жаркие дни и ягод, налившихся сочным красным соком. Так прошла неделя, наступила вторая…

В тот вечер я немного позже вернулся с совещания у командира батареи. Артиллеристы в ожидании новостей сидели возле дома на завалинке. От стоявших вокруг дома копен доносился запах душистого сена. Мы накосили его своими руками в знак признательности за молоко, которым ежедневно угощала нас мамаша. Единственная ее корова давала много молока. Теперь ребята весело болтали, не обращая внимания на то, что вокруг грохотали орудия.

— Так что там решили? — не выдержал любопытный сержант Коля Орлов.

— Ну что, вперед? — переспросил ефрейтор Данилов.

— Завтра к вечеру, — коротко бросил я. И тут же пожалел об этом. Среди артиллеристов сидела мамаша. Я заметил, что, услышав мои слова, она как бы вся сжалась в комок и стала похожа на маленькую беззащитную девчонку. Ребята сорвались со своих мест.

— Ура, на немцев!..

— Дождались!..

— Наконец-то снова вперед…

Среди этого радостного шума вдруг послышался высокий звонкий тенор Коли Орлова:

Подымайся, народ, собирайся в поход,
Барабаны, сильней барабаньте!
Музыканты, вперед! Запевалы, вперед!
Нашу песню победную гряньте!

Мы все хором дружно подхватили боевой припев этой песни:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов!

Над уже покрывающейся вечерним туманом бещадской землей неслась наша солдатская песня — боевой призыв к дальнейшей борьбе.

Мамаша по-прежнему сидела, сжавшись в комок, молча, прижав к груди возле сердца свои натруженные руки. Она не разделяла нашей радости.

Тенор Коли звенел, заглушая далекий грохот нашей артиллерии. Мы слушали его, чтобы снова во весь голос подхватить припев.

Мы имели повод радоваться. Нам предстояло перенести огневые позиции батареи ближе к германской границе и… Берлину. Это была наша долгожданная мечта, которую каждый из нас давно носил в своем сердце… Теперь она уже становилась реальностью. Позади остались далекие предгорья Кавказа, таманские плавни и кубанские равнины, черноземные поля Украины и восточные окраины Польши… Впереди виднелись Карпатские горы, за которыми ждали освобождения словацкий и чешский народы. Мы догадывались, что нашу дивизию, закаленную в боях за Кавказ, бросят именно на это направление. Но мы знали также, что другие советские армии уже готовятся нанести удар по Берлину. После того как фашизм будет раздавлен в своем логове, наступит конец этой войне. Но для этого необходимо, чтобы чаще меняли свои огневые позиции батареи орудий и минометов, пехотинцы и танкисты, саперы и связисты, продвигаясь вперед.

Едва рассвело, мы были уже на ногах, но мамаша и на этот раз опередила нас. Как всегда, на столе стоял кувшин свежего молока, лежал нарезанный большими ломтями хлеб. Мамаша, держа в руке корзинку, сплетенную из ивовых прутьев, вышла из дому вместе с нами.

— Сегодня пойду подальше, где много ягод, — улыбнулась она нам уголками своего маленького рта. — Надо собрать, сыночки, побольше, пригодится в дороге…

На огневой позиции батареи, как всегда в таких случаях,

работы было полно, поэтому время летело быстро. Старшина батареи приказал хорошо накормить нас и выдать НЗ на два дня. Значит, действительно предстоял далекий путь.

Солнце медленно перевалило зенит, а мамаши все не было. Мы решили, что она дожидается нас дома, где лежали наши вещмешки со скромными солдатскими пожитками. Командир батареи предупредил всех, что дает час на то, чтобы попрощаться с мамашей и приготовиться к дороге. Я объявил сбор четвертого расчета.

Мы уже сворачивали в узкий овраг, который вел прямо к дому мамаши, когда Володя Черпак обрадованно воскликнул:

— Ребята, посмотрите! Вон там, на опушке леса…

— Мамаша! — добавил Коля Орлов, отняв бинокль от глаз.

— Побегу ей навстречу! Помогу донести корзину, — взглянул на меня, ожидая разрешения, Володя. Но я не успел ничего сказать.

Недалеко от опушки леса, на серо-зеленоватом лугу, вдруг поднялся огромный столб земли и огня, и до наших ушей донесся грохот взрыва. Артиллерийский налет какой-то гитлеровской батареи длился не более двадцати секунд… Стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. И только эхо разрывов с каким-то стоном продолжало катиться по лесам и долинам.

Мы хорошо видели, как после первого же разрыва снаряда мамаша упала на землю. Все со страхом смотрели в ту сторону…

Вскочив, мы бросились к поляне, над которой еще клубился дым сгоревшего пороха. Самым быстрым оказался Коля Орлов. Он первым приподнял голову мамаши, лежавшей в запорошенной землей траве. Я почувствовал, как кровь отливает от лица. Гуральская, из белого льна рубашка мамаши покрылась пятнами крови. Присев на корточки, мы плотным кольцом окружили ее. Она смотрела на нас своими черными, начавшими уже туманиться глазами. Хорошо знакомые нам бороздки тоненьких морщин на ее лбу, вокруг глаз и в уголках рта стали медленно и с каким-то усилием разглаживаться. Мы словно окаменели. Никто не произнес ни одного слова. Все молча смотрели на беспомощно лежащую, дорогую всем нам женщину…

Взгляд мамаши все еще скользил по нашим лицам. Вдруг уголки ее рта дрогнули, слабый, но отчетливый и как бы радостный шепот дошел до нашего сознания:

— Сыночки… мои… Слава богу, живы…

Мы тронулись в путь в назначенное время. Никто из нас не смог принять участия в похоронах мамаши. Но мы знали, что нас заменят другие… Мы ехали, с трудом сдерживая слезы. И лишь

когда в облаке пыли скрылся из виду ее дом, ефрейтор Миша Данилов медленно развернул свою плащ-палатку, и мы увидели знакомую корзину, а в ней… несколько горстей уцелевших ягод. Молча, дрожащими руками артиллеристы брали из корзинки лесные ягоды. Я ел их, чувствуя, как колотится мое сердце. Ягоды были сочными и имели привкус земли. Мне казалось, что они все еще пахнут лесом и… руками мамаши…

ФРОНТОВЫЕ ЦВЕТЫ

…Мы сидели вдвоем на склоне холма. Приближалась ночь. Южный темно-фиолетовый горизонт расцвечивался розовым светом. Где-то вокруг Санока и за Бирчей продолжалась канонада. Доносилось глухое эхо разрывов — это стреляли дальнобойные орудия.

У подножия холма, около замаскированных 76-миллиметровых орудий, старший сержант Коля Усиченко играл на гармони, а ему вторили артиллеристы:

За окном черемуха колышется,
Осыпая лепестки свои,
За окном знакомый голос слышится,
И поют всю ночку соловьи…

Мы слушали молча. Вверху распускались облачка разрывов зенитных снарядов, нащупывая немецкую «раму». От взрывов печальное лицо санитарки Сони вздрагивало. Над нами висели мириады звезд, серая несимметричная дымка в созвездии Ориона и луна, светящая с бескрайнего неба.

— Скажи, когда наконец по вечерам мы будем спокойно смотреть на эти звезды и тихое небо, когда наступит мир? — помню ее шепот. — Когда? Когда конец?

Часто слышались такие вопросы. Я читал их в глазах многих женщин, детей и стариков. Эти вопросы-мечты были и в наших сердцах. Многие месяцы мы подавляли их солдатской шуткой и песней.

Что же я мог ответить этой девушке?

…Во время боев где-то под Киевом она явилась к командиру батареи. Просьба девушки звучала искренне и правдиво:

— Я окончила первый курс, когда началась война… Хочу помогать солдатам, как еще недавно это делали мои отец и мать… Они были врачами…

И она осталась. В батарее не было санинструктора. Уже несколько дней наша незабвенная Нина лежала в промерзшей земле где-то около железнодорожных путей по дороге из Ростова…

Теперь у нас в батарее была санитарка Соня: высокая, красивая, в хорошо подогнанной форме, черноволосая и черноглазая, с ямочками на смуглых щеках.

Соню полюбили за ее молодость, обаяние,

предусмотрительность, старательность, доброту и заботу.

— …Ну-ка, ребята, на перевязку и осмотр!.. Командиры расчетов, отвести солдат в баню! Повар, почему не хватило чаю? Почему суп невкусный?..

И так постоянно, день и ночь, неутомимая, как мать, а было ей всего двадцать лет.

— Соня — сестра, — говорили о санинструкторе артиллеристы.

«Что в этой девушке такого, чем она так подкупила артиллеристов», — думал я. В самые тяжелые дни, бывало, Сопя песенкой или смехом подбадривала нас. Для артиллеристов, мужчин, прошедших суровую закалку в этой войне, она была стимулом борьбы и жизни. Среди нас она была цветком, распускающимся на земле, начиненной кусками железа и стали, орошенной кровью. Она напоминала нам о родном доме, к которому возвращался каждый из нас, изнуренный боями, где его встречали заботливые и любящие глаза матери, жены, сестры. Однако для многих она была уже только воспоминанием о тех мгновениях, которые безвозвратно прошли…

Беспощадны законы войны, и не только для тех, кто на фронте.

Время неумолимо текло. Проходили дни и ночи, мы шли медленнее или быстрее, как обычно, с боями, но теперь уже постоянно на запад. Фронтовые дороги привели меня на родную землю, с которой я распрощался пять лет назад. Я всегда носил ее в сердце, хотя нас разделяли сотни километров. Как же я мечтал именно о таком возвращении! И вот я вернулся на эту бещадскую землю. Теперь тоже был сентябрь, но уже другой — победоносный. Пять лет назад мы не могли отстоять этой прекрасной земли, несмотря на то что многие боевые товарищи отдали здесь свою жизнь.

В этом районе, где я сейчас находился, 11 сентября 1939 года два немецких клипа разорвали наш фронт на Сане, а 1-я гитлеровская горнострелковая дивизия, прорвавшись из Бещад, ринулась через Хырув в направлении Самбор, Рудки и далее на северо-восток… Через четыре дня немецкие войска уже осаждали Львов. Но с востока шла Красная Армия. Немцы Львов не заняли…

А потом, в течение шестидесяти месяцев, гитлеровский сапог топтал бещадские земли, залитые кровью поляков.

Жадно ждала освобождения эта земля.

— …Товарищи красноармейцы, все силы отдадим на окончательный разгром врага! Перед нами теперь земля Польши. Там братья поляки ждут освобождения из-под фашистского

гнета, — слушали мы приказ командующего 1-й гвардейской армией генерал-полковника А. А. Гречко. Это было в последние дни июля, когда наша армия освободила Станислав.

Теперь мы были в Бещадах. Долгая и трудная дорога выпала на нашу долю, прежде чем мы пришли сюда. Фронтовая закалка пригодилась нам и здесь, среди волнистых холмов, обширных полей и лесов Жешувщины…

А на жешувской земле радостный рассвет освобождения заслоняла тень прошлой оккупации. Здесь радость переплеталась с опасением за завтрашний день, за насущный хлеб, с которым и теперь было нелегко. Это видели мы, солдаты, в котелках которых тоже было не очень-то густо.

И Соня, наша санитарка, всегда помнила не только о нас — солдатах, сержантах и офицерах батареи.

— …Там голодные, больные дети и их матери… Товарищ командир батареи, разрешите? Спасибо, есть помочь! А ну-ка, сержант, помоги, пожалуйста, нести суп и медикаменты.

И шли мы с Соней в бещадские деревни. Много их встречалось на нашем пути. И здесь бои были нелегкими. Враг всюду оставил кровавые следы.

Сентябрьский утренний рассвет начался с боя.

Фашистская пехота пошла в атаку, воздух наполнился криками. Среди бещадских холмов и лесов разносилось эхо сражения.

— Батарея, к бою! — раздался голос командира батареи капитана Колесникова.

— Орудие, к бою! — командой поднял я орудийную прислугу четвертого расчета.

— К бою, к бою! — повторяли командиры остальных расчетов.

Наша батарея поставила заградительный огонь. Свистели осколки, и земля перед нами покрылась неподвижными телами.

…За растоптанные счастливые годы наших детей, отнятую радость молодости, нарушенное спокойствие стариков, за рабское унижение, отчаяние матерей, жен и сестер!.. За искалеченную родную землю, сожженные дома, разграбленное имущество, накопленное годами упорного труда, получай, гитлеровская сволочь, получай!..

Гремят взрывы мин, усиливается вой снарядов, грохот моторов и гусениц танков. Фашистские солдаты ползут с искаженными от страха лицами. В дыму и гари, стонах и криках, фонтанах земли и камней медленно тянется летний день.

Сострадание? Но разве может оно быть в отношении тех, кто опустошил твой родной дом, замучил твоих близких, уничтожил

то, что было добыто тяжким трудом в течение многих лет братьями и сестрами, отцами твоими и дедами…

…Получай, фашистская гадина, получай!..

Из стволов наших орудий вылетают снаряды, ставя стальную преграду врагу.

Мы знали истинную цену каждому бою. Там, позади нас, среди развалин и пепелищ, на вспаханной взрывами бомб и снарядов земле, вставали уже новые дома, засыпали окопы и траншеи, обезвреживали мины, собирали с полей осколки. На лица людей возвращалась давно уже забытая улыбка…

На освобожденной части страны реализовались идеи июльского Манифеста, которые из руин и пепелищ должен был возродить к жизни нашу родину — народную Польшу. Благодаря этому историческому документу после вековой несправедливости наш народ наконец брал власть в свои руки и осуществлял идеи, за которые дорого заплатил в застенках тюрем, в концлагерях Березе-Картузской, Майданеке и Освенциме, фронтовыми боями и партизанской борьбой. Народ брал власть в свои руки.

Благодаря победам войск Красной Армии Польша возвращалась к жизни. Наконец пришло время для осуществления чаяний многих польских поколений. Там, за нами, возрождалась новая свободная жизнь. Но здесь, перед нами?..

— Огонь! Огонь! — Команды старшего офицера батареи тонули в грохоте.

— Огонь! — повторял я, обливаясь потом.

Бой был жестоким.

Как всегда, Соня была с нами. Была там, где больше всего в ней нуждались. Бегала без пилотки, а распущенные пушистые волосы поблескивали в лучах солнца. Она бегала от одного орудийного расчета к другому, между огневыми позициями, чтобы перевязать раненых, смочить водой их губы.

Она была единственной женщиной среди нас в этом настоящем аду. Она помогала раненым, шептала обессилевшим слова ободрения и спешила к другим, к тем, кто ее ждал. А когда уже стихла канонада, взорвался один из последних вражеских снарядов. Санитарка Соня осела на дрожащую бещадскую землю…

Я нес ее в долину, только бы подальше от утихающего шума этого боя и радости по поводу одержанной очередной победы. С головы ее капельки крови падали на польскую землю.

«Польские Бещады! Как здесь прекрасно!.. Знаешь, Стах, мне здесь очень нравится…» — проносились в голове обрывки фраз Сони, которые совсем недавно я слышал из ее уст.

«Возвратимся сюда после окончания войны?»

«Не знаю, может, и осталась бы, если бы кто-нибудь приголубил сироту…»

«Встретят тебя здесь, как дочь…»

«Домой не к кому возвращаться, все мои близкие… Но я буду тосковать по широкому Днепру, по развесистым ивам…»

Нес я ее, прижимая к груди. Как хотелось услышать хоть слово из ее уст! Но она молчала.

Темные глаза Сопи туманились, а бледные губы были сомкнуты. Она не сказала ни слова, не пожаловалась. Может, потому, что вокруг затихал шум боя и наступали тишина и спокойствие, о которых она так мечтала.

Я нес ее по откосу холма, в долину, где суетились врачи санбата и… похоронная команда. Я нес ее по опаленной траве среди посеченных снарядами кустов. Из-за одного из них выглядывал уцелевший цветок. Я сорвал его и положил на ее губы.

Я нес русскую девушку — боевого товарища — по моей родной земле, чтобы там, в долине, оставить навсегда.

И этот удар врагу не удался. А что было потом?..

«Одновременно развивалось начавшееся 9 сентября наступление… 1-й гвардейской армии, которой командовал генерал-полковник А. А. Гречко… В ожесточенных боях, длившихся шесть суток, войска 1-й гвардейской армии овладели несколькими населенными пунктами и продвинулись к юго-западу на 10–15 километров. Вечером 14 сентября они вели бои на линии Букувско — Гочев»[62].

В 30 километрах южнее этой линии проходила польско-чехословацкая граница.

Близился конец рабству бещадской земли.

Я порой возвращаюсь туда, любуюсь бещадскими холмами, обширными горными лугами, высокими лесами, а в памяти встают события отдаленные, по всегда близкие сердцу. Тогда я закрываю глаза и опять вижу товарищей по оружию, и те дороги, и фронтовое бездорожье, орошенное солдатским потом и кровью.

И, как в тумане, расплываются те никогда не забываемые два месяца: сентябрь 1939 года и сентябрь 1944 года. Расплываются они и исчезают среди лесных и полевых цветов и редких уже колосьев, тянущихся к солнцу, орошаемых сейчас только, к счастью, дождем.

Там царит спокойствие. И только ветер напевает в листве деревьев свою непрерывную тайную песнь, несет аромат травы и

сена, лесной смолы, запах цветов…

ПОСЛЕСЛОВИЕ

8 сентября войска 38-й армии 1-го Украинского фронта нанесли главный удар по противнику в общем направлении на Дуклю и Прешов. Чтобы облегчить выполнение поставленной перед ней задачи, днем позже из района Бещадских гор в направлении на Команьчу начала наступление соседняя 1-я гвардейская армия 4-го Украинского фронта. Целью этих операций были овладение карпатскими перевалами, и прежде всего Дуклинским, и оказание поддержки словацкому восстанию.

Развернулись упорные бои. Немцы бросали в бой все новые и новые части. Однако те смогли лишь задержать, но не остановили наступления войск Красной Армии. За Карпатскими горами избавления от гитлеровской неволи ждали народы братской Чехословакии.

Вместе с советскими частями в этих сражениях принял участие 1-й Чехословацкий армейский корпус под командованием генерала Людвика Свободы. Совместными усилиями советского 4-го танкового корпуса и танкового батальона 1-го Чехословацкого армейского корпуса 20 сентября была взята Дукля — важный опорный пункт противника, открывавший дорогу на словацкую землю. Шестого октября чехословацкие войска овладели Дуклинским перевалом.

Бои за Карпаты длились до 18 октября. А в это время состоялись незабываемые встречи советских солдат с населением Чехословакии, которое с такой надеждой ждало прихода Красной Армии. Эти встречи вылились в подлинные торжества, проникнутые сердечной теплотой и благодарностью к уставшим от боев советским солдатам. Ярмо фашистской неволи было невыносимо тяжелым и на этой земле. И этот народ оккупанты намеревались превратить в своих рабов. Они вывозили на принудительные работы в Германию, бросали в тюрьмы и концентрационные лагеря, расстреливали и вешали всех тех, кто отказывался повиноваться, а их дома предавали огню. Народ Чехословакии испытал на себе, что такое фашизм, поэтому он радовался теперь свободе, помогал Красной Армии. Многие мужчины добровольно вступали в ряды Чехословацкого корпуса. Все знали, что захват советскими войсками и сражающимся бок о бок с ними Чехословацким корпусом Главного Карпатского хребта является лишь первым этапом на пути к освобождению всей страны. Ждали и готовились к новым боям.

Лично мне не довелось принять в них участия. Я был откомандирован в запасной полк. Оттуда вместе с группой

сержантов меня направили на учебу на курсы младших лейтенантов в город Славуту, под Киев.

Однако мне не суждено было стать офицером Красной Армии. Вскоре в Житомире открылись курсы подготовки офицеров Войска Польского. С грустью распрощался я с советской гимнастеркой сержанта артиллерии и маленькой красной звездочкой на пилотке и надел польскую форму, которую носил два года и в которой сражался с гитлеровцами в сентябре 1939 года. Быстро пролетели несколько месяцев учебы в офицерской школе Войска Польского. И наконец, к моей огромной радости, сбылась заветная мечта деревенского паренька. В 1945 году я уже носил мундир польского офицера. Это было для меня не только честью, но и налагало серьезные обязанности.

Несмотря на то что смолкли орудия, в Польше еще продолжалась война. Польская реакция, инспирированная зарубежными центрами, не хотела мириться с действительностью. Буржуазия мечтала вернуть свои поместья и имения, снова прибрать к рукам фабрики и заводы, где теперь рабочие и крестьяне чувствовали себя полноправными хозяевами.

В боях за новую Польшу принимали участие соединения Войска Польского. Я командовал пехотным батальоном, а затем был назначен заместителем командира полка. И здесь я вновь встретился с советскими офицерами. С удовольствием вспоминаю тот период. Я, в то время двадцатишестилетний капитан, многому научился у командира полка полковника Белоблоцкого и начальника штаба полковника Михайлова. Они помогли мне развить командные и воспитательные навыки. Я приобрел опыт работы с солдатами. А условия того времени были далеко не легкими. Мы почти не бывали в казармах…

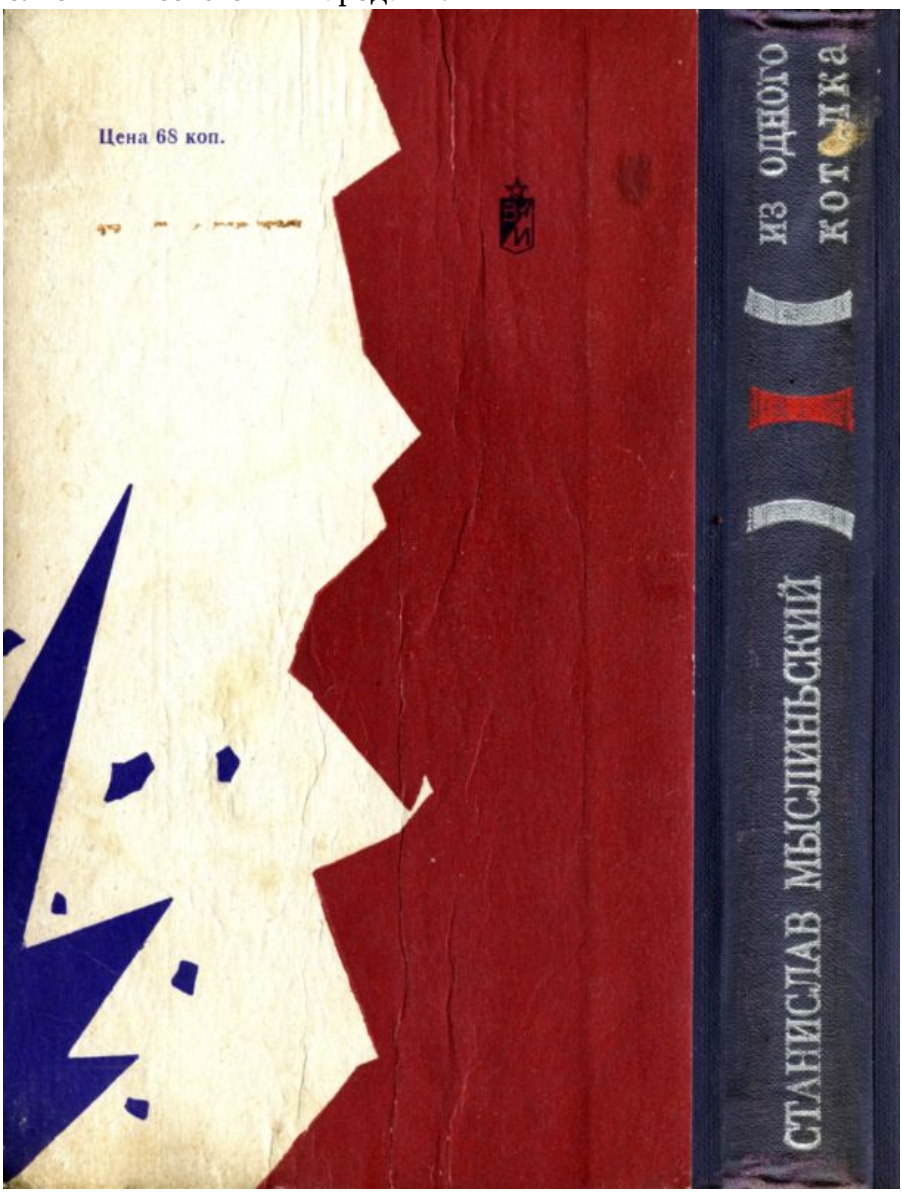
В 1950 году я поступил в Высшее военное училище. Став офицером штаба корпуса, а позднее инспектором внутренних войск, я на протяжении многих лет передавал свои знания и опыт молодым офицерам, выступал на страницах военных журналов. Не переставал я и работать над собой. Получив среднее образование, я окончил юридический факультет Варшавского университета. Нелегко было совмещать военную службу с учебой в гражданском учебном заведении. Но ведь на фронте было тяжелее, считал я. Там каждую минуту решался вопрос о жизни или смерти человека. Теперь такой опасности не существовало.

И вот в этот период своей жизни я решил описать то далекое время, благодаря которому сегодня может наслаждаться счастьем наше поколение.

Мой старший сын пошел по моим стопам. Думаю, что и младший последует его примеру. Таких сыновей, которые взяли в

руки оружие, чтобы встать на защиту завоеваний отцов, немало, их тысячи. Это хорошо, ибо и сегодня необходимо постоянно беречь и охранять нашу свободу и мирную жизнь.

Итак, я сменил винтовку на перо и этим служу своей родине. Есть о чем написать нам, фронтовикам, и я считаю, что это нужно. Ведь никто, кроме нас, не сможет достоверно передать атмосферу того времени, когда закалялось вечное братство между солдатами народного Войска Польского и Красной Армии, между польским и советским народами.



notes

Примечания

1

А. А. Гречко. Битва за Кавказ. Изд. 2-е, доп. М., Воениздат, 1973, стр. 41.

2

Район, уезд.

3

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 40–41.

4

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 2. М., Воениздат, 1963, стр. 224–225.

5

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 51–52.

6

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 2, стр. 454.

7

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 64.

8

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 64–65.

9

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 45.

10

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 47.

11

Фельми командовал корпусом «Ф», специально подготовленным к ведению боев в горах и в соседних с Кавказом странах. — *Прим. авт.*

12

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 54.

13

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 2, стр. 455.

14

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 52–53.

15

Цит. по А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 61.

16

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 78.

17

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 88–89.

18

Там же, стр 89–90.

19

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 2, стр. 16.

20

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 388.

Горный ветер (в Татрах). — *Прим. ред.*

Горцы, коренные жители польских Татр. — *Прим. ред.*

23

Отрывок из сонета «Аккерманские степи». *Перевод И. Бунина*.

24

Польша «Б» — Польша второго сорта. Так в буржуазной Польше называли ее восточные окраины. — *Прим. ред.*

25

Отрывок из сонета «Буря». *Перевод В. Левика.*

26

Отрывок из сонета «Плавание». *Перевод В. Левика.*

27

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 2, стр. 465.

28

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 173.

29

Цит, по А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 163–164.

30

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 171.

31

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 2, стр. 455.

32

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 234–235.

33

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 302, 304.

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 339.

35

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 336.

36

Там же, стр. 339.

37

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 340.

38

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 350.

39

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 396–397.

Там же, стр. 412.

41

Немецкие солдаты из 49-го горнострелкового корпуса генерала Конрада в качестве эмблемы на головных уборах носили изображение цветка эдельвейс. — *Прим. авт.*

42

Отрывок из стихотворения «Порченая». *Перевод П. Антокольского*.

43

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 383–384.

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 384.

45

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 384.

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 421, 427.

47

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 434.

Там же, стр. 440.

49

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 441.

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 442.

51

Патриотический и интернациональный лозунг, выдвинутый польскими демократами в 1831 году в знак союза с передовыми представителями русского народа в совместной борьбе против царизма, польских и русских помещиков и капиталистов. — *Прим. ред.*

52

Отрывок из сонета «Аюдаг». *Перевод В. Левика.*

53

Отрывок из сонета «Алушта ночью». *Перевод И. Бунина*.

54

Отрывок из сонета «Гробница Потоцкой». *Перевод В. Левика*.

55

С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1968, стр. 207–208.

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 446.

57

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 3, М., Воениздат, 1964, стр. 355.

А. А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 446.

59

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 4. М., Воениздат, 1964, стр. 77.

60

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 4, стр. 80.

61

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 4, стр. 246.

62

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 4, стр. 322.